

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Экономический факультет

На правах рукописи

Федоров Сергей Игоревич

**Особенности развития и защиты экономической конкуренции
в социальных порядках ограниченного доступа**

Специальность 5.2.1. Экономическая теория

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
экономических наук

Научный руководитель:
кандидат экономических наук
Курдин Александр Александрович

Москва – 2025

Содержание

Введение	3
Глава 1. Экономическая конкуренция в контексте способов решения проблемы насилия в обществе (социальных порядков)	27
1.1 Экономическая конкуренция и экономическое регулирование	27
1.2 Насилие и способы решения проблемы насилия в обществе (социальные порядки)	41
1.3 Каналы влияния социального порядка на экономическую конкуренцию посредством формальных институтов	56
1.3.1 Гарантирование прав собственности	56
1.3.2 Выбор механизмов управления транзакциями	67
Выводы к первой главе	75
Глава 2. Теоретические и эмпирические подтверждения влияния социального порядка на экономическую конкуренцию	78
2.1 Модель влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию ..	78
2.2 Слабая защита прав собственности участников экономической конкуренции в социальных порядках ограниченного доступа.....	94
2.3 Смещение в выборе механизмов управления транзакциями	105
2.4 Искажение проконкурентных инструментов промышленной политики	130
2.5 «Регуляторный крен» в антимонопольном правоприменении	136
Выводы ко второй главе	141
Глава 3. Способы развития и защиты экономической конкуренции в странах с социальными порядками ограниченного доступа	143
3.1 Анализ заинтересованных сторон.....	143
3.2 Эффект блокировки при защите и развитии конкуренции в социальных порядках ограниченного доступа	149
3.3 Инструменты преодоления эффекта блокировки при защите и развитии конкуренции в социальных порядках ограниченного доступа	152
Выводы к третьей главе	159
Заключение.....	162
Список использованных источников.....	168
Приложения.....	187

Введение

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена наблюдением устойчивого «регуляторного крена»¹ в экономической политике России и развивающихся стран мира, правительства которых осуществляют экономическое регулирование в условиях слабого соблюдения принципа верховенства права или отсутствия консолидированного контроля над применением насилия.

Такие особенности институциональной среды оказывают значительное влияние на принятие мер экономического регулирования. Во-первых, при их принятии правительства могут чаще ограничивать права собственности экономических агентов, в меньшей степени обременены контролем со стороны гражданского общества и реже сталкиваются с рисками оспаривания принятых регуляторных норм в судебном порядке. Во-вторых, при слабом соблюдении принципа верховенства права сами субъекты регуляторных ограничений в правительстве становятся заинтересованными в том, чтобы защитить свое положение, используя регулирование как инструмент защиты от неопределенности в будущем распределении экономических благ. В таких условиях защита и развитие экономической конкуренции, необходимой для обеспечения эффективности² экономической системы, осложнены наложением избыточных регуляторных ограничений со стороны правительства. Эта проблема в том числе является актуальной для России, что, в частности, демонстрируется слабой результативностью проводимой с 2019 г. «регуляторной гильотины» [Голодникова и др., 2021].

---

¹ Термин «регуляторный крен» заимствован из работы [Шаститко, 2012].

² Под экономической эффективностью в исследовании понимается достижение максимальной удовлетворенности потребностей индивидов при минимальных средних затратах имеющихся и вновь обнаруживаемых ресурсов при меняющихся технологиях и индивидуальных целях их использования. В этом определении мы объединяем статический и динамический [Уэрта де Сото, 2011, с. 12] аспекты экономической эффективности. Экономическая конкуренция способствует достижению обоих аспектов: через создание стимулов для обеспечения аллокативной и производственной эффективности (в статическом аспекте) и вовлечение новых ресурсов в хозяйственный оборот, а также открытия новых направлений использования известных ресурсов (в динамическом аспекте).

Если рассматривать государственное регулирование и экономическую конкуренцию как две дискретные альтернативы распределения ограниченных ресурсов в экономике, то регуляторный крен проявляется в устойчивом смещении экономической политики государства в пользу первой альтернативы. Это не означает, что за точку отсчета для крена берется ситуация полного невмешательства государства в экономику: страны, где устойчивый регуляторный крен не наблюдается, тоже активно используют государственное регулирование экономики для достижения целей социально-экономического развития. Однако правительства с регуляторным креном в сравнительно меньшей степени полагаются на распределение ресурсов на конкурентной основе. Такая тенденция в том числе проявляется при осуществлении конкурентной и промышленной политики: процесс дерегулирования отдельных отраслей и рынков, создания новых рынков и защиты экономической конкуренции на существующих рынках часто встречается с новыми регуляторными инициативами, которые препятствуют данному процессу – многочисленные примеры тому продемонстрированы далее в работе.

Особенностью государственного регулирования как дискретной альтернативы распределения ограниченных ресурсов является недобровольность такого распределения, поскольку оно осуществляется с применением или угрозой применения государством монополии на насилие. Если принимать во внимание то обстоятельство, что монополия на насилие может применяться в частных интересах, то регуляторный крен может приводить к ограничению экономической конкуренции в интересах отдельных групп лиц. Такая идея уже появлялась в экономической литературе в рамках теорий частного интереса в государственном регулировании [Тамбовцев, 2021, с. 33]. Однако эта идея не рассматривалась в контексте таких особенностей организации применения монополии на насилие в обществе, как невыполнение принципа верховенства права и(или) отсутствие консолидированного контроля над применением насилия. По этой причине мы обратились к концепции социальных порядков Д.Норта, Дж.Уоллиса и

Б.Вайнгаста³ как к операциональной концепции, объясняющей принципы применения насилия в обществе при выполнении или невыполнении описанных условий (социальные порядки открытого и ограниченного доступа соответственно).

В работе мы рассматриваем страны с различными социальными порядками и сравниваем условия для защиты и развития экономической конкуренции в этих странах. Так, эмпирическая часть исследования содержит анализ результатов опроса Европейским Банком Реконструкции и Развития экономических агентов в 42 странах⁴, в 35 из которых, включая Россию, социальный порядок не удовлетворяет пороговым условиям порядка открытого доступа. Также мы анализируем ситуацию с регуляторным креном в отдельных энергетических отраслях на основе широкого межстранового сравнения условий для развития и защиты экономической конкуренции: по данным ОЭСР и проекта Global Petrol Prices.

Важно отметить, что концепция Д.Норта, Дж.Уоллиса и Б.Вайнгаста выбрана для настоящей работы, поскольку в сравнении с другими концепциями, посвященными анализу конституционного уровня институциональной системы⁵, эта модель предметно анализирует обозначенную проблему и четко разграничивает социальные порядки по интересующим нас характеристикам с помощью т.н. «пороговых условий» социального порядка открытого доступа. Операциональность данной концепции подтверждается как разработанными по ней математическими моделями применения насилия в порядках открытого и

---

³ В работе [North et al., 2009] авторы разделяют социальные порядки, т.е. ситуации монополии на насилие, на: порядки ограниченного доступа (или «естественные государства») и порядки открытого доступа. Порядки открытого доступа отличаются от более распространенных «естественных государств» тем, что в них преодолеваются три пороговых условия: 1) существует консолидированный контроль над насилием; 2) соблюдается принцип верховенства права (в т.ч. для элит) и 3) действуют организации, чье функционирование не привязано полностью к осуществлению персонализированных транзакций.

⁴ В выборку попали: Албания, Армения, Азербайджан, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Респ. Кипр, Чехия, Египет, Эстония, Грузия, Греция, Венгрия, Италия, Иордания, Казахстан, непризнанная Респ. Косово, Киргизия, Латвия, Ливан, Литва, Мальта, Молдавия, Монголия, Черногория, Марокко, Сев. Македония, Польша, Португалия, Румыния, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Таджикистан, Тунис, Турция, Украина, Узбекистан, Палестинская автономия.

⁵ Например, в работах [Persson, Tobellini, 2003; Acemoglu, Robinson, 2012; Acemoglu, Robinson, 2019] для объяснения рассматриваемой нами проблемы применения насилия государством в условиях несоблюдения принципа верховенства права и отсутствия консолидированного контроля над применением насилия подобных операциональных концепций не предлагается.

ограниченного доступа [van Besouw et al., 2017; van Bavel et al., 2016], так и удобством для идентификации социальных порядков на имеющихся эмпирических данных [Андреева и др., 2017]. В результате, благодаря использованию данной концепции, появляется возможность четко разграничить страны по интенсивности соблюдения в них принципа верховенства права и наличию консолидированного контроля над насилием, и проверить, соответственно, влияние этих особенностей институциональной среды на развитие и защиту экономической конкуренции.

На протяжении последних десятилетий во многих странах с социальными порядками ограниченного доступа (в том числе – на постсоветском пространстве) осуществляются попытки дерегулировать отдельные отрасли экономики и внедрить проконкурентные инструменты промышленной политики; создаются антимонопольные ведомства для защиты экономической конкуренции. Эти попытки внедрения проконкурентных мер экономической политики нельзя назвать неудачными: во многих странах действительно появляются рынки в тех секторах, где ранее господствовало государственное регулирование; создаются конкурентные механизмы промышленной политики; функционируют антимонопольные ведомства, которые не только выносят самостоятельные решения, но и отстаивают их в рамках состязательного судебного процесса.

Вместе с тем, многие проконкурентные меры экономической политики в указанных странах относительно часто блокируются или видоизменяются таким образом, что на практике превращаются в инструменты государственного регулирования. Регуляторный крен в экономической политике становится дополнительным препятствием для свободного отбора наиболее эффективных способов хозяйствования^{6,7}, чем и обусловлена актуальность исследования.

---

⁶ Так как экономическая конкуренция может рассматриваться не только в статическом состоянии, но и в качестве динамического процесса, проблема влияния институциональных факторов на нее не может рассматриваться исключительно в терминах «оптимальных» или «субоптимальных» равновесий, к которым приводят сравнительно эффективные и неэффективные институты соответственно. Сам процесс отбора эффективных способов хозяйствования также имеет ценность, но его результат невозможно оценить заранее (структурная неопределенность).

⁷ Следует отметить, что в данной работе не предлагается замена «регуляторного крена» на либеральный фундаментализм [Шаститко, Павлова, 2022]. За отправную точку при определении «крена» берем применение взвешенного коузианского подхода к экономической политике – когда дискретные структурные альтернативы сравниваются с точки зрения выгод и издержек в каждом конкретном случае.

Степень разработанности темы

В научной литературе относительно давно обсуждаются как вопросы развития и защиты экономической конкуренции, так и особенности различных социальных порядков. Несмотря на это обстоятельство, следует отметить, что взаимосвязь социальных порядков и экономической конкуренции⁸ предметно ранее не исследовалась. В связи с этим далее представлен обзор основной литературы, в которой раскрываются отдельные аспекты рассматриваемой темы⁹.

Работы, упоминаемые далее, написаны социологами, а также экономистами, включая представителей институционализма, австрийской школы и немецкой исторической школы. Такой выбор экономической литературы объясняется методологическими особенностями обозначенных направлений экономической теории. Институционализм (а до него – немецкая историческая школа) предполагает анализ социальных правил, в рамках которых общество ведет свою экономическую деятельность. Австрийская же школа постулирует принцип *laissez-faire* в радикальном виде, и потому ее представители традиционно интересуются проблемами влияния политической власти на экономическую конкуренцию. Здесь следует отдельно уточнить то обстоятельство, что в неоавстрийской традиции приняты принцип потребительского суверенитета и положение о предпринимательской бдительности [Machlup, 1981]. Под принципом потребительского суверенитета предполагается принципиальная невозможность кого-либо, кроме потребителя, оценить полезность потребляемых им благ. Под предпринимательской бдительностью в том числе понимается конкурентное преимущество предпринимателя (который задействует неявные¹⁰ и рассеянные¹¹ знания) перед регулятором в осуществлении суждений об эффективности того или иного направления инвестирования ресурсов и приложения усилий. Из-за этих

---

⁸ Данное исследование сфокусировано на социальном порядке как совокупности формальных правил. Влияние неформальных институтов на экономическую конкуренцию в настоящей работе не рассматривается.

⁹ Полные библиографические ссылки на работы всех авторов, упоминаемых в тексте, приведены в списке использованных источников.

¹⁰ Навыки и знания, которые нельзя передать в явном виде. Например, отдельные специфические знания фермера об особенностях выращивания отдельных культур на определенном участке земли.

¹¹ Навыки и знания, которые невозможно или запретительно дорого агрегировать для централизованного принятия решений.

особенностей неоавстрийской традиции ее представители в целом считают любое вмешательство государства в экономическую конкуренцию нецелесообразным. По данной причине представители рассматриваемого направления экономической теории в целом не уделяют внимание различиям в регулировании под воздействием разных характеристик институциональной среды. Однако следует отметить вклад представителей этого направления экономической мысли в раскрытие закономерностей экономической конкуренции как процесса, который, в частности, используется нами при определении каналов влияния социального порядка на экономическую конкуренцию.

Начать хотелось бы с работ представителя австрийской школы Ф. фон Визера «Теория общественного хозяйства» (1914 г.) и «Закон власти» (1926 г.). Эти работы особенно ценны тем, что их автор впервые в экономической теории разделил «экономическую власть»¹² (нем. *Wirtschaftsmacht*) и политическую власть, которую он называл «административной» (нем. *Ordnungsmacht*) [Wieser, 1926, s. 99]. Под административной властью Ф. фон Визер понимал способность ограничивать личную свободу¹³, то есть то, что в новой институциональной экономической теории понимается под термином «насилие»¹⁴. Экономическая же власть в работах Ф. фон Визера означала контроль над редким ресурсом¹⁵. Разграничение этих двух понятий является крайне важным для анализа влияния социального порядка на экономическую конкуренцию, поскольку позволяет провести границу между монополией на насилие (социальный порядок) и монополией на редкий ресурс или товар. До появления работ Ф. фон Визера эти феномены не разграничивались, что делало невозможным предметный анализ влияния административной власти на экономическую

---

¹² Ф. фон Визер относил ее к одной из «жизненных сил» (нем. *Lebensmacht*) (здесь и далее – прим. перевод автора). «Жизненные силы» и культурные силы отделяются Ф. фон Визером от административной власти [Wieser, 1926, s. 99].

¹³ «С тех пор как свобода личности гарантирована юридически, борьба за личную свободу превратилась в борьбу за продукт труда, и в этой форме она дошла до наших дней. Борьба за владение, сопровождающаяся нарастающими с разных сторон импульсами, первоначально происходила в формах открытого насилия, а позже приобрела скрытые формы, облачившись в правовые одежды.» [Визер, 1914]

¹⁴ Насилие – это «физическое ограничение спектра возможностей, доступных одному индивиду (или группе) посредством воздействия на его способность реализовывать принимаемые им решения» [Шаститко, 2010].

¹⁵ Для настоящего времени такая трактовка понятия «экономическая власть» является довольно узкой. Однако здесь мы приводим его в контексте обзора вклада предыдущих исследователей в анализ рассматриваемой нами проблемы.

конкуренцию. Отсутствие разграничения политической и экономической власти в работах других исследователей того времени хорошо иллюстрируют труды историка капитализма, представителя немецкой исторической школы и современника Ф. фон Визера, В. Зомбарта – «Война и капитализм» (1913 г.) и «Буржуа» (1913 г.), в которых автор приравнивает государственных чиновников Нового времени к коммерческим предпринимателям и считает насилие одним из двигателей развития рыночных отношений [Sombart, 1913a; 1913b]. Исследования Ф. фон Визера значительно продвинули вперед экономическую мысль в преодолении подобных обобщений. Далее мы встречаем обозначенное разграничение видов власти в той или иной форме, например, у М. Вебера в работе «Экономика и общество» (1922 г.)¹⁶ или в книге Л. фон Мизеса «Человеческая деятельность» (1949 г.), где насилие по определению объявляется неприменимым в качестве метода экономической конкуренции¹⁷. Здесь также важно отметить, что в рамках немецкого ордолиберализма (*нем. Ordnung* – порядок) и фрайбургской школы, идеи которой были положены в концепцию «социального рыночного хозяйства», в 1930 – 1940 – е гг. проходили дискуссии относительно сравнительного анализа «хозяйственных порядков» [Ойкен, 1995]. Согласно ордолиберальным идеям, есть два идеальных типа, между которыми существует множество альтернативных порядков «среднего пути» – централизованное планирование и рыночное хозяйство. По мнению представителей ордолиберализма, наиболее перспективным является средний путь под названием «конкурентный порядок», который, по В.Ойкену [Ойкен, 1995], устанавливается в соответствии с определенными принципами политики государства, среди которых: недопустимость протекционистских мер, защита частной собственности, свобода заключения договоров. Ордолиберализм, тем не менее, критиковался

¹⁶ «Что касается характера правления, то традиционное правление, как правило, действует в первую очередь и в целом через определенное усиление традиционных взглядов, в первую очередь геронтократического и чисто патриархального правления, которое полностью зависит от власти, которой никто, в отличие от товарищей по союзу, не обладает. <...> В этом случае экономические отношения строго связаны традициями, развитие рынка сдерживается, <...> и возникновение капитализма невозможно.» [Weber, 1922, s. 137 – 138].

¹⁷ «... конкуренция – это соревнование между индивидами, которые хотят превзойти друг друга. Нельзя применять к конкуренции термины, присущие войне, междоусобному конфликту, атаке и обороне... Те, кто проигрывает, не аннигилируются (*им целенаправленно не причиняется ущерб – прим. автора*), они перемещаются на место в социальной системе, более скромное, но и более подходящее для них.» [Mises, 1996, p. 274]

представителями неоавстрийской исследовательской традиции, поскольку решение о корректировке рыночных изъянов де-факто принимает государство (монополия на насилие) и само разрабатывает критерии необходимости регуляторного вмешательства, что смещает экономическую политику в сторону избыточного регулирования [Mises, 1996].

Сложность взаимосвязи между насилием и экономической конкуренцией является постоянным предметом научных дискуссий. Например, в рамках неоавстрийской исследовательской традиции¹⁸ отрицание совместимости насилия и экономической конкуренции сосуществует с позицией, согласно которой насилие и защита от него – товары, которыми следует торговать на свободном рынке [Ротбард, 2022]. В работах немецкого социолога Г. Элверта, посвященных «рынкам насилия» (нем. *Gewaltmärkte*, англ. *markets of violence*), напротив, рынок насилия или олигополия на насилие рассматриваются в качестве синонимов состояния гражданской войны и открытого социального конфликта [Elwert, 1999].

Разные представители новой институциональной экономической теории также уделяли внимание темам, близким к настоящему диссертационному исследованию. Однако это происходило либо в виде эпизодического попадания темы в фокус исследования других социально-экономических проблем, либо применительно к обсуждению узкоспециальных прикладных задач.

Так, исландский институционалист Т. Эггертссон, предлагая «обобщенную теорему Коуза»¹⁹, определил, что помимо отсутствия транзакционных издержек²⁰ и полной спецификации всех прав собственности²¹ для неизменного и эффективного размещения ресурсов в обществе также необходимым фактором

¹⁸ Представители австрийской школы, начиная с III поколения (Л. фон Мизес и др.).

¹⁹ Теорема Коуза: «Если права собственности четко определены и транзакционные издержки равны нулю, то размещение ресурсов (структура производства) будет оставаться неизменным и эффективным независимо от изменений в распределении прав собственности» [Stigler, 1966].

²⁰ Транзакционные издержки – это ценность ресурсов (денег, времени, труда и т. п.), затрачиваемых на планирование, адаптацию и обеспечение контроля выполнения взятых индивидами обязательств в процессе отчуждения и присвоения прав собственности и свобод, принятых в обществе. [Шаститко, 2010]

²¹ Спецификация прав собственности – это определение всех элементов права собственности как института (ситуация, адресат, предписываемое действие, санкция, гарант).

является распределение власти внутри страны [Eggertsson, 1990]. Идея получила развитие и в более поздней работе автора [Эггертссон, 2022].

В работе «Логика коллективных действий» [Olson, 1965]. М. Олсон рассматривал экономическую конкуренцию с позиции интересов участников открытых (инклюзивных) и закрытых (эксклюзивных) групп. В этой концепции эксклюзивность доступа к группе была связана с ограниченностью распределяемых внутри группы рент (примером служило картельное соглашение), а инклюзивность, напротив, – с неконкурентностью в потреблении²². Эта идея также встречается в исследовании [Weymouth, 2016], где выбор между экономической конкуренцией и государственным регулированием экономических отношений в развивающихся странах объясняется соотношением политических сил проконкурентной коалиции «аутсайдеров» и антиконкурентной группы «инсайдеров», заинтересованных в сохранении контроля над экономическими рентами: гипотеза успешно верифицируется на панельных данных по 155 странам мира. Известны и российские исследования, написанные с использованием схожих концепций [Яковлев, 2012; Yakovlev et al., 2014].

Вновь проблема влияния социального порядка на экономическую конкуренцию была обозначена в работе «Насилие и социальные порядки» Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста [North et al., 2009]²³. Преимуществом модели, разработанной авторами данной концепции, является разграничение способов монополизации насилия в обществе в соответствии с «пороговыми условиями» социальных порядков. Рассмотрение политического устройства государства с таких позиций позволяет абстрагироваться от конкретных механизмов осуществления общественного выбора и учитывать фактически получаемую в результате такого выбора институциональную среду. Вкратце отметим, что, по мнению Д. Норта и др., более «открытый» социальный порядок, в котором силовые структуры консолидированы, соблюдается принцип верховенства права для элит,

---

²² Саму экономическую конкуренцию можно рассматривать как благо, которое неконкурентно в потреблении, т.е. его полезность не сокращается от роста числа потребителей этого блага.

²³ В работах [van Besouw, 2016; van Bavel et al., 2017] концепция Д. Норта и др. переведена в вид формальной математической модели.

и функционируют постоянно действующие организации, способствует развитию экономической конкуренции.

Схожие идеи опубликованы в работе Д. Аджемоглу и Д. Робинсона «Почему одни страны богатые, а другие – бедные» в 2012 г. [Acemoglu, Robinson, 2012]. Здесь авторы рассматривают институциональную среду через противопоставление «экстрактивных» и «инклюзивных» институтов, которые соответственно нацелены на перераспределение экономических благ одним группам индивидов за счет других или включение широких групп индивидов в участие в экономической активности. В более ранней работе тех же авторов [Acemoglu, Robinson, 2006] исследуется экономические факторы формирования демократий и диктатур. Исследование включает в себя всесторонний анализ различных экономических факторов, влияющих на формирование политического режима, в том числе затрагивается вопрос о конкуренции на товарных рынках. Особенностью работы, согласно авторам, является использование моделей из теории игр с полной информацией [Acemoglu, Robinson, 2006, p. XIV] и концепций политического и экономического равновесия под воздействием экзогенно заданных экономических институтов [Acemoglu, Robinson, 2006, p. 313]. Авторы, впрочем, обращают внимание на то, что экономическая конкуренция может ограничиваться государством путем изменения институтов экономического регулирования для защиты интересов отдельных групп, оказывающих политическую поддержку власти: по версии авторов, это происходит в виде наделения отдельных групп «рыночной властью» [Acemoglu, Robinson, 2006, p. 313] для перераспределения экономических благ в их пользу и установления таким образом нового равновесия. Такой подход позволяет объяснить возможность ограничения экономической конкуренции с помощью политической власти в интересах отдельных групп индивидов, однако: а) не объясняет особенности такого ограничения конкуренции в условиях несоблюдения принципа верховенства права и отсутствия консолидированного контроля над применением насилия; б) не отделяет понятие «рыночная власть» от использования административного ресурса для перераспределения экономических благ; в) рассматривает ситуацию как

равновесную, что не позволяет объяснить постоянный процесс принятия новых регуляторных механизмов (т.е. выход из равновесия).

Институционалист О. Уильямсон предполагал, что уровень защищенности прав собственности и риски их принудительного отчуждения через насилие могут повышать меру неопределенности [Williamson, 1991, p. 287]. В свою очередь, мера неопределенности является фактором при выборе оптимального механизма управления трансакциями – рынка, иерархии или их гибрида.

Среди ранних работ также следует выделить исследование [Weingast, 1997]. Б.Вайнгаст разработал теоретико-игровую модель, с помощью которой объяснил установление политического равновесия в обществе. Он обратил внимание на то, что существует множество политических равновесий, к которым общество может прийти в зависимости от действий членов элиты и поддерживающих их групп индивидов. Причем важным для установления принципа верховенства права является отсутствие ситуации, при которой элита опирается на защиту прав и свобод одной группы и ограничение прав и свобод другой для перераспределения выигрышей между этими группами (в том числе – в процессе экономической конкуренции).

В российской научной литературе авторы научных публикаций обращали внимание на проблему сращивания политической и экономической власти в рамках концепции «власти-собственности» [Васильев, 2000; Плискевич, 2008; Нуреев, Латов, 2010 и др.], однако данная концепция является скорее описательной и не позволяет вскрыть «черный ящик» взаимосвязи между насилием и гарантированием прав собственности.

Из отечественных исследований на рассматриваемую тему также следует выделить работу [Тамбовцев, 1998]. В ней автор классифицирует обмены, осуществляемые в процессе хозяйственной деятельности, по трем критериям: симметричность, избирательность и наличие гаранта. К «цивилизованному рынку» автор относит только симметрично избирательные обмены с гарантом «государство».

Как уже было сказано ранее, тема, которой посвящена настоящая диссертация, в том числе затрагивается при рассмотрении узкоспециальных прикладных вопросов – например, при обсуждении «регуляторного крена» в антимонопольном правоприменении. Так, в российском научном сообществе проблема впервые была сформулирована в статье [Шаститко, 2012]. В дальнейшем тема получила развитие в работах [Шаститко, Павлова, 2018; Шаститко, Ионкина, 2021; Шаститко, Павлова, 2021; и др.]. В частности, одной из наиболее ярких иллюстраций к проблеме стала законодательная норма об индивидуальном злоупотреблении коллективным доминирующим положением на рынке, позволяющая фактически осуществлять ценовое регулирование на рынке инструментами конкурентной политики. В попытках осмыслить причины «регуляторного крена» в российском антитрасте исследователи приходят к выводу, что антимонопольный орган по некоторым причинам в своей деятельности может отклоняться от официально обозначенных целей. Например, ориентироваться на популярность принимаемых решений у населения [Katsoulacos et al., 2016] и даже – на поддержку отдельных участников рынка [Avdasheva, Shastitko, 2011]. Постановка перед антимонопольным органом целевых индикаторов может также исказить его стимулы и приводить к негативным последствиям [Avdasheva, Golovanova, 2016] в виде ограничения конкуренции и снижения уровня общественного благосостояния. Важно отметить, что во всех перечисленных случаях снижение эффективности антимонопольного правоприменения связывается с особенностями характеристик институциональной среды. Более широкая постановка проблемы представлена в работе [Шаститко, Павлова, 2022], где проводится сравнительный анализ трех видов политики по отношению к рыночным изъянам: либерального фундаментализма, пигувианства и коузианства. Выбор того или иного подхода в том числе зависит от спроса на экономические знания на политическом рынке.

В контексте обсуждения возможности преследования регулятором частных интересов следует также упомянуть и о работах по теориям частного интереса в государственном регулировании [Stigler, 1971; Becker, 1983], а также теориях

рентоориентированного поведения [Tullock, 1967; 2003; Krueger, 1974] и теориях захвата регулятора [Laffont, Tirole, 1991; Martimort, 1999]. Однако важно отметить, что данные теории применимы к любому государственному регулированию вне зависимости от соблюдения или несоблюдения принципа верховенства права и наличия консолидированного контроля над применением насилия в обществе. В связи с этим перечисленные теории затрагивают рассматриваемую нами проблему лишь посредственно.

Обзор литературы позволяет нам сделать вывод о том, что тема настоящей диссертации является актуальной и затрагивается при обсуждении множества теоретических и практических вопросов. В высокой степени разработанности находятся два направления исследований: исследования закономерностей формирования, развития и функционирования социальных порядков, и исследования, посвященные вопросам развития и защиты экономической конкуренции. Несмотря на это, взаимосвязи между характеристиками социальных порядков и экономической конкуренцией в ранних научных работах предметно не раскрывались.

Цель и задачи исследования

Целью исследования является выявление взаимосвязей между характеристиками социальных порядков и экономической конкуренцией, определение подходов к развитию и защите экономической конкуренции, актуальных с учетом особенностей социальных порядков ограниченного доступа. Для достижения этой цели выполняются следующие задачи:

1. Определить понятия «экономическая конкуренция» и «социальный порядок» и взаимосвязи между этими понятиями.

2. Идентифицировать (теоретически) каналы влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию посредством формальных институтов²⁴.
3. Построить экономико-математическую модель для демонстрации механизма влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию.
4. Осуществить эмпирическую проверку предполагаемых механизмов влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию.
5. Идентифицировать сущность проблемы эффекта блокировки институциональных изменений при развитии и защите экономической конкуренции в социальных порядках ограниченного доступа (по Д. Норту, Дж. Уоллису и Б. Вайнгасту).
6. Выявить инструменты, целесообразные для преодоления барьеров развития и защиты экономической конкуренции в условиях социальных порядков ограниченного доступа.

Объект исследования

Институты политической организации общества и экономического регулирования.

Предмет исследования

Влияние характеристик социальных порядков на защиту и развитие экономической конкуренции посредством формальных институтов экономического регулирования.

Методология и методы исследования

Методология исследования построена на концепциях представителей новой институциональной экономической теории (Д. Норт, Дж. Уоллис,

---

²⁴ Неформальные институты, безусловно, также связаны с развитием и защитой экономической конкуренции, однако в нашем исследовании мы фокусируемся на социальном порядке как совокупности формальных институтов.

Б. Вайнгаст, Д. Аджемоглу, Дж. Робинсон, М. Макгуайер, М. Олсон, О. Уильямсон, К. Менар, Дж. Хиршлейфер и др.), австрийской исследовательской традиции (Ф. фон Визер, Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек, П. Беттке, И. Кирцнер и др.), теориях предпринимательства (Ф. Найт, И. Кирцнер, Н. Фосс, П. Кляйн и др.). В настоящей работе используется сравнительный анализ дискретных институциональных альтернатив на основе концепций из новой институциональной экономической теории (в т.ч. социальных порядков и механизмов управления транзакциями). Методология австрийской исследовательской традиции и теорий предпринимательства используются в части динамического подхода к определению экономической конкуренции и анализа индивидуального выбора в условиях структурной неопределенности. Также из методологии обозначенных направлений экономической теории используется принцип методологического индивидуализма.

Помимо общенаучных методов анализа, синтеза, дедукции и индукции, логического и системного анализа в исследовании применены специальные методы. Так, для решения поставленных исследовательских задач используются: экономико-математическое моделирование и эконометрические методы, включая построение моделей дискретного выбора. Экономико-математическое моделирование позволяет продемонстрировать механизм влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию. Эконометрические методы использованы для проверки влияния характеристик социального порядка на участие фирм в экономической конкуренции как процессе. Задействованы также: анализ кейсов, исторический метод, статистический анализ и сравнительный системно-структурный анализ.

Информационной и эмпирической базой для исследования послужили научные публикации, монографии, материалы средств массовой информации, базы данных международных организаций и национальных статистических служб. Эмпирическую базу исследования составили данные Business Environment and Enterprise Performance Survey (BEEPS) Европейского Банка Реконструкции и Развития, данные Indicators of Product Market Regulation (PMR) Организации

экономического сотрудничества и развития, набор данных проекта Global Petrol Prices, данные национальных статистических служб, а также нормативно-правовые акты России и других стран. Также использованы подготовленные автором материалы научных публикаций, рефератов к сдаче экзаменов кандидатского минимума, выступлений на конференциях, учебные материалы, подготовленные в рамках обучения в аспирантуре, и прочие авторские материалы.

Научная новизна исследования

В работе раскрываются механизмы влияния характеристик социальных порядков на экономическую конкуренцию, эти механизмы моделируются и часть из них проверяется эмпирически. Предлагаются подходы к преодолению эффекта блокировки развития экономической конкуренции в странах, где особенности социального порядка порождают такой эффект. В отличие от предыдущих исследований на данную тему, в работе применяется коузианский подход к экономическому регулированию [Шаститко, Павлова, 2022], предлагаемый новой институциональной экономической теорией. Такой подход позволяет сравнивать дискретные структурные альтернативы и не рассматривать проблему влияния насилия на экономическую конкуренцию с крайних позиций: в отличие от многих других направлений экономической теории (в т.ч. австрийской школы) тезисы о влиянии государства на экономическую конкуренцию однозначно не входят в «жесткое ядро» (по И. Лакатосу) [Lakatos, 1970] какого-либо из направлений новой институциональной экономической теории.

В настоящем исследовании концепция социальных порядков применяется к новому предметному полю, что позволяет существенно расширить представление о роли государства в защите и развитии экономической конкуренции: допускается возможность целенаправленного наложения государством избыточных регуляторных ограничений на экономическую конкуренцию для снижения собственных рисков, связанных со структурной неопределенностью (порождаемой экономической конкуренцией). Под структурной неопределенностью здесь и далее понимается «ситуация индивидуального выбора, в которой принимающее решение

лицо не только не располагает информацией о распределении объективных вероятностей, но и о том наборе событий, которые значимы с точки зрения его благосостояния (максимизации целевой функции), и вместе с тем неизвестны *ex ante*» [Шаститко, 2018].

К числу результатов, обладающих свойством научной новизны, относятся следующие:

1. Взаимосвязь социального порядка и экономической конкуренции рассмотрена в динамическом аспекте через проблему структурной неопределенности. Показано, что различие в отношениях к структурной неопределенности между участниками экономической конкуренции и элитной группой в социальных порядках ограниченного доступа способствует возникновению регуляторного крена в экономической политике.
2. Идентифицированы каналы влияния характеристик социального порядка ограниченного доступа на экономическую конкуренцию посредством формальных институтов:
  - институты государственного регулирования в социальных порядках ограниченного доступа ограничивают правомочия экономических агентов для сохранения стабильности в распределении экономических благ;
  - институты государственного регулирования в социальных порядках ограниченного доступа в некоторых случаях провоцируют смещение в выборе механизмов управления трансакциями в пользу механизмов с относительно большим уровнем административного контроля со стороны государства.
3. С помощью экономико-математической модели показано, как характеристики социального порядка ограниченного доступа провоцируют возникновение «регуляторного крена». Это достигается из-за относительно низких издержек по принятию избыточных

регуляторных ограничений (нет необходимости нести трансакционные издержки, связанные с согласованием регуляторной инициативы, ее защитой в рамках судебных разбирательств и т.д.) и наличия у членов элиты социального порядка ограниченного доступа интереса к стабильному распределению экономических благ для избегания конфликтов, которые могут нарушить стабильность социального порядка.

4. С помощью эконометрических методов подтверждено: если экономический агент в социальном порядке ограниченного доступа утверждает, что в этом социальном порядке соблюдается принцип верховенства права (т. е. завышает оценку действующему социальному порядку и чувствует себя защищенным), то при прочих равных условиях его результаты участия в экономической конкуренции как процессе слабее – он реже принимает решение о внедрении новых продуктов и процессов. В социальных порядках открытого доступа обнаружена противоположная по знаку статистическая связь.

Приведены эмпирические подтверждения:

- в порядках ограниченного доступа в ряде случаев наблюдается смещение в выборе механизмов управления трансакциями в сторону тех, которые характеризуются большим административным контролем со стороны государства и меньшей способностью экономических агентов принимать автономные решения;
- в порядках ограниченного доступа меры активной и защитной конкурентной политики могут превращаться в инструменты экономического регулирования для решения проблем, связанных со структурной неопределенностью²⁵.

---

²⁵ Здесь и далее по тексту мы подразумеваем под экономическим регулированием регулирование, осуществляемое монополией на насилие и направленное на наделение предприятий и отраслей ресурсами или перераспределение ресурсов между ними. Регулирование может быть и негосударственным – например, внутри фирмы: однако отличие этих ситуаций от рассматриваемых нами заключается в неприменении насилия. Например, выбор механизмов управления трансакциями по О. Уильямсону осуществляется добровольно, исходя из минимизации трансакционных издержек. Отличие проконкурентных мер экономической политики от экономического регулирования видится в том, что в первом случае экономическая политика направлена на установление правил, при которых развивается

5. Рассмотрена ситуация противоречий в отношении к структурной неопределенности между членами антиконкурентной и проконкурентной коалиций переменного состава. Показано, что антиконкурентная коалиция в социальном порядке ограниченного доступа обладает сравнительно большими возможностями для блокировки проконкурентных институциональных изменений.
6. Разработана система инструментов, целесообразных для преодоления эффекта блокировки при осуществлении проконкурентных институциональных изменений в социальных порядках ограниченного доступа. Эти меры направлены на расширение состава проконкурентной коалиции и повышение частных издержек введения избыточных регуляторных ограничений.

Теоретическая значимость работы

Результаты работы позволяют учитывать влияние характеристик социальных порядков на экономическую конкуренцию при исследовании конкурентной и промышленной политики в разных странах. Диссертационное исследование вводит в новую институциональную экономическую теорию динамический взгляд на природу взаимосвязи социального порядка и экономической конкуренции, поднимая проблему структурной неопределенности как фактора хозяйственной деятельности и принятия решений органами власти и экономическими агентами. В исследовании получает развитие теория трансакционных издержек в части влияния институциональной среды на формирование механизмов управления транзакциями в отраслях экономики. Исследование также объясняет феномен превращения инструментов активной и защитной конкурентной политики в инструменты экономического регулирования в странах с социальными порядками ограниченного доступа. Задаются подходы к разработке инструментов развития и

процесс конкурентного распределения ресурсов, а во втором – политика направлена на наделение экономических агентов этими ресурсами или перераспределение ресурсов между ними.

защиты экономической конкуренции в условиях блокировки проконкурентных институциональных изменений.

Практическая значимость работы

Результаты исследования могут быть использованы при:

- формировании целей и выборе инструментов конкурентной и промышленной политики в порядках ограниченного доступа с учетом эффекта блокировки, провоцирующего «регуляторный крен» (для лиц, участвующих в принятии решений и заинтересованных в развитии и защите экономической конкуренции);
- выборе стратегии поведения на рынке экономическими субъектами, ведущими свою хозяйственную деятельность в различных социальных порядках (в т.ч. транснациональными корпорациями);
- разработке показателей, призванных оценивать состояние институциональной среды для ведения экономической деятельности в странах с порядками ограниченного доступа;
- преподавании институциональной экономики, а также учебных курсов, посвященных предпринимательству, развитию и защите экономической конкуренции.

Положения, выносимые на защиту

1. Различие в отношениях к структурной неопределенности между участниками экономической конкуренции и элитной группой в странах с социальными порядками ограниченного доступа способствует возникновению регуляторного крена в экономической политике. Экономическая конкуренция как процесс предполагает структурную неопределенность будущего распределения экономических благ, что является опасным для элиты в социальном порядке ограниченного доступа, которая стремится сохранить стабильность в социальном порядке с помощью постоянства в распределении экономических благ. По этой причине члены элиты в странах с социальными порядками

ограниченного доступа начинают использовать регулирование для наложения избыточных ограничений на экономическую конкуренцию.

2. В странах с социальными порядками ограниченного доступа:
  - институты государственного регулирования в социальных порядках ограниченного доступа чаще ограничивают полномочия экономических агентов для сохранения стабильности в распределении экономических благ;
  - институты государственного регулирования в социальных порядках ограниченного доступа чаще провоцируют смещение в выборе механизмов управления трансакциями в пользу механизмов с относительно большим уровнем административного контроля со стороны государства.
3. «Регуляторный крен» в странах с социальными порядками ограниченного доступа возникает как отклонение от обоснованного числа регуляторных ограничений в сторону наложения избыточных ограничений на деятельность экономических агентов. Это достигается из-за относительно низких издержек по принятию избыточных регуляторных ограничений (нет необходимости нести трансакционные издержки, связанные с согласованием регуляторной инициативы, ее защитой в рамках судебных разбирательств и т.д.) и наличия у членов элиты социального порядка ограниченного доступа интереса к стабильному распределению экономических благ для избегания конфликтов, которые могут нарушить стабильность социального порядка.
4. Участники экономической конкуренции в странах с социальными порядками ограниченного доступа, чувствуя себя защищенными, при прочих равных условиях демонстрируют более слабые результаты участия в экономической конкуренции как процессе – они реже принимают решения о внедрении новых продуктов и процессов. В социальных порядках открытого доступа такая статистическая связь противоположна по знаку. В социальных порядках ограниченного доступа

в ряде случаев (на примере электроэнергетики, рынка моторного топлива и т.д.) наблюдается смещение в выборе механизмов управления трансакциями в сторону тех, которые характеризуются большим административным контролем со стороны государства и меньшей способностью экономических агентов принимать автономные решения. Также в социальных порядках ограниченного доступа меры активной и защитной конкурентной политики могут превращаться в инструменты экономического регулирования для решения проблем, связанных со структурной неопределенностью.

5. Антиконтрентная коалиция в социальном порядке ограниченного доступа обладает сравнительно большими возможностями для блокировки проконтрентных институциональных изменений. Для развития и защиты экономической конкуренции в странах с такими социальными порядками необходимо преодоление этой блокировки.
6. Меры по развитию и защите экономической конкуренции в странах с социальными порядками ограниченного доступа должны быть направлены на расширение состава проконтрентной коалиции и повышение частных издержек введения избыточных регуляторных ограничений. Среди таких мер могут быть: создание института антимонопольной экспертизы законопроектов; адвокатирование конкуренции (в т.ч. в интересах членов антиконтрентной коалиции переменного состава); развитие биржевой торговли товарами для повышения числа персонифицированных трансакций, осуществляемых по общим правилам, и др.

Соответствие диссертации научной специальности

Диссертационное исследование соответствует специальности 5.2.1. Экономическая теория. Направления исследований:

2. Категориальный и концептуальный аппарат экономической науки.

12. Теоретический анализ экономической политики и государственного регулирования экономики.

13. Институциональные исследования в экономической науке.

Апробация работы

Положения диссертационного исследования неоднократно обсуждались на научных семинарах кафедры конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Также отдельные положения исследования апробированы в рамках открытого семинара проекта «Научный старт»: материалы выступления по итогам обсуждения были доработаны и опубликованы в качестве научной статьи в журнале из списка диссертационных советов МГУ. Отдельные положения диссертационного исследования апробированы на международных конференциях «Ломоносов» и «Конференция консорциума журналов экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова». Положения, касающиеся роли экономической конкуренции в преодолении проблемы неопределенности, послужили основой для исследования по внутрифакультетскому гранту, а также – для выступления на Российском экономическом конгрессе 2023 г. Материалы диссертации также положены в основу разрабатываемого курса для бакалавриата экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Основные положения и выводы диссертационного исследования опубликованы в 5 работах автора общим объемом 6,3 п.л. (авторский вклад – 4,65 п.л.). Все статьи опубликованы (лично и в соавторстве) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук.

Структура диссертации

Объем диссертации – 189 страниц. Диссертация включает введение, три главы, заключение, список использованных источников, приложения. Текст диссертации содержит 16 рисунков, 16 таблиц, 2 приложения. Список источников содержит 212 наименований. Во введении обоснована актуальность работы,

проведен анализ степени разработанности исследуемой темы, ставятся цели и задачи исследования. В первой главе определяются каналы влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию посредством формальных институтов. Вторая глава посвящена экономико-математическому моделированию «регуляторного крена» в условиях социального порядка ограниченного доступа и эмпирическому подтверждению каналов влияния социального порядка на экономическую конкуренцию, выявленных в первой главе. В третьей главе вырабатываются рекомендации для преодоления эффекта блокировки при развитии и защите экономической конкуренции в странах с социальными порядками ограниченного доступа. В заключении подводятся итоги проведенного исследования в соответствии с поставленными целями и задачами.

Глава 1. Экономическая конкуренция в контексте способов решения проблемы насилия в обществе (социальных порядков)

1.1 Экономическая конкуренция и экономическое регулирование

Для начала следует определить, о чем идет речь, когда используется термин «экономическая конкуренция». Однозначное определение этого активно употребляющегося понятия при ближайшем рассмотрении оказывается весьма сложным.

Подходов к определению понятия «экономическая конкуренция» в экономической теории существует множество. Например, экономический словарь *The New Palgrave Dictionary of Economics* [Durlauf (ed.), Blume (ed.), 2016] содержит около 44 статей, посвященных обсуждению данного термина с разных методологических позиций. Впрочем, все это многообразие трактовок понятия «экономическая конкуренция» за редким исключением сводится к двум аспектам: статическому и динамическому²⁶.

В рамках **статического аспекта под совершенной конкуренцией понимается** состояние рынка, при котором ни один из участников рынка не может оказать решающее воздействие на общие условия обращения на нем товаров и услуг²⁷. Приводя определение «совершенной конкуренции», мы, безусловно, не отрицаем существование широкого спектра ситуаций, возникающих на рынке в условиях различных вариантов несовершенной конкуренции, но лишь подчеркиваем «идеальную» модель *статической* конкуренции. Статический подход к экономической конкуренции обладает рядом преимуществ. Во-первых, он крайне удобен для математического моделирования. Это достигается за счет того обстоятельства, что при заданных предпочтениях и технологиях производства оптимальные решения, принимаемые экономическими агентами, в рамках статических моделей могут быть определены сторонним наблюдателем. Во-

---

²⁶ Имеются в виду различные подходы к определению понятия, но не модели конкуренции со всеми многообразными вариантами поведения конкурирующих экономических агентов (ценовая и неценовая, со стратегическим и нестратегическим поведением и т.д. и т.п.). Подробнее об этих моделях см. монографию [Тироль, 1996].

²⁷ Здесь мы приводим определение «совершенной конкуренции», в той или иной интерпретации повторяющееся в любой работе, написанной в рамках неоклассической экономической теории. Например, критерии совершенной конкуренции в операциональном виде представлены у [Robinson, 1933].

вторых, подход удобен своей операциональностью. Вместе с тем статический подход обладает существенным недостатком – он игнорирует проблему неопределенности, связанную с динамичностью экономической системы.

Возникает закономерный вопрос: зачем необходима экономическая конкуренция, если с точки зрения ее статического аспекта желаемый итог стороннему наблюдателю заранее известен? Можно добиться того же результата, например, централизованно – с помощью государственного экономического регулирования.

Ответ на вопрос, заданный выше, связан с **динамическим аспектом экономической конкуренции** и, соответственно, проблемой неопределенности. Именно неопределенность далее в нашем исследовании будет играть ключевую роль при обсуждении проблемы влияния социального порядка на экономическую конкуренцию. Экономическая конкуренция, с точки зрения динамики, является процессом открытия новых возможностей использования известных ресурсов и обнаружения новых ресурсов посредством задействования предпринимателями своих преимуществ во внимательности (англ. *alertness*), который осуществляется экономическими агентами с целью занятия более привлекательной позиции в системе социальной кооперации по общим правилам поведения, без применения насилия по отношению друг к другу²⁸. Такое определение раскрывает информационную суть экономической конкуренции как процесса: она нужна для того, чтобы получать новое знание о меняющихся условиях экономической деятельности и использовать его для адаптации к этим изменениям [Шаститко, Федоров, 2023]. Аналогии из спортивных соревнований хорошо иллюстрируют этот информационный поиск: вряд ли кто-нибудь решил бы проводить спортивные состязания в случае, когда их итог заранее известен; спортивные состязания проводятся именно для того, чтобы выяснить, кто из участников способен лучше справиться с поставленными задачами в действующих правилах игры. То же касается и роли конкуренции в экономической деятельности – выявлять те

---

²⁸ Формулировка основана на сингулярном определении динамической конкуренции по [Шаститко, 2008, с. 108] дополнена идеей о стимуле осуществления нововведений [Mises, 1996], а также замечанием относительно необходимости соблюдения общих правил поведения без применения насилия [Хайек, 2023].

хозяйственные практики, которые позволяют людям наиболее эффективно достигать их цели в быстро меняющемся мире.

Проблема неопределенности в контексте динамического аспекта экономической конкуренции исследуется давно. Так, например, еще Р. Кантильон в своей работе 1755 г. «Эссе о природе торговли в общем плане» [Cantillon, 2010, p. 73] пишет: «Фермер – это предприниматель <...> Он использует землю для кормления скота, производства зерна, вина, сена и т. д., по своему усмотрению, не будучи в состоянии предвидеть, какие из этих продуктов будут давать наибольшую цену. <...> цены на фермерские продукты зависят от непредвиденных обстоятельств, и соответственно, он (фермер) ведет свое предприятие с неопределенностью.» Р. Кантильон объясняет, что множество таких предпринимателей, действующих на рынке, пытаются адаптироваться к потребностям покупателей, создавая новое предложение. Именно этим они отличаются от других слоев населения, довольствующихся разделением стабильно поступающих рент. Аналогичные идеи мы можем увидеть у немецкого экономиста И.Г. Тюнена, который в работе «Изолированное государство» утверждал, что все виды риска невозможно застраховать, и потому нужен предприниматель, который в условиях экономической конкуренции будет брать на себя ответственность за прибыли и убытки, которые невозможно заранее рассчитать [Блауг, 1994].

Среди исследователей, затрагивавших проблему неопределенности как ключевой составляющей экономической конкуренции, следует также особенно выделить Ф. Найта и его работу «Риск, неопределенность, прибыль» [Knight, 1921], исследования Дж. Б. Кларка «Конкуренция и цели государственной политики» и «Конкуренция как динамический процесс» [Clark, 1954; 1961], а также труд Й. Шумпетера «Теория экономического развития» [Шумпетер, 2007]. Несмотря на серьезные методологические различия между перечисленными работами, в них есть общая черта – все эти концепции основаны на принятии риска и неопределенности предпринимателем.

Автор одной из теорий конкуренции как процесса, И. Кирцнер [Kirzner, 1973], критикует вышеперечисленные концепции (кроме шумпетерианского

«созидательного разрушения»²⁹) за то, что экономические агенты рассматриваются как пассивные получатели риска и неопределенности. И. Кирцнер, а за ним – другие представители неоавстрийской традиции, в том числе автор концепции динамической эффективности Х. Уэрта де Сото [Уэрта де Сото, 2011], предполагает, что в процессе конкуренции экономические агенты осознанно сталкиваются с неопределенностью, когда у них есть выбор этого не делать. При этом достигается состояние динамического равновесия на рынке. Динамическое равновесие, согласно исследователю, заключается в стремлении предпринимателей найти разницу между ценами ресурсов и ценами продуктов с помощью «внимательности», и получить выгоду за счет этой разницы³⁰. Предприниматель находит неиспользованную возможность, «ошибку», и устраняет ее, за что получает прибыль. За этим предпринимателем следуют другие, и в рамках конкурентного процесса сокращают разрыв между ценами ресурсов и ценами продуктов, приводя экономическую систему ближе к состоянию статического равновесия. Впрочем, статическое равновесие является пределом, к которому система стремится, но который в реальности никогда не достигает. Это происходит, поскольку в реальном мире всегда присутствует неосведомленность о полном перечне доступных ресурсов и направлениях их использования.

Схожие идеи изложены в «теории реаллокации и координации ограниченных ресурсов» Т. Шульца [Schultz, 1982] и М. Кассона [Casson, 1982]. Согласно данной теории, предприниматель, участвующий в конкурентном процессе, является судьей, принимающим решение о размещении ограниченных ресурсов между областями экономической деятельности с разной степенью «инновационности». Из более поздних концепций, в которых заложена аналогичная идея, следует отметить концепцию динамических способностей (англ. *dynamic capabilities*), используемую в менеджменте [Teese et al., 1997]: в рамках этой теории конкурентоспособность

---

²⁹ Теория Й. Шумпетера критикуется неоавстрийцами за то, что она предполагает «созидательное разрушение», которое нарушает равновесие на рынке. Т.е. предприниматель рассматривается как фигура, заинтересованная в нарушении равновесия. В неоавстрийской теории, наоборот, предприниматель – это тот, кто устремляет систему отношений между экономическими агентами к равновесию.

³⁰ Идея схожа с тем, что предлагал Ф. Найт [Knight, 1921], однако И. Кирцнер критиковал Ф. Найта за то, что ситуация статического равновесия в его моделях принимается за «исходную точку» в анализе.

предприятия на рынке определяется его способностью реконфигурировать компетенции под меняющиеся запросы потребителей. Схожий подход к конкуренции как процессу принят и в неоавстрийской теории фирмы [Foss, Klein, 2012]: согласно этой теории, предприниматель основывает фирму как иерархию предпринимательских планов, формируемых в качестве ответа на проблему неопределенности – наемные работники становятся «прокси-предпринимателями», которым предприниматели делегируют полномочия по осуществлению предпринимательских решений в той или иной сфере.

Для более полного обзора концепций динамической конкуренции в экономической теории также следует упомянуть «синтетическую теорию предпринимательства» А. Караяниса [Carayannis, 2015]. Автор теории считает, что теории Й. Шумпетера, И. Кирцнера, Т. Шульца и М. Кассона непротиворечивы, и пытается объединить их точки зрения в единую синтетическую теорию предпринимательской деятельности.

Важно отметить, что современные неоклассические модели позволяют учитывать фактор неопределенности при принятии экономическими агентами индивидуальных решений. Игры с несовершенной информацией в теории игр [Нейман, Моргенштерн, 1970], теория ожидаемой полезности [Шумейкер, 1994] и др. предполагают рассмотрение ситуации индивидуального выбора в условиях неопределенности. Современные динамические модели эмпирических отраслевых рынков (англ. *empirical industrial organization*) [Aguirregabiria, Collard-Wexler, Ryan, 2021] также позволяют анализировать поведение участников рынка в процессе экономической конкуренции с учетом неопределенности на основе количественных данных.

Обратим внимание на то, что экономической конкуренции как процессу свойственны два вида неопределенности: параметрическая и структурная. Под **структурной неопределенностью** понимается «ситуация индивидуального выбора, в которой принимающее решение лицо не только не располагает информацией о распределении объективных вероятностей, но и о том наборе событий, которые значимы с точки зрения его благосостояния (максимизации

целевой функции), и вместе с тем неизвестны *ex ante*» [Шаститко, 2018]. Соответственно, под **параметрической неопределенностью** понимается ситуация, когда принимающее решение лицо не располагает информацией о распределении объективных вероятностей событий, которые значимы с точки зрения его благосостояния, однако сам набор возможных событий ему известен. Это разграничение между видами неопределенности является крайне важным: в ситуации структурной неопределенности, в отличие от ситуации параметрической неопределенности, ни сами принимающие решение лица, ни наблюдатели, к числу которых может относиться государственный регулятор, не обладают информацией о конечном числе исходов, к которым могут привести решения индивидов [Шаститко, Федоров, 2023].

Особое внимание проблеме структурной неопределенности в контексте экономической конкуренции уделяют представители неоавстрийской исследовательской традиции. Согласно неоавстрийской традиции, осуществляющий выбор индивид не только решает оптимизационную задачу в заданных условиях, но и осуществляет выбор целей [Шаститко, Федоров, 2023], а также пользуется «рассеянным знанием» [Voettke et al., 2022] для открытия новых ресурсов и обнаружения новых способов использования известных ресурсов [Шаститко, 2008]. Индивид осуществляет эту деятельность ради извлечения предпринимательской прибыли из разницы в цене продажи экономического блага и цене ресурсов, затрачиваемых на его создание [Kirzner, 1973]. При этом предпринимательская прибыль становится основным стимулом нахождения новых способов координации людей между собой, и потому приводит экономическую систему к динамическому равновесию [Kirzner, 1973]. Это динамическое равновесие характеризуется тем, что неоавстрийцы понимают под динамическим аспектом экономической эффективности – т.е. важно не только достижение максимального удовлетворения потребностей индивидов в условиях заданных ресурсов и технологий, но и способность общества индивидов вовлекать новые ресурсы и технологии в процесс осуществления экономической активности [Уэрта де Сото, 2011]. Именно поэтому экономическая конкуренция становится

неразрывно связанной с проблемой структурной неопределенности [Шаститко, 2018]: она провоцирует выбор индивидами тех стратегий поведения на рынке, которые ранее не были известны, и которые приводят к такому результату в смысле распределения экономических благ, который невозможно определить заранее.

Как уже говорилось ранее, динамический аспект экономической конкуренции проявляется во внедрении нововведений (инноваций): например, технологических или организационных. Именно инновации являются постоянным источником структурной неопределенности, ведущей к тому, что ни экономические агенты, ни сторонние наблюдатели не могут заранее оценить будущее распределение ограниченных благ между экономическими агентами. Неопределенным становится не только распределение вероятностей наступления тех или иных событий, но и само информационное множество этих событий. Например, одно из предприятий на рынке может открыть совершенно новый способ организации своего производства или качественно новую технологию, которую ранее никто не ожидал увидеть, и за счет этого значительно увеличивает свою долю на рынке – такой исход невозможно предопределить заранее: в этом и проявляется структурная неопределенность, свойственная экономической конкуренции как процессу.

Из сказанного выше следует, что в случае, если по каким-то причинам, например, государственный регулятор заинтересован в стабильном распределении экономических благ между индивидами в будущем, то он может посчитать целесообразным для себя введение ограничений на экономическую конкуренцию.

Для дальнейшего изложения нам также необходимо обратить внимание на тот факт, что экономическая конкуренция сама по себе не подразумевает применение насилия конкурентов по отношению друг к другу. Экономическая конкуренция основывается на добровольном выборе между конкурирующими альтернативами. Причем, например, наличие альтернатив в виде нескольких игроков на рынке не следует трактовать буквально: существуют ситуации, при которых альтернативность может достигаться в условиях присутствия одного игрока на рынке («гипотеза Коуза» о конкурирующем с самим собой монополисте,

производящем товары длительного пользования [Coase, 1972], а также ситуация «состязательных рынков» [Baumol et al., 1982]). Вместе с тем **насилие** – это ограничение спектра возможностей, доступных одному индивиду (или группе) – объекту насилия, которое сопряжено с воздействием на его способность принимать и(или) реализовывать принятые им решения [Шаститко, 2010, с. 661]. Соответственно, субъект применения насилия может влиять на способность других игроков принимать или реализовывать принятые решения, а потому применение насилия является вмешательством в экономическую конкуренцию или ее ограничением. Одним из субъектов, способных осуществлять подобные вмешательства и вводить ограничения, является монополия на насилие – государство.

Добровольные обмены, происходящие между экономическими агентами, могут иметь разных гарантов – среди них не только государство, но и, например, частные гаранты (включая представителей криминальной среды) [Тамбовцев, 1998]. Поэтому было бы некорректно утверждать, что насильственное вмешательство в экономическую конкуренцию возможно только со стороны государства – это не так. Любое применение насилия к экономическим конкурентам как со стороны самих конкурентов, так и с третьей стороны, ограничивает экономическую конкуренцию по определению: наиболее конкурентоспособным в такой ситуации оказывается не тот, кто конкурентоспособен в рамках заданных правил экономической конкуренции, но тот, кто нашел лучший способ защитить свое положение с помощью насилия. Такой конкурентный отбор, насколько известно, не считается позитивным с точки зрения экономической эффективности. Акцент на государстве, как монополии на насилие, вмешивающейся в экономическую конкуренцию посредством регулирования, делается в нашей работе из интереса к тому, как это вмешательство выглядит в условиях несоблюдения принципа верховенства права и(или) отсутствия консолидированного контроля над применением насилия.

Переходя к вопросу о государственном регулировании, начнем с определения этого понятия. **Государственное экономическое регулирование** –

это использование юридических инструментов для реализации целей социально-экономической политики государства [Mitnick, 1980]. Под юридическими инструментами в данном контексте понимаются правила игры, разрабатываемые субъектами экономической политики для экономических агентов и содержащие предписываемые действия, выполнение или невыполнение которых связано с применением официальных санкций специализированным ведомством [Тамбовцев, 2021]. Фактически это означает, что монополия на насилие создает формальные институты, которые с помощью координационных и распределительных эффектов помогают монополии на насилие достичь целей своей политики: при этом санкция в таких институтах связана с использованием государством своей монополии на насилие. Например, установление потолка цен или запрет на экспорт товара: государство предписывает экономическим агентам не назначать цены на товары выше определенного уровня или не продавать товар за рубеж – в случае невыполнения предписания государство налагает санкции, используя монополию на насилие. Предлагаем такие правила здесь и далее называть **институтами экономического регулирования** и понимать под ними институты, вводимые монополией на насилие для достижения тех или иных целей своей политики посредством создания предписаний для экономических агентов, выполнение или невыполнение которых приводит к наложению санкций со стороны монополии на насилие.

Обратим внимание, что здесь и далее мы для простоты опускаем прилагательное «государственное» при обсуждении регуляторного вмешательства. Однако важно отметить, что экономическое регулирование может самостоятельно осуществляться экономическими агентами. Так, экономические агенты самостоятельно принимают решения о выборе механизмов управления транзакциями [Williamson, 1985; 1991] в качестве дискретных институциональных альтернатив взаимодействия друг с другом: рынок, иерархии или гибридные институциональные соглашения [Menard, 2022]. Также, например, установление цифровой платформой правил для комплементоров можно отнести к экономическому регулированию, но имплементация этого регулирования является

добровольным выбором экономических агентов – к нему нет принуждения. Когда же мы говорим про государственное регулирование или любое регулирование со стороны субъекта применения насилия, то особенностью этого регулирования является то, что участие в соблюдении регуляторных норм может быть недобровольным: например, если от соблюдения требований платформы к комментаторам можно отказаться, расторгнув соглашение с платформой и перейдя на другую платформу для осуществления того же вида экономической активности, то от регулирования со стороны субъекта применения насилия, продолжая заниматься тем же видом экономической активности, в соответствии с определением понятия «насилие» невозможно.

Обратим внимание, что цели государственного экономического регулирования могут быть разными: существуют разные теории государственного регулирования экономики, рассматривающие это регулирование как с позиций общественного, так и частного интереса [Тамбовцев, 2021]. При этом основанием регуляторного вмешательства является предположение о том, что регулятор в конкретной ситуации более информирован о социально-экономической проблеме, чем экономические агенты [Шаститко, Федоров, 2023]. Так ли это на самом деле, зависит от множества факторов, и потому вопрос о целесообразности регуляторного вмешательства и конкретных его формах всегда остается открытым³¹.

Здесь хотелось бы также обратить внимание на тот факт, что вне зависимости от того, соблюдается ли принцип верховенства права, и консолидирован ли контроль над применением государством монополии на насилие, целесообразность применения тех или иных мер экономического регулирования правительствами любых стран вызывает дискуссии.

Например, такие дискуссии ведутся применительно к промышленной политике, которая подразумевает проведение структурных изменений в

---

³¹ Например, Дж. Бьюкенен отрицал превосходство государства над отдельными гражданами в деле получения, обработки и использования информации [Buchanan, 1999, p. 372] при обеспечении эффективной общественной координации. У государства есть свои «провалы», не позволяющие рассматривать его в качестве общественного планировщика, который обладает уникальным знанием о координатах общественного оптимума.

национальной экономике путем наделения отдельных предприятий и отраслей ресурсами [Kurdin, Shastitko, 2020]. Определений промышленной политики, исходя из множества ее потенциальных целей, существует внушительное количество – некоторые из них представлены в работах [Aiginger, 2007; White, 2008]. На сложность определения целей промышленной политики накладывается вопрос о выборе эффективных ее инструментов, напрямую связанный с разной степенью селективности регуляторных мер: от предоставления ресурсов отдельным предприятиям до поддержки целых отраслей экономики [Полтерович, 2014]. При этом наделение предприятий и отраслей ресурсами по определению может вступать в противоречие с мерами конкурентной политики, проводимой тем же правительством. Такие противоречия могут сглаживаться с помощью новой промышленной политики, в рамках которой предприятия наделяются ресурсами после того, как они так или иначе докажут свою конкурентоспособность – но и у этих инструментов сохраняются свои недостатки: например, проблема «проклятия победителя» в ряде случаев [Kagel, Levin, 1986; Thaler, 1988], и ситуации, связанные с защитой прав на интеллектуальную собственность [Курдин, Шаститко, 2017].

Дискуссии ведутся и вокруг политики развития и защиты экономической конкуренции. Например, «жесткое ядро» защитной конкурентной политики (антимонопольной политики) состоит из мер, направленных на максимизацию излишка потребителя [Motta, 2003; Авдашева, Шаститко, 2010]:

- противодействия злоупотреблению доминирующим положением;
- контроля сделок экономической концентрации;
- недопущения соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию (в т.ч. противодействие картельным сговорам).

Однако также в качестве прочих целей конкурентной политики могут рассматриваться: поддержка малого и среднего бизнеса (в связи с предположениями об их «большей инновационности»), борьба с инфляцией [Motta,

2003], обеспечение «экономической свободы» как самостоятельной ценности [Kühn, 1997; Amato, 1997], установление «равных возможностей и справедливости» [Motta, 2003]. Причем, далеко не всегда эти цели согласуются друг с другом. Более того, существует ряд экономистов, которые считают, что конкурентная политика так же, как и промышленная, нарушает свободную конкуренцию, поскольку допускает преимущество антимонопольного органа перед экономическими агентами в определении наиболее эффективного способа общественной координации [Armentano, 2007; Boudreaux, DiLorenzo, 1993; DiLorenzo, 1990].

В этой связи следует отметить, что в новой институциональной экономической теории принят коузианский подход к экономическому регулированию [Шаститко, Павлова, 2022], который в отличие от пигувианского регулирования и либерального фундаментализма не предполагает, соответственно, в качестве нормы рассматривать либо постоянные попытки скорректировать рыночные изъяны, либо политику полного невмешательства государства в экономические процессы. Коузианский подход к экономическому регулированию предполагает постоянное сравнение дискретных структурных альтернатив и оценку их регулирующего воздействия: то есть, обоснованный выбор между дискретными структурными альтернативами в политике государственного регулирования. Это в том числе означает, что далее, применительно к регулированию в условиях различных социальных порядков, было бы некорректно говорить о том, что в странах с одними социальными порядками государственное регулирование распространено, а в других – нет: это не так, в каждой стране государственное экономическое регулирование проводится в том или ином виде. Под **регуляторным креном** мы, соответственно, понимаем ситуацию, когда по тем или иным причинам наблюдается устойчивое отклонение монополии на насилие от коузианского подхода к регулированию в сторону наложения регуляторных ограничений на экономическую конкуренцию. В нашем исследовании нас интересует регуляторный крен, возникающий в социальных порядках, где не

соблюдается принцип верховенства права и(или) отсутствует консолидированный контроль над применением насилия.

В завершение раздела хотелось бы обратить внимание на еще один аспект связи между регуляторным вмешательством монополии на насилие и экономической конкуренцией. В монографии [Ротбард, 2022, с. 18] предлагается следующая классификация типов вмешательства государства в процесс экономической конкуренции посредством экономического регулирования:

- Защита прав собственности (когда она осуществляется государством, а не частными фирмами или экономическими агентами самостоятельно);
- Аутичное вмешательство – приказ отдельному индивиду осуществлять или не осуществлять определенные действия, затрагивающие только него самого и его собственность;
- Двухстороннее вмешательство – принудительный обмен между экономическим объектом и субъектом насилия или принудительная передача прав собственности последнему;
- Трехстороннее вмешательство – вынужденный обмен или запрет на осуществление обмена между экономическими агентами.

В нашей работе мы фокусируемся на регуляторном вмешательстве как таковом, не сужая исследование до отдельных его видов. Однако следует обратить отдельное внимание на первый вид вмешательства. Монополия на насилие вмешивается в экономическую конкуренцию уже тем, что является гарантом прав собственности для экономических агентов в условиях правового централизма. Таким образом монополия на насилие гарантирует поддержание общих правил игры, в рамках которых экономические агенты взаимодействуют друг с другом, в том числе – в процессе экономической конкуренции. Однако эта же монополия на насилие вводит ограничения на экономическую конкуренцию, создавая институты экономического регулирования. По причине наличия такой противоречивой ситуации в применении государством своей монополии на насилие в отношении к

участникам экономической конкуренции видится особенно важным рассмотреть, чем отличается применение насилия государством в условиях невыполнения принципа верховенства права и отсутствия консолидированного контроля над применением насилия.

Подводя итог первому разделу, еще раз отметим, что все многообразие определений понятия «экономическая конкуренция», представленных в научной литературе, содержат два аспекта: статический и динамический. Экономическая конкуренция как процесс предполагает ситуации индивидуального выбора в условиях неопределенности. В нашем исследовании особое внимание мы обращаем на то, что экономической конкуренции присущи как параметрическая, так и структурная неопределенность. Структурная неопределенность предполагает наличие ситуаций индивидуального выбора, в которых принимающее решение лицо не только не располагает информацией о распределении объективных вероятностей, но и о том наборе событий, которые значимы с точки зрения его благосостояния (максимизации целевой функции), и вместе с тем неизвестны *ex ante* [Шаститко, 2018]. Следствием такой неопределенности является невозможность *ex ante* дать оценку будущему распределению ограниченных ресурсов между экономическими агентами – участниками конкурентного процесса. Соответственно, если по каким-либо причинам государственный регулятор будет стремиться к тому, чтобы такое распределение оказалось заранее известным, то в его интересах может оказаться ограничение экономической конкуренции.

Также мы обратили внимание на то, что экономической конкуренции как таковой не присуще применение насилия к экономическим конкурентам. Любое применение насилия к экономическим конкурентам является ограничением, накладываемым на экономическую конкуренцию. В частности, субъектом, накладывающим такие ограничения, может быть монополия на насилие (государство).

Под регуляторным вмешательством государства мы определили использование юридических инструментов для реализации целей социально-

экономической политики государства [Mitnick, 1980]. При этом монополия на насилие для осуществления регуляторного вмешательства создает институты экономического регулирования – институты, вводимые монополией на насилие для достижения тех или иных целей своей политики посредством создания предписаний для экономических агентов, выполнение или невыполнение которых приводит к наложению санкций со стороны монополии на насилие. Важно, что такое регулирование отличается своей недобровольностью от регулирования, осуществляемого экономическими агентами самостоятельно.

В качестве регуляторного крена мы рассматриваем ситуации, когда по тем или иным причинам наблюдается устойчивое отклонение монополии на насилие от коузианского подхода к регулированию в сторону наложения регуляторных ограничений на экономическую конкуренцию. Под коузианским подходом к регулированию, соответственно, понимается постоянное сравнение дискретных структурных альтернатив и оценка их регулирующего воздействия: то есть, обоснованный выбор между дискретными структурными альтернативами в политике государственного регулирования³².

1.2 Насилие и способы решения проблемы насилия в обществе (социальные порядки)

Как уже сказано ранее, государственное экономическое регулирование отличается от саморегулирования экономических агентов тем, что проводится монополией на насилие. Соответственно, по крайней мере – отчасти, регуляторный крен может быть вызван особенностями контроля над применением насилия и условий его применения, принятых в том или ином социальном порядке. Данный раздел посвящен рассмотрению этих особенностей.

---

³² Для экономико-математической модели, представленной в разделе 2.1, соответственно, из настоящего раздела в качестве предпосылок следует выделить:

- экономическая конкуренция рассматривается как динамический процесс;
- ex ante оценка результатов экономической конкуренции связана как с параметрической, так и со структурной неопределенностью;
- экономическая конкуренция сама по себе не связана с применением насилия;
- субъекты контроля над применением насилия могут вводить ограничения на экономическую конкуренцию, преследуя собственные цели, в виде определенных предписаний для экономических агентов, выполнение или невыполнение которых связано с наложением санкций с помощью монополии на насилие.

Поскольку мы пытаемся выработать операциональную концепцию, которая бы объясняла влияние особенностей применения насилия в том или ином социальном порядке, нам необходимо, соответственно, операциональное определение самого понятия «насилие». Под **насилием** в новой институциональной экономической теории, как уже упоминалось ранее, понимается ограничение спектра возможностей, доступных одному индивиду (или группе) – объекту насилия, которое сопряжено с воздействием на его способность принимать и(или) реализовывать принятые им решения [Шаститко, 2010, с. 661]. Следует также разграничить применение насилия и наличие потенциала его применения: в первом случае речь идет о непосредственном использовании индивидами потенциала насилия, во втором – насилие является угрозой, которую принимают во внимание участники экономической деятельности. В том числе применение насилия может являться элементом санкций за нарушение предписаний со стороны государства (т.е. использоваться для поддержания институтов государственного регулирования).

В нашем исследовании мы рассматриваем ситуации равновесия интересов субъектов применения насилия и исходим из того предположения, что эти субъекты стремятся к сохранению такого равновесия. В истории вряд ли можно обнаружить ситуации, когда непосредственно в месте проведения открытых конфликтов с применением насилия происходит экономическое развитие. Как правило, наоборот, любое подобное обострение конфликтов или даже угроза их обострения вызывает сворачивание производительной экономической деятельности³³. В современном мире об этом свидетельствует, например, моментальное падение биржевых индексов в любых странах, в которых либо ожидается обострение проблемы открытого применения насилия, либо это действительно происходит. Связано это падение с тем, что насильственное

---

³³ Имеется в виду та деятельность, которая направлена на производство товаров и услуг, необходимых индивидам не для участия в конфликте. Понятно, что в ситуации конфликта может наращиваться и обычно наращивается производство средств осуществления насилия, но мы исключим из нашего анализа ситуации, когда участие в конфликте для индивидов является самоцелью. Такие ситуации хоть и имеют место, но скорее являются аномальными для цивилизованного общества, поэтому расходы на средства осуществления насилия здесь и далее будем считать непроизводительными (т.е. не приносящими индивидам пользу напрямую).

введение ограничений на осуществление трансакций и угроза нарушения прав собственности – это явления, которые не сочетаются со свободным избирательным обменом и подрывают стимулы к осуществлению хозяйственной деятельности [Besley, Ghatak, 2009]. Экономические агенты, не чувствуя себя защищенными, как правило, сворачивают свою деятельность и покидают зоны неопределенности, в которых осуществляется насилие.

В широко известной модели государства как «оседлого бандита» [McGuire, Olson, 1996] показано, что оседлость делает субъект применения насилия заинтересованным в приложении усилий по поддержанию порядка в связи с тем, что от этого зависят его рентные поступления в будущем. В противном случае мы имеем дело с субъектами применения насилия, действующими подобно индивидам, которые сверхиспользуют ресурс, находящийся в открытом доступе [Шаститко, 2010, с. 666]: они заинтересованы в том, чтобы нарушить права собственности и экспроприировать экономические блага, но у них нет стимулов затрачивать усилия в поддержание порядка, необходимого для производства мирных благ. По этой причине у индивидов возникает спрос на защиту прав собственности от их насильственного нарушения. Поэтому они пытаются решить проблему насилия и в своих попытках приходят к разным решениям. В этом решении они должны пройти по «узкому коридору» между постоянными конфликтами и деспотизмом [Acemoglu, Robinson, 2019]: решить проблему насилия, но при этом оставаться способными самостоятельно принимать решения и защищать свои права собственности.

Решений, соответственно, может быть два: обратиться за услугами защиты к другим индивидам или обеспечить защиту прав собственности самостоятельно – назовем это децентрализованным решением; или обратиться за защитой к монополии на насилие – назовем это централизованным решением. Важно подчеркнуть, что здесь мы говорим о преобладающем способе решения проблемы насилия в обществе: в реальности они могут сочетаться – например, защита со стороны правоохранительных органов может сосуществовать с услугами частных

охранных предприятий и(или) свободным ношением оружия гражданами для самостоятельной защиты своих прав и свобод.

Начнем наш анализ с анархии как **децентрализованного решения проблемы насилия** в обществе. Децентрализованный контроль над насилием в обществе индивидов, а также пути его перехода в централизованное состояние подробно изучены в работах Дж. Хиршлейфера, собранных в монографию [Hirshleifer, 2001]. В исследовании, посвященном моделированию поведения индивидов в условиях анархии [Hirshleifer, 1995], Дж. Хиршлейфер выявил условия, при которых, согласно его теоретическим оценкам, анархия не превращается в войну всех против всех, то есть сохраняется мирное равновесие. Именно это состояние нас интересует, поскольку мы рассматриваем анархию как децентрализованный способ решить проблему насилия в обществе. Согласно результатам исследования, указанного выше, для поддержания анархического порядка необходимы:

- низкий уровень «решительности» индивидов начинать конфликт с применением насилия³⁴;
- относительно небольшая и постоянная численность индивидов (для поддержания института репутации);
- относительно высокий уровень душевых доходов и их относительное равенство (снижает привлекательность насильственного перераспределения активов)³⁵.

Автор подводит итог проведенному исследованию: анархический порядок нестабилен и хрупок, а потому при выходе из равновесия либо легко превращается в войну всех против всех, либо переходит в государство. Это происходит, потому

---

³⁴ Решительность зависит от технологий применения насилия. Это относится к известной проблеме борьбы «щита и меча». Например, принятие на вооружение пушек и арбалетов значительно повысило степень «решительности» атакующих в Средние Века – до этого момента крепости были фактически неприступны для нападавших (брались только длительной осадой), а воины в дорогих доспехах уже стали практически неуязвимы для холодного оружия. Это лишь иллюстрация из военной истории – на самом деле проблема «щита и меча» актуальна для любой ситуации применения насилия в том или ином виде.

³⁵ Классический пример анархического общества, находившегося в равновесии: Калифорния времен «золотой лихорадки» XIX века. Доходы от добычи золота обеспечивали высокий доход практически каждому индивиду, а «решительность» индивидов была снижена относительной дешевизной и, соответственно, распространенностью личного оружия. Однако из-за роста численности населения в итоге анархию сменило государство.

что анархия не устойчива к воздействию внешних факторов, внутри общества имеются тенденции к формированию группировок, а также «многоуровневости» этих групп.

Централизованное решение проблемы насилия отличается от анархии тем, что контроль над насилием принадлежит не всем индивидам – образуются монополии³⁶ на насилие, в рамках которых субъектом контроля над насилием становятся не все индивиды, а те, кто контролируют саму монополию. Так, широко известна уже упоминавшаяся выше концепция «оседлого бандита», который монопольно извлекает ренту из подконтрольного ему общества [McGuire, Olson, 1996]. Однако допущением в этой концепции является существование единственного субъекта контроля над насилием, когда в действительности их может быть два и более. Социальный порядок здесь и далее мы будем рассматривать в качестве синонима централизованного способа решения проблемы насилия в обществе³⁷.

Немного подробнее рассмотрим централизованное решение проблемы насилия в обществе (социальный порядок). В нашем исследовании, в связи с ограничениями, связанными с наличием данных, границы социальных порядков

---

³⁶ Может возникнуть закономерный вопрос: почему мы рассматриваем либо ситуацию анархии, либо сразу монопольный контроль над насилием? Анархия похожа в некотором смысле на «натуральное хозяйство» при производстве обычных товаров и услуг – каждый защищает себя своими силами. Монополия на насилие напоминает иерархическую структуру. Теоретически рынок насилия – это конкуренция разных субъектов контроля над насилием за индивидов, которые будут существовать в рамках обозначенной монополии. Если исключить ситуацию «голосования ногами» (миграцию индивидов), то единственным способом конкуренции между субъектами контроля над насилием останется открытый конфликт. Так как нас интересует решение проблемы конфликтов с применением насилия, а не их разжигание, то ситуацию «рынков насилия» мы рассматриваем не как способ решения социальных конфликтов. К слову, в уже упоминавшихся работах социолога Г. Элверта, который ввел в научный оборот понятие «рынок насилия», этот термин как раз является синонимом открытого социального конфликта с применением насилия [Elwert, 1999].

³⁷ Здесь стоит прояснить различие между нашим подходом и подходами, которые используют исследователи при обращении к похожим, но отличающимся от «социального порядка» понятиям. Мы говорим о социальном порядке как решении проблемы насилия в обществе. Таким образом мы следуем определению социального порядка в духе работы Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста [North et al., 2009]. От понятия «политический режим» термин «социальный порядок» отличается так же, как режимы собственности, исследуемые в новой институциональной экономической теории, отличаются от титулов собственности, принятых в юриспруденции: это связанные, пересекающиеся, но не тождественные понятия, поскольку они являются отражением одних и тех же явлений в разных науках с их особенным предметом исследования и методологией. Отчасти термин «социальный порядок» схож с понятиями «общественный договор» или «социальный контракт» [Аузан, 2011], но эти понятия являются гораздо более широкими и включают в себя обмен всем спектром ожиданий относительно прав собственности и свобод, принятых в обществе [Buchanan, 1999]. Социальный порядок – это обмен ожиданиями только относительно того, каким образом в обществе организован контроль над насилием; это понятие не затрагивает напрямую ни особенности неформальных институтов, ни более широкий перечень вопросов взаимодействия государства и общества.

де-факто совпадают с границами стран. Однако для полноты анализа следует обратить внимание на то, что границы социальных порядков и стран совпадают не всегда. Ключевым признаком государства³⁸ является его суверенитет, понимаемый как наличие на территории единственной независимой верховной власти³⁹. Согласно декларативной теории государственности (зафиксирована в «Конвенции Монтевидео»⁴⁰ в 1933 г.), признание другими государствами не требуется. Этой теории противостоит конститутивная теория, в соответствии с которой международное признание является необходимым признаком государства.

Однако есть государства, которые считаются непризнанными, но находятся под защитой других государств и потому в реальности обладают суверенитетом. Также существуют государства, которые в силу своей военной и/или экономической мощи в реальности обладают суверенитетом вне зависимости от его признания. Однако эти государства, если они не окажутся способными защититься, могут легко потерять свой суверенитет. Или же, мы можем говорить о квази-государственных и негосударственных политических образованиях, которые обладают достаточным потенциалом насилия, чтобы устанавливать собственные правила игры.

Согласно новой институциональной экономической теории, государство – это организация со сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, распространяющимися на географический район, границы которого устанавливаются его способностью облагать налогом подданных [Шаститко, 2010, с. 660]. Поскольку под социальным порядком мы понимаем централизованное решение проблемы насилия в обществе, а де-факто таким централизованным решением может являться не только государство, предлагаем идентифицировать границы социального порядка, обобщив данное определение государства. Соответственно, **границы социального порядка** объединяют совокупность индивидов, на которых распространяется сравнительное преимущество монополии

---

³⁸ Государство (авторы: Автономов А.С., Попов В.А.). Большая российская энциклопедия 2004 – 2017. Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/2373590> (дата обращения: 11.07.2023)

³⁹ Идеи о государственном суверенитете берут начало в Вестфальском мирном договоре 1648 г.

⁴⁰ Принята на VII Панамериканской конференции стран Латинской Америки. Является первым документом в международном праве, зафиксировавшим этот принцип.

на насилие в осуществлении этого насилия, выгодное субъекту применения насилия. Таким образом, граница социального порядка проходит там, где предельные издержки субъекта применения насилия по приложению усилий к поддержанию порядка становятся равны предельным выгодам от поддержания⁴¹ этого порядка. Наша логика аналогична определению границ фирмы с помощью предельных транзакционных издержек [Coase, 1937] и де-факто является обобщением условий минимизации издержек, связанных с обеспечением монополий на насилие соблюдения правил [Шаститко, 2010, с. 671].

Переход к такому определению границ социального порядка позволяет получить более реалистичное представление о том, как может быть организовано централизованное применение насилия для поддержания правил в рамках социального порядка. Социальный порядок не обязательно связан со сбором налогов и наличием определенной территории. Продемонстрируем это на нескольких примерах, которые не вписываются в традиционное представление о границах социального порядка:

- Колонии в составе империй. Когда речь заходит про взаимоотношения метрополии и колоний, то оказывается, что колонии обладают разной степенью автономии с точки зрения установления законов и механизмов по принуждению к их исполнению. Империя, которая считается единым государством, де-факто может представлять собой совокупность нескольких социальных порядков, объединенных сложными отношениями между членами элит этих социальных порядков. Например, трудно представить, чтобы Британская империя содержала войска, численность которых была бы достаточна для поддержания социального порядка, аналогичного социальному порядку в Великобритании, на территории всех ее колоний. На практике колонии обладали разной степенью автономии, и во многих из них роль колонистов в установлении

---

⁴¹ К слову, обратим внимание на то, что в любой ситуации общественных волнений монополия на насилие обычно призывает к «соблюдению правопорядка»: социальный порядок неотделим от монополии на насилие.

правил была относительно слабой ⁴². Соответственно, границы социального порядка определялись целесообразностью усилий по обеспечению соблюдения правил, принятых в социальном порядке.

- Пиратская самоорганизация. Морское пиратство – пример самоорганизации, в рамках которой проблема насилия между пиратами решалась с помощью эндогенно возникавших правил игры [Leeson, 2009]. Эти правила, в частности, регламентировали применение насилия пиратами как по отношению друг к другу, так и в отношении моряков на торговых и военных судах. И эти правила никак не согласовывались с законодательствами ни одной из современных им государств. Де-факто у этих правил не было фиксированного географического района их действия, и они распространялись на членов экипажа пиратского корабля, а также на тех, кто с ними сталкивается, где бы это ни происходило.
- Частные военные компании. В современном мире в отдельных нестабильных регионах действует множество частных военных компаний. Часто правила игры, действующие внутри компании, отличаются от правил игры, принятых в государстве, где компания действует. Причем, правоохранные органы ввиду отсутствия необходимого потенциала применения насилия не могут обеспечивать соблюдение законов государства внутри компании. [Clive, Dave, 2005]
- Деятельность организованных преступных группировок. Как известно, в ряде крупных современных городов существуют районы, в которых не решаются появляться представители официальных органов правопорядка. Правила игры в этих районах (гетто) поддерживаются монополией на насилие со стороны местной преступной группировки. При этом границы действия этих группировок могут меняться и не всегда имеют

---

⁴² Кроме тех мест, где преимущественно проживали сами колонисты: например, в североамериканских колониях Великобритании. Подробнее об этом см. [Acemoglu et al., 2001]. Интересное подтверждение тому содержит эмпирическое исследование [Lange, 2004]: в бывших колониях Великобритании характеристики социального порядка (в т.ч. верховенство права) после объявления независимости оказались ближе к открытому доступу, если в колониальный период элиту в этих колониях в большей степени составляли британцы, а не местные жители.

географический характер – например, они могут носить отраслевой характер. В исследовании [Уэйнрайт, 2022] содержится множество примеров организации социальных порядков в таких условиях применительно к наркокартелям в Латинской Америке. В частности, в этой работе содержится кейс, интересный в контексте обсуждения проблемы соотношения социального порядка и экономической конкуренции

(Приложение 1).

Перечисленные примеры были призваны продемонстрировать то, что границы социального порядка эквивалентны границам выгодного приложения усилий субъектом применения насилия по поддержанию правил социального порядка. Это обобщение концепции социальных порядков позволяет расширить сферу ее применения до негосударственных монополий на насилие, которые ранее могли упускаться из фокуса внимания. Далее рассмотрим то, какие виды социальных порядков могут действовать в рамках обозначенных границ.

Перейдем непосредственно к видам централизованного решения проблемы насилия в обществе – по [North et al., 2009] этих видов два: **социальный порядок открытого доступа** и **социальный порядок ограниченного доступа**.

Социальный порядок ограниченного доступа (или «естественное государство») [North et al., 2009] представляет собой такой способ общественной организации, при котором потенциал насилия сосредоточен в руках элитной группы. Эта элитная группа делит источники ренты между собой и извлекает их посредством экстрактивных институтов [Acemoglu, Robinson, 2012]. Равновесное состояние достигается при условии, если предельное извлечение ренты из контролируемой членом элиты сферы экономической активности пропорционально его возможностям по применению насилия: в противном случае возникает стимул к перераспределению собственности между членами элиты [van Besouw et al., 2017; van Bavel et al., 2016]. Это правило крайне важно для сохранения стабильности в социальном порядке ограниченного доступа – в противном случае

социальный порядок выходит из равновесия. Поскольку нас интересуют стабильные социальные порядки, и мы наблюдаем в реальности множество таких социальных порядков, то мы вводим предположение о том, что члены элиты в таких социальных порядках не склонны к тому, чтобы нарушать равновесие в социальном порядке в надежде на положительный исход будущего конфликта для себя, исходя из неопределенности исходов этого конфликта. Грубо говоря, мы считаем членов элиты рискофобами [Arrow, 1984], которые предпочтут безрисковое распределение рент по договоренности между членами элиты пропорционально своим потенциалам насилия, нежели вероятностный выигрыш в виде более благоприятного распределения рент для члена элиты в результате конфликта. Эта предпосылка необходима, потому что без нее видится затруднительным объяснить длительное и стабильное существование порядков ограниченного доступа – среди членов элиты постоянно возникали бы индивиды, которые готовы рискнуть своим положением ради улучшения своей позиции в будущем и нарушали бы равновесие в социальном порядке. Считаем эту предпосылку достаточно жесткой, но реалистичной: в условиях невыполнения принципа верховенства права индивидуальные последствия разжигания конфликтов внутри элитной группы для членов элитной группы могут быть крайне опасными, а самое главное – несопоставимыми с размером возможного выигрыша. Также необходимо отметить, что авторы работы [North et al., 2009] делят социальные порядки ограниченного доступа на «хрупкие», «базовые» и «зрелые»: в *хрупких* (англ. *fragile*) естественных государствах единственной подконтрольной элите организацией является само государство; в *базовых* (англ. *basic*) – государство и принадлежащие государству организации; в *зрелых* (англ. *mature*) – широкий спектр организаций, в т.ч. формально не принадлежащих государству. Частным случаем порядка ограниченного доступа можно считать монополию на насилие в руках одного индивида в модели «оседлого бандита» [McGuire, Olson, 1996].

Только преодолевая **три взаимосвязанных пороговых условия**, «естественное государство» может перейти в порядок открытого доступа [North et al., 2009]⁴³:

- монополия на насилие в рамках консолидированного контроля над применением насилия;
- применение насилия в соответствии с принципом верховенства права;
- существование неперсонифицированных организаций (и, соответственно, широкое распространение неперсонифицированных обменов – поскольку защита прав собственности предоставляется всем вне зависимости от личности контрагентов).

Социальные порядки открытого доступа характеризуются тем, что насилие в рамках этих социальных порядков чаще применяется в соответствии с принципом верховенства права силовыми структурами, контроль над которыми консолидирован. Такие социальные порядки эндогенно возникли прежде всего в Европе в рамках длительного процесса социально-политической трансформации и сложного процесса взаимодействия ценностей, институциональных факторов и индивидуальных стимулов. Они отличаются высоким уровнем экономического развития, из-за чего особенности их институционального устройства являются объектом пристального внимания со стороны исследователей-экономистов [North et al., 2009]. Соблюдение перечисленных выше пороговых условий в социальных порядках открытого доступа позволяет разными способами ограничить применение насилия в частных интересах (с помощью демократических процедур, независимого суда и т.д.), при этом не ограничивая динамичное развитие экономической системы и не подрывая стимулы к экономической конкуренции.

В случае отсутствия консолидированного контроля над насилием реализация принципа верховенства права может быть затруднена из-за наличия возможности

---

⁴³ По большому счету понятие «порядок открытого доступа» является синонимом «легитимная монополия на насилие» по М. Веберу [Weber, 1922].

у отдельных групп не исполнять принятые судами решения. Если же при осуществлении этого контроля не соблюдается принцип верховенства права, то монополия ничем не отличается от модели «оседлого бандита». Третье пороговое условие, означающее недискриминационную защиту прав собственности, по сути, следует из первых двух условий. Следовательно, пороговые условия являются взаимосвязанными, поэтому для причисления социального порядка к порядку открытого доступа необходимо соблюдение всех трех пороговых условий, что нашло отражение, например, в эмпирическом исследовании [Андреева и др., 2017].

Возвращаясь к вопросу о государственном регулировании, следует обратить внимание на то, что характеристики социальных порядков формируют разные условия для функционирования институтов государственного регулирования. В случае соблюдения пороговых условий социальных порядков открытого доступа институты государственного регулирования не могут содержать предписания, нарушающие принцип верховенства права. Также в порядках открытого доступа институты экономического регулирования не могут поддерживаться в условиях неконсолидированного контроля над насилием, то есть без единого механизма принуждения к исполнению предписаний. Теоретически в социальных порядках ограниченного доступа такая возможность сохраняется, что открывает значительное пространство для регуляторного крена. Более того, само экономическое регулирование в двух видах социальных порядков может различаться по своим целям – в случае порядков ограниченного доступа одной из целей для участников элитной группы социального порядка при осуществлении регуляторного вмешательства может становиться поддержание стабильности социального порядка путем сохранения статуса-кво в распределении рентных поступлений между членами элиты.

Последним вопросом, который мы затронем в настоящем разделе, является вопрос об **эндогенности институтов в социальных порядках**. Сразу отметим, что решение проблемы насилия в обществе относится к конституционному уровню институциональной системы по [Williamson, 2000]. К конституционному уровню относятся институты, которые задают базовые условия защиты прав и свобод

индивидов и, как правило, меняются относительно редко. Однако решение проблемы насилия в обществе появляется эндогенно в результате длительного процесса взаимодействия индивидов⁴⁴: следует напомнить, что «естественными» государствами

Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст называют социальные порядки ограниченного доступа, и социальные порядки открытого доступа изначально таковыми не являлись. Этот процесс перехода к соблюдению пороговых условий социального порядка открытого доступа сопровождался сложной чередой конфликтов и кооперации, что крайне напоминает длительный процесс перехода к кооперации в «дилемме заключенного» (англ. *prisoners' dilemma*) на основе стратегий TIT-FOR-TAT («око за око») и/или PUNISHER⁴⁵ («каратель») [Hirshleifer, 1988]. Тогда в какой степени, например, можно говорить о влиянии социального порядка на экономическую конкуренцию без учета возможной обратной зависимости?

При анализе институциональных рамок принятия индивидами решений невозможно полностью отказаться от фиксирования дискретных институциональных альтернатив во времени, однако следует помнить об эндогенности процесса институциональных изменений [Шаститко, 2010, с. 710 – 712]. Этот процесс предполагает постепенное накопление децентрализованных изменений, которые при достижении некоторой «критической массы» приводят к изменениям к переговорной силе сторон решающей коалиции индивидов. Поэтому считаем, что изменения, происходящие вследствие процесса экономической конкуренции, и институциональные изменения в социальном порядке разведены во времени из-за разной частоты этих изменений. Впрочем, этого предположения недостаточно, когда мы говорим об эмпирическом анализе влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию. В этой связи в эмпирической части нашего исследования мы используем микроданные и анализ

---

⁴⁴ Есть и другие примеры порядков открытого доступа (например, Япония и Респ. Корея) [Андреева и др., 2017]. Однако исторически первыми и в условиях полного отсутствия трансплантации институтов извне (поскольку источников для трансплантации не было) порядки открытого доступа появились в Европе.

⁴⁵ Стратегия «око за око» предполагает отклонение от кооперации в ответ на аналогичные действия в предыдущем периоде. Стратегия «каратель» предполагает то же самое, только во всех периодах после отказа контрагента от сотрудничества.

кейсов. Это позволяет смотреть на процесс экономической конкуренции на микроуровне, т.е. на уровне малых децентрализованных изменений. Например, когда конкретное предприятие сегодня принимает решение о назначении цены на товар или об осуществлении технологического нововведения, мы предполагаем, что это событие не вызывает тектонических изменений в структуре социального порядка, однако само это решение принимается в рамках институтов экономического регулирования, функционирующих в конкретном социальном порядке здесь и сейчас.

Итак, неконтролируемое применение насилия подрывает стимулы к инвестированию в производительную экономическую деятельность. Поэтому возникает спрос на различные способы решения проблемы насилия в обществе. Существует несколько дискретных структурных альтернатив решения проблемы насилия в обществе (Таблица 1). Централизованные решения (социальные порядки) отличаются от децентрализованных наличием монополии на насилие.

Таблица 1

Способы общественной организации с точки зрения распределения насилия

	Распределение насилия	Близкие модели
Анархия	Потенциал насилия принадлежит частным лицам и распределен в обществе относительно ⁴⁶ равномерно	[Hirshleifer, 1995]; [Skaperdas, 1992]; [Grossman, Kim, 1995]; [Rothbard, 1970] и др.
Социальный порядок ограниченного доступа ⁴⁷	Потенциал насилия монополизирован в руках группы индивидов (элиты)	[McGuire, Olson, 1996]; [North et al., 2009]; [Acemoglu, Robinson, 2012; 2019] и др.
Социальный порядок открытого доступа	Потенциал насилия монополизирован, но применяется на основе принципа верховенства права	[North et al., 2009]; [Acemoglu, Robinson, 2019]; и др.

Источник: составлено автором

⁴⁶ Абсолютно равномерное распределение вряд ли существует в реальности – здесь имеется в виду та степень равномерности, которая не вызывает вывод анархии из равновесия.

⁴⁷ В работе [North et al., 2009], как уже сказано выше, содержится классификация порядков ограниченного доступа на «хрупкие», «базовые» и «зрелые».

При этом социальные порядки различаются тем, что монополия на насилие применяется в разных условиях. Так, в порядках открытого доступа соблюдается принцип верховенства права, существует консолидированный контроль над применением насилия, функционируют неперсонифицированные организации. В порядках ограниченного доступа (или «естественных государствах») хотя бы одно из этих пороговых условий не соблюдается [North et al., 2009]. Это обстоятельство открывает возможности для возникновения регуляторного крена: в условиях несоблюдения принципа верховенства права и отсутствия консолидированного контроля над применением насилия выдача регуляторных предписаний в меньшей степени ограничена правами и свободами экономических агентов. Более того, члены элиты в социальном порядке ограниченного доступа в силу особенностей социального порядка становятся заинтересованными в таких институтах экономического регулирования, которые поддерживают стабильность в распределении рент.

Мы также обратили внимание на то, что границы социального порядка совпадают с границами целесообразного приложения монополией на насилие усилий по поддержанию правил в рамках этого социального порядка. Это позволяет нам расширить применение концепции социальных порядков до любой ситуации монополии на насилие.

Отдельное внимание уделено проблеме эндогенности институциональных изменений. Это обстоятельство не дает говорить только об одностороннем влиянии характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию без наличия обратной связи. Однако, учитывая разную частоту изменений на разных уровнях институциональной системы прямое и обратное влияние теоретически можно разделить во времени. Для эмпирической проверки влияния этого недостаточно, поэтому в эмпирической части исследования используются микроданные и анализ кейсов – если предполагать, что принятие индивидуальных решений в рамках экономической конкуренции здесь и сейчас не вызывает тектонических изменений в структуре социального порядка, но осуществляется под влиянием характеристик

социального порядка, считаем, что можно с некоторой долей уверенности говорить об одностороннем влиянии, по крайней мере – в рамках анализируемых кейсов⁴⁸.

1.3 Каналы влияния социального порядка на экономическую конкуренцию посредством формальных институтов

1.3.1 Гарантирование прав собственности⁴⁹

Переходя к проблеме влияния социального порядка на экономическую конкуренцию, обратимся к уровням институциональной системы по О. Уильямсону. Как уже было сказано ранее, решение проблемы⁵⁰ насилия в виде того или иного социального порядка (или анархии) относится к конституционному уровню институциональной системы. Вместе с тем экономическая конкуренция – это процесс, который непосредственно относится к принятию экономическими агентами индивидуальных решений на уровнях: механизмов управления транзакциями (L2), заключения контрактов (L3) (т.е. отчуждения и приобретения прав собственности) и аллокации ресурсов⁵¹ (L4). В настоящем подразделе мы подробнее рассмотрим отношения между индивидами по вопросам отчуждения и приобретения прав собственности (L3) и принятия индивидуальных решений по вопросу использования прав собственности (L4) в условиях, когда монополия на насилие не ограничена соблюдением принципа верховенства права, и(или) когда контроль над применением насилия в обществе не является консолидированным.

Социальный порядок, являющийся частью «правил игры», установленных на конституционном уровне, задает рамки для выбора механизмов управления транзакциями, условий заключения контрактов, защиты, отчуждения и передачи

⁴⁸ Для экономико-математической модели, представленной в разделе 2.1, соответственно, из настоящего раздела в качестве предпосылок следует выделить:

- в социальном порядке ограниченного доступа несколько членов элиты делят источники ренты между собой и пытаются сохранить стабильность в распределении этих рент во времени, чтобы избежать конфликтных ситуаций;
- в социальном порядке открытого доступа необходимость в обозначенном выше распределении рент отсутствует.

⁴⁹ Раздел подготовлен на основе авторской публикации [Федоров, 2023b].

⁵⁰ Ситуации, когда проблема насилия не решена, т.е. состояния открытого социального конфликта, не рассматриваются по причинам, обозначенным в пар. 1.2.

⁵¹ Решение об аллокации ресурсов, соответственно, принимает их собственник – тот, кто контролирует пучок правомочий на эти ресурсы.

правомочий на активы⁵². В этой связи в данном разделе мы поочередно и отдельно анализируем влияние социального порядка сначала на защиту прав собственности (и свобод⁵³) и осуществление трансакций с ними, а затем – влияние социального порядка, оказываемое на выбор механизма управления трансакциями.

Таблица 2

**Социальные порядки и экономическая конкуренция
в контексте уровней институциональной системы**

Уровень системы	Частота изменения (годы)	Социальный порядок как решение проблемы насилия	Экономическая конкуренция
L1. Неформальные институты, традиции, религия	100 – 1000	-	-
L2. Институциональная среда или конституционный уровень системы: формальные правила игры, в особенности – собственности	10 – 100	+	-
L3. Механизмы управления трансакциями (рынки, иерархии, гибриды)	1 – 10	-	+
L4. Аллокация (размещение) ресурсов субъектом правомочий на них	Перманентно	-	+

Источник: составлено автором по [Williamson, 2000]

Согласно теореме Коуза [Coase, 1960; Stigler, 1966], в условиях нулевых трансакционных издержек и спецификации всех прав собственности, конечное

⁵² Влияние институтов из разных уровней институциональной системы взаимно, как уже было подробно обсуждено ранее, поэтому следует предположить, что изменения на нижних уровнях системы в долгосрочном периоде влияют и на трансформацию институтов более высокого уровня. Однако, исходя из того, что институты более высокого уровня по определению меняются относительно реже, то можно разделить их влияние на более низкие уровни от обратного влияния во времени. В нашем случае мы используем это при экономико-математическом моделировании в пар. 2.1. Для эмпирической части исследования этого недостаточно – в эмпирической части мы прибегаем к анализу кейсов и использованию микроданных по причинам, обозначенным ранее в пар. 1.2.

⁵³ Представители неоавстрийской исследовательской традиции утверждают, что свободы не следует отделять от прав собственности, поскольку гражданские свободы можно реализовывать только через права собственности. Например, свобода слова фактически невозможна отдельно от защиты прав независимых СМИ на свою собственность.

размещение ресурсов будет эффективным вне зависимости от первоначального распределения прав собственности. Это достигается за счет свободного перехода правомочий от одних индивидов другим. Однако, согласно теореме, необходимо, чтобы права собственности были специфицированы.

Права собственности понимаются как санкционированные поведенческие отношения, возникающие между людьми в связи с существованием благ и касающиеся их использования: эти отношения определяют такие нормы поведения по поводу благ, которые любое лицо должно или соблюдать в своих взаимодействиях с другими людьми, или же нести издержки из-за их несоблюдения [Furubotn, Rejovich, 1974]. Право собственности можно рассматривать с двух аспектов: 1) как санкционированные поведенческие нормы («правила игры»), регулирующие отношения индивидов по поводу редких ресурсов и 2) как пучки правомочий в отношении активов, которыми владеют индивиды [Капелюшников, 2019].

Если рассматривать права собственности как «правила игры», то у любого правила должны быть: ситуация, адресат, предписываемое действие, санкция и гарант. Следовательно, спецификация прав собственности сопряжена с определением всех этих элементов. Если же обратить внимание на то, как обеспечивается наличие санкции и гаранта, то по большому счету здесь есть два варианта: самостоятельная защита прав собственности и привлечение третьей стороны (в формальных институтах гарантом будут выступать правоохранительные органы, в неформальных – любые индивиды, которые считают покушение на чужую собственность «неправильным» действием) [Тамбовцев, 1998]⁵⁴. Однако спецификация прав собственности является затратным процессом, всегда сопряженным с издержками. К этим издержкам относят [Капелюшников, 1990]: расходы на содержание судов, арбитража, затраты времени и ресурсов на защиту и восстановление прав собственности, потери от плохой спецификации и ненадежной защиты и т.п.

---

⁵⁴ Когда уже специфицированные права собственности становятся предметом осуществления трансакций, для их защиты могут быть использованы, например: защита в судебном порядке или «обмен залогами» [Шаститко, 2022a].

Следовательно, монополия на насилие, как субъект со сравнительными преимуществами в осуществлении насилия в рамках границ определенного общества индивидов, является ключевым гарантом прав собственности для экономических агентов. Вопрос, однако, заключается в том, как это гарантирование прав собственности со стороны монополии на насилие осуществляется в условиях несоблюдения монополий на насилие принципа верховенства права и(или) отсутствия консолидированного контроля над применением насилия: и следовательно, как это отражается на индивидуальном выборе экономических агентов, совершаемом в процессе экономической конкуренции. Этот вопрос, кстати, частично затрагивается в рамках обобщенной теоремы Коуза, предложенной исландским экономистом Т. Эггертссоном.⁵⁵

Также права собственности, как уже было указано, можно рассматривать с точки зрения пучка правомочий (Таблица 3), которые контролирует индивид: эти правомочия определяют спектр доступных индивиду действий (или бездействие), которые он может осуществить с контролируемыми активами. Соответственно, насилие, как ограничение способности других индивидов принимать решения и реализовывать их, может использоваться как для защиты этих правомочий, так и для их нарушения.

Таблица 3

Правомочия по С. Пейовичу и А. Оноре

С. Пейович	А. Оноре
1) Право пользования	1) Владение
2) Право извлекать доход	2) Пользование
3) Право изменять физическую форму вещи	3) Управление
4) Право передавать указанные правомочия	4) Право на доход
	5) Право на капитал
	6) Право на передачу по наследству
	7) Право на защиту
	8) Бессрочность
	9) Запрет вредного использования
	10) Ответственность в виде взыскания
	11) Конечные права

Источники: [Pejovich, 1981; Honore, 1961]

⁵⁵ Т. Эггертссон утверждает, что помимо транзакционных издержек и спецификации прав собственности важно распределение политической власти в обществе [Eggertsson, 1990].

Мы уже говорили, что социальные порядки ограниченного доступа отличаются от социальных порядков открытого доступа [North et al., 2009]:

- консолидированным контролем над насилием;
- верховенством права;
- существованием неперсонифицированных организаций.

Здесь и далее мы покажем, что все три пороговых условия необходимы для того, чтобы участники экономической конкуренции находились в равных условиях с точки зрения защиты прав собственности. Это условие необходимо для развития и защиты экономической конкуренции, поскольку, как уже обсуждалось ранее, при несоблюдении такого условия наиболее конкурентоспособным оказывается не тот, кто конкурентоспособен в рамках заданных правил экономической конкуренции, но тот, кто нашел лучший способ защитить свое положение от насильственного вмешательства.

Верховенство права предполагает одинаковые стандарты правоприменения ко всем гражданам. В этом случае отсутствует множественность стандартов правоприменения, что при прочих равных условиях обеспечивает равенство и состязательность сторон при возникновении споров относительно спецификации, защиты и передачи правомочий. В противном случае потенциал насилия, обеспечивающего информированность прав собственности, будет применяться селективно – в зависимости от того, входит это в интересы субъекта, контролирующего потенциал применения насилия, или нет. В таком случае спецификация и защита прав собственности на активы может быть существенно ограничена, что ограничивает возможности экономических агентов свободно использовать пучок правомочий на активы в процессе экономической конкуренции.

Консолидированный контроль над применением насилия является еще одной важной составляющей, обеспечивающей защиту и развитие экономической конкуренции. Даже если в государстве действует верховенство права и свободно (в рамках закона) функционируют неперсонифицированные организации, отсутствие консолидированного контроля над насилием подвергает риску права

собственности. В любой момент времени конфликт между индивидами, обладающими потенциалом насилия, может привести к лишению гарантий прав собственности для части или всего общества индивидов. Пример: активная деятельность организованной преступности в России 1990-х гг., во многом обусловленная слабым потенциалом применения централизованного насилия со стороны правоохранительных органов на тот момент.

Существование неперсонифицированных организаций фактически предполагает, что кроме членов элитной группы существуют индивиды, способные контролировать конечные правомочия или владеть фирмами [Grossman, Hart, 1986; Hart, Moore, 1990; Hart, 1995]. В противном случае конечные правомочия закрепляются за индивидами только в «разрешительном порядке», и формальное закрепление прав собственности за индивидом не означает, что индивид реально контролирует их. В таком случае реальный контроль экономическими агентами над управлением пучком правомочий для участия в экономической конкуренции может быть в любой момент ограничен, если их действия не будут удовлетворять интересам монополии на насилие.

Мы определили, что распределение насилия в обществе влияет на защиту прав собственности. В связи с этим мы предполагаем, что различия в распределении потенциала насилия в обществе и условиях его применения будет оказывать влияние и на экономическую конкуренцию⁵⁶ (Рис. 1). Так как мы говорим о процессе экономической конкуренции, для участия в которой необходимо защитить права собственности на активы и осуществлять избирательные симметричные обмены с ними, то нас прежде всего интересует обмен правами собственности, т.е. осуществление трансакций⁵⁷.

---

⁵⁶ Отметим, что на схеме, опять же, изображены «идеальные типы», которые в реальности могут комбинироваться.

⁵⁷ Можно говорить и о защите прав собственности, когда правомочия не передаются, однако в таком случае мы не сможем сделать выводы для экономической конкуренции, которая подразумевает осуществление избирательных трансакций.

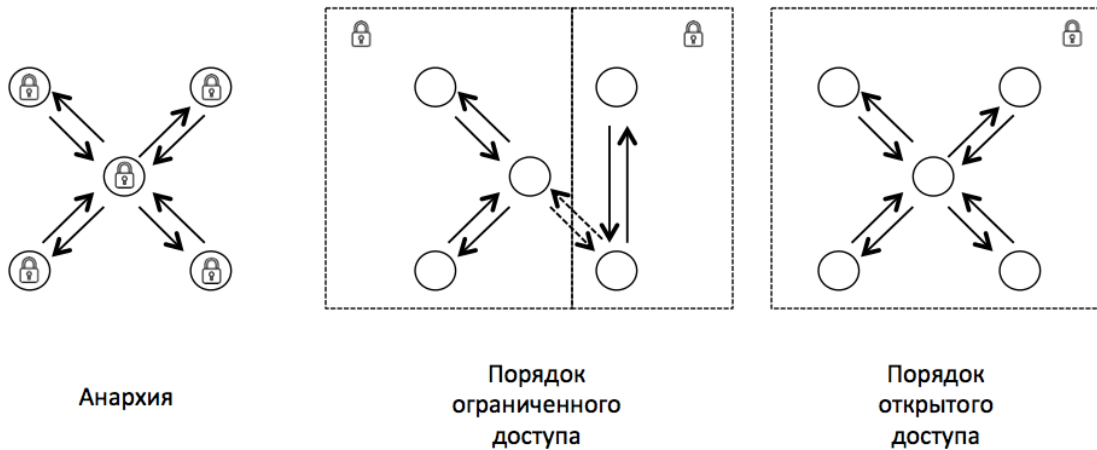

Рис. 1 – Трансакции и защита прав собственности в различных социальных порядках

Источник: составлено автором

На схеме с помощью «замков» показано, что в ситуации анархии защита прав собственности является делом самих индивидов. Представители неоавстрийской традиции утверждают, что в таком случае конкуренция с помощью «предпринимательской бдительности» обеспечит наиболее эффективные способы защиты прав собственности [Rothbard, 1970]. Однако успех предприятия в изобретении способов защиты прав собственности не означает его успех в удовлетворении потребностей потребителей. То есть, в данном случае динамический отбор игроков на рынке будет происходить сразу по двум критериям – способности защитить свою собственность и конкурентоспособности в деле удовлетворения спроса со стороны потребителей. То же касается и конкуренции в лоббировании интересов в государственном регулировании: она не является частью экономической конкуренции, поскольку предполагает инвестирование в ресурс применения насилия к конкурентам ⁵⁸. На возможность такой множественности критериев отбора в процессе экономической конкуренции

⁵⁸ Подобно тому, как в модели [Hirshleifer, 1995] индивид может выбрать: инвестировать в производительный актив, или в средства применения насилия. Если выбор делается в пользу второй альтернативы, к экономической конкуренции это не относится. Это скорее уместно было бы назвать «силовой» конкуренцией.

обращали внимание и исследователи в рамках экономического анализа права⁵⁹. В этом смысле государство как монополия на насилие, гарантирующая защиту прав собственности экономическим агентам, необходимо для того, чтобы участники экономической конкуренции оказались в рамках одинаковых «правил игры».

В случае порядка ограниченного доступа возникает более сложная ситуация. Часть трансакций защищена гарантом (внутри пунктирной области), а часть – нет (между двумя областями). Дело в том, что часть экономических трансакций, которые совершают экономические агенты в процессе экономической конкуренции, могут нарушать интересы членов элитной группы. Например, предприятие, контролируемое одним членом элитной группы, начнет совершать трансакции обмена с клиентами предприятия, контролируемого другим членом элитной группы, тем самым лишая последнего части поступающей ренты. Для недопущения конфликтной ситуации в таком социальном порядке эти случаи могут быть урегулированы недопущением таких трансакций. Де-факто это будет означать, что предприятия лишатся части своих правомочий по использованию контролируемых ими активов. В социальном порядке ограниченного доступа это более вероятно, учитывая несоблюдение принципа верховенства права и(или) отсутствие консолидированного контроля над применением насилия, и может принимать форму избыточных регуляторных предписаний (регуляторного крена)⁶⁰. При этом важно отметить, что предприятиям может быть разрешено свободно использовать другие правомочия: участие предприятий в конкурентном процессе сохраняется, но с теми или иными ограничениями.

В порядке открытого доступа проблема насилия стоит не так остро, как в социальных порядках ограниченного доступа. Защита прав собственности в целом

---

⁵⁹ «...люди могут менять свой выбор производимых вещей в пользу тех, которые могут быть легко защищены, но в меньшей степени будут полезны с потребительской точки зрения (фермер может выращивать зерно, но не разводить крупный рогатый скот, потому что скот может быть украден во время выпаса, хоть он может быть и более ценным при продаже)» [Shavell, 2003, p. 13].

⁶⁰ Эта ситуация также может быть разрешена и альтернативными способами. Например, с помощью заключения неформальных договоренностей или через специализированных гарантов, но неформальными методами (в т.ч. через угрозы со стороны силовых структур). Однако мы предполагаем, что в ряде случаев такие способы затратны, и более выгодным для членов элиты в социальном порядке становится использование формальных институтов экономического регулирования для решения возникшей проблемы.

обеспечивается в рамках правового централизма для всех⁶¹. На практике, безусловно, верховенство права может нарушаться и в социальных порядках открытого доступа, но в сравнении с социальными порядками ограниченного доступа это явление распространено значительно слабее. Тогда, теоретически, игроки в процессе конкуренции соревнуются только в способности удовлетворять потребности потребителей (естественно, учитывая прочие проблемы, которые могут возникать из-за ограниченной рациональности индивидов⁶²).

Вернемся к обсуждению **регуляторного крена**. Если подытожить содержание данного подраздела, то монополия на насилие в социальном порядке ограниченного доступа может с относительно меньшими издержками для себя создавать институты экономического регулирования, которые ограничивают те или иные правомочия экономических агентов, необходимые им для участия в экономической конкуренции. Помимо наличия такой возможности (низких издержек внедрения избыточных регуляторных предписаний) для членов элиты в социальном порядке ограниченного доступа есть и прямой интерес в использовании этой возможности – ограничение такого использования экономическими агентами своих правомочий, которое приведет к конфликтной ситуации внутри элитной группы социального порядка. В социальных порядках открытого доступа, напротив, наложение избыточных регуляторных ограничений на деятельность экономических агентов ограничено верховенством права и консолидированным контролем над применением насилия, а также интерес к наложению избыточных ограничений снижен из-за отсутствия прямой связи между стабильностью социального порядка и распределением экономических благ.

В качестве примера⁶³ ситуации, когда регуляторный крен встречает препятствие в виде соблюдения принципа верховенства права в социальном

---

⁶¹ Здесь мы характеризуем «идеальный тип» и не обсуждаем эффективность такого способа защиты прав собственности. В реальности, как уже было сказано, альтернативные способы защиты могут сочетаться.

⁶² Мы также здесь опускаем проблему транзакционных издержек, не связанных с защитой прав собственности, и проблему асимметрии информации. В реальности эти проблемы имеют место и сохраняются в том числе в порядках открытого доступа.

⁶³ Здесь приводится пример отмены уже принятых регуляторных мер. Также актуальными в порядках открытого доступа являются фильтры на стадии общественных и парламентских слушаний перед принятием законопроекта (в случае, если регулирование вводится через закон, а не подзаконные акты).

порядке открытого доступа можно привести разбирательство Верховного Суда США относительно полномочий Федерального агентства по охране окружающей среды в 2022 г.⁶⁴ Разбирательство началось с иска угольных компаний и ряда представителей от нескольких штатов США, которые потребовали отменить некоторые полномочия Федерального агентства по охране окружающей среды по установлению ограничений на вредные выбросы в атмосферу. Установление таких ограничений препятствует участию угольных компаний в межтопливной конкуренции за снабжение энергокомпаний. Верховный Суд США отменил эти полномочия, несмотря на возражения⁶⁵ администрации президента США, для которого их наличие было важным в контексте выполнения предвыборных обещаний по сокращению выбросов парниковых газов. Соответственно, если бы права собственности угольных компаний не были защищены в условиях несоблюдения принципа верховенства права и(или) отсутствия консолидированного контроля над применением насилия, правительство могло бы ввести регуляторный механизм, который бы значительно ограничил конкуренцию на энергетических рынках для достижения политических целей элитой социального порядка. Однако этого не произошло из-за соблюдения в США пороговых условий социального порядка открытого доступа [Андреева и др., 2017].

Таким образом, в условиях социального порядка ограниченного доступа, т.е. при несоблюдении принципа верховенства права и(или) отсутствии консолидированного контроля над применением насилия монополия на насилие (государство) реже сталкивается с институциональными барьерами при создании институтов экономического регулирования, нарушающих правомочия экономических агентов. Более того, члены элиты в социальном порядке ограниченного доступа имеют прямой интерес в создании таких институтов экономического регулирования, которые обеспечат предсказуемое распределение

---

⁶⁴ U.S. Supreme Court limits federal power to curb carbon emissions / Reuters. URL: <https://www.reuters.com/legal/government/us-supreme-court-limits-federal-power-curb-carbon-emissions-2022-06-30/> (дата обращения: 01.02.2024)

⁶⁵ Statement by President Joe Biden on Supreme Court Ruling on West Virginia v. EPA / The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/30/statement-by-president-joe-biden-on-supreme-court-ruling-on-west-virginia-v-epa/> (дата обращения: 01.02.2024)

ограниченных ресурсов и тем самым сохраняют стабильность в социальном порядке ограниченного доступа⁶⁶. Напротив, в социальных порядках открытого доступа монополия на насилие при проектировании институтов экономического регулирования сталкивается с необходимостью соблюдать принцип верховенства права и не может вводить избыточные регуляторные ограничения на использование экономическими агентами своих правомочий в рамках экономической конкуренции. Устанавливать регуляторные ограничения в социальных порядках ограниченного доступа сравнительно «дешевле», чем в порядке открытого доступа: нет необходимости нести транзакционные издержки, связанные с согласованием регуляторной инициативы, ее защитой в рамках судебных разбирательств и т.д.

Соответственно, в социальном порядке ограниченного доступа при прочих равных условиях у регулятора больше пространства для введения избыточных регуляторных ограничений на экономическую конкуренцию (для регулятора в порядке ограниченного доступа это сравнительно «дешевле»), а также имеется интерес со стороны элиты социального порядка использовать введение этих ограничений в своих интересах. Считаем это причиной «регуляторного крена» в порядках ограниченного доступа. Отметим, что это не означает, будто в социальном порядке ограниченного доступа никакие правомочия экономических агентов не защищены – ограничения на эти правомочия налагаются избыточными предписаниями в рамках институтов экономического регулирования и затрагивают лишь часть правомочий на активы, контролируемые экономическими агентами. Однако в целом считаем, что в социальных порядках ограниченного доступа экономические агенты, которые считают свои правомочия на активы защищенными, в среднем будут менее активно участвовать в процессе экономической конкуренции. Последний тезис проверяется на эмпирических данных в качестве гипотезы в разделе 2.2.

---

⁶⁶ Опять же, исходим из того, что члены элиты пытаются сохранить социальный порядок в равновесии. При определенных условиях отдельные участники ради частных выгод могут нарушить это равновесие, но даже в случае вывода социального порядка из равновесия члены элиты заинтересованы найти новое равновесие.

1.3.2 Выбор механизмов управления транзакциями⁶⁷

Экономические агенты в процессе экономической конкуренции могут выбирать разные механизмы управления транзакциями для снижения транзакционных издержек при взаимодействии друг с другом [Williamson, 1985; 1991]. Этот выбор осуществляется из дискретных структурных альтернатив или институциональных соглашений: рынок (механизм цен), иерархия или гибрид (Таблица 4). При этом важно отметить, что существует множество разных гибридных институциональных соглашений – в зависимости от степени объединения ресурсов или прав собственности и централизации принятия решений [Menard, 2012; 2004].

Таблица 4

Механизмы управления транзакциями: рынок, гибрид и иерархия

	Рынок	Гибрид	Иерархия
Адаптируемость к изменениям	Высокая	Средняя	Низкая
Административный контроль	Отсутствует	Слабый	Сильный
Тип контракта	Классический	Неоклассический или отношенческий с двусторонней/трехсторонней структурой управления	Отношенческий с односторонней структурой управления
Права собственности	У участников автономный контроль над всеми правами собственности из «пучка»	Контроль над некоторыми правами собственности из «пучка» совместный или осуществляется третьим лицом	Автономный контроль над правами собственности из «пучка» отсутствует
Избирательность транзакций	Избирательные	Ограниченно избирательные	Неизбирательные

Источник: составлено автором по [Williamson, 1991] и [Шаститко, 2010]

Рыночный механизм управления транзакциями (механизм цен) характеризуется тем, что экономические агенты автономно контролируют правомочия на активы, а решения принимаются децентрализованно. Иерархический механизм, соответственно, подразумевает обратную ситуацию: административный контроль над правомочиями на активы и централизованное принятие решений. Гибридные институциональные соглашения предполагают, что

⁶⁷ Раздел подготовлен на основе авторской публикации [Федоров, 2023а].

независимые экономические агенты, сохраняющие контроль над конечными правами, часть своих правомочий передают под совместный контроль (или контроль с третьей стороны): соответственно, часть решений начинает приниматься централизованно [Menard, 2022]. На данное обстоятельство в своей статье обращает внимание [Menard, 2022, p. 305]: различие между рынком, гибридами и иерархией, а также между различными видами гибридов, – именно в том, насколько экономическим агентам необходимо «жертвовать своим автономным контролем над правами собственности». Обратим внимание на то, что только в условиях рыночного механизма контроль над всеми правами собственности из «пучка» и над всеми активами, участвующими в транзакциях, автономен [Menard, 2022]. В случаях гибридного институционального соглашения и иерархии автономность в той или иной степени ограничена⁶⁸.

Выбор механизма управления транзакциями совершается экономическими агентами под воздействием трех факторов: специфичности активов, частоты совершения сделок (транзакций) и меры неопределенности. Специфичность активов предполагает низкую стоимость их альтернативного использования и тем самым повышает риски вымогательства со стороны одного из контрагентов – для решения этой проблемы заключается гибридное институциональное соглашение или создается иерархия. Например, для оператора железной дороги, пролегающей между горно-обогатительным комбинатом и металлургическим предприятием, дорога является специфическим активом, поскольку в случае отказа контрагентов от ее использования для перевозки рудного сырья ее стоимость может значительно снизиться. Для снижения риска такого развития событий оператору железной дороги следует либо заключить гибридное институциональное соглашение с металлургической компанией, либо стать частью этой компании.

Увеличение меры неопределенности оказывает влияние на выбор механизма управления транзакциями иначе – оно приводит к расширению спектра рыночных и внутрифирменных (иерархических) транзакций, при этом спектр гибридных

---

⁶⁸ Следует уточнить, что эти ограничения являются следствием добровольного решения индивида – например, обменять эти права на отдачу от инвестиций в специфический актив.

соглашений сокращается [Шаститко, 2010, с. 501]. Это происходит по той причине, что сложность структуры управления транзакциями провоцирует рост транзакционных издержек по пересмотру этой структуры, которая становится необходимой в условиях высокой неопределенности⁶⁹. К слову, в своей работе [Williamson, 1991, p. 287] О. Уильямсон предполагал, что уровень защищенности прав собственности и риски их принудительного отчуждения могут повышать меру неопределенности, что актуально для социального порядка ограниченного доступа, в котором не соблюдается принцип верховенства права и(или) отсутствует консолидированный контроль над применением насилия.

Насилие, понимаемое как физическое ограничение спектра доступных индивиду стратегий поведения [Шаститко, 2010], по сути является ничем иным, кроме как способностью ограничивать автономный контроль над «пучком прав» собственности на актив. И если это насилие применяется вне принципа верховенства права, т.е. специфицируемые права собственности не подкреплены достоверными обязательствами со стороны государства, то любые действия с правами собственности (транзакции) начинают происходить в условиях большей неопределенности.

При этом хотелось бы обратить внимание на разницу механизмов управления транзакциями с точки зрения их пригодности для адаптации поведения индивидов к условиям неопределенности [Williamson, 1991, p. 281]:

- Адаптируемость типа А. Это активная адаптация к неопределенности, предполагающая поиск новых решений при меняющихся обстоятельствах: такая адаптация в условиях неопределенности наиболее характерна для рыночного механизма и гибридных соглашений, близких к рынку. Ключевую роль здесь играет ценовой механизм: рыночная цена реализует свою информационную функцию и сигнализирует об изменившихся условиях – на

---

⁶⁹ По схеме О. Уильямсона [Williamson, 1991] при росте неопределенности вымываются гибридные институциональные соглашения, а остаются рынки и иерархии. О. Уильямсон рассматривает ситуацию, когда экономические агенты могут адаптироваться к неопределенности на рынке (адаптируемость типа «А») либо разделить выгоды и убытки в рамках иерархии (адаптируемость типа «С»).

основе этого сигнала индивиды принимают решения, чтобы максимизировать свою полезность или прибыль в новых условиях.

- Адаптируемость типа С. Этот способ адаптации предполагает перераспределение выгод и издержек, возникающих в результате изменений, между взаимозависимыми экономическими агентами ради сохранения существующих связей между ними.

Обратим внимание на то, что адаптируемость типа С, в отличие от адаптируемости типа А обеспечивает относительно большую предсказуемость в будущем распределении благ между экономическими агентами. Это достигается, соответственно, за счет снижения автономности контроля над правомочиями на активы и повышения централизации (административного контроля) в принятии решений.

До настоящего момента мы говорили о традиционной постановке задачи выбора механизмов управления транзакциями экономическими агентами. Однако важно понимать, что в случае, когда в этот выбор вмешивается субъект применения насилия, то сам выбор может выглядеть несколько иначе, в том числе – являться недобровольным. То есть, когда мы говорим о добровольном выборе механизмов управления транзакциями, совершаемом экономическими агентами, мы анализируем ситуацию минимизации транзакционных издержек, которые экономические агенты несут при трех дискретных структурных альтернативах (Рис. 2).

Вместе с тем, государство (или любая монополия на насилие) может создавать институты экономического регулирования, которые а) задают рамки для создания институциональных соглашений между экономическими агентами; б) вводят монополию на насилие в качестве одной из сторон институционального соглашения⁷⁰. Учитывая, что насилие предполагает ограничение способности

---

⁷⁰ Пример: Правительство России довольно часто прибегает к заключению соглашений с участниками рынков с целью ограничения роста цен – в апреле 2022 г. такое соглашение было заключено с металлургами (Металлурги договорились с трейдерами об ограничении наценок. РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/06/04/2022/624bf6389a79474279ebb800>), а ранее – с продуктовыми ритейлерами (Трезво наценная ситуация. Коммерсант. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5157727>).

экономических агентов принимать или реализовывать принятые решения, то в условиях вмешательства монополии насилие в выбор механизмов управления транзакциями, результат выбора может быть смещен относительно традиционной постановки, описанной выше.

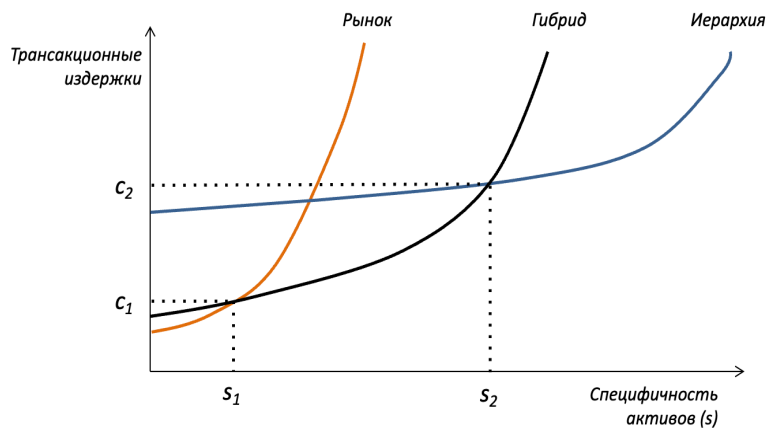

Рис. 2 – Задача минимизации транзакционных издержек при выборе механизмов управления транзакциями

Источник: составлено автором на базе [Williamson, 1985; 1991]

Когда институты экономического регулирования устанавливаются в условиях социального порядка ограниченного доступа, такое вмешательство монополии насилие опять же не сдерживается соблюдением принципа верховенства права и(или) наличием консолидированного контроля над применением насилия. В результате:

а) сама монополия насилие может с помощью регуляторных предписаний смещать выбор механизмов управления транзакциями в пользу тех, которые подразумевают больший административный контроль со стороны государства;

б) экономические агенты в условиях увеличения неопределенности, связанной с защитой прав собственности, могут чаще добровольно выбирать механизмы управления транзакциями, которые обеспечат защиту прав собственности лучше, чем в рамках рыночного механизма.

Учитывая стремление элиты социального порядка ограниченного доступа к стабильному распределению рент между участниками элиты, монополия на

насилие в этих условиях может быть заинтересована в установлении таких механизмов управления транзакциями, которые подразумевают больший административный контроль со стороны монополии на насилие или ее представителей. В предыдущем разделе мы говорили о том, что по тем же причинам в социальном порядке ограниченного доступа могут вводиться институты экономического регулирования, нарушающие права экономических агентов – однако иногда субъектам применения насилия эффективнее один раз установить определенный механизм координации, чем осуществлять дискреционные вмешательства, ограничивая те или иные правомочия.

Например, диктатура Иди Амина в Уганде в 1970-х гг. извлекала ренту из местной кофейной индустрии за счет разницы между внутренней ценой закупки кофе и экспортной ценой [Asiimwe, 2013]. Простого установления потолка цен для производителей кофе внутри страны было недостаточно, поскольку соблюдение этого ограничения на правомочия фермеров было сложно контролировать. По этой причине правительство установило гибридный механизм, при котором фермеры обязаны были продавать весь свой товар государственной экспортной монополии по цене около 10% от экспортной – при этом такой механизм координации предусматривал исключения для союзников режима (соплеменников Иди Амина), которые могли экспортировать товар, минуя государственную монополию. Этот механизм также был не совершенен – например, фермеры переключались на выращивание других культур, что потребовало введения дополнительных ограничений на конкуренцию на продовольственных рынках; однако механизм позволил при относительно низких транзакционных издержках извлекать значительные ренты для элиты социального порядка и обеспечивать его стабильность достаточно длительное время.

Подчеркнем также, что подобное вмешательство монополии на насилие в выбор механизма управления транзакциями не обязательно нивелирует экономическую конкуренцию как процесс. Так, даже в приведенном примере у фермеров оставались возможности конкурировать друг с другом за счет применения новых технологий выращивания кофе или выходить на другие

продовольственные рынки. Однако такое смещение в выборе механизмов управления транзакциями безусловно накладывает ограничения на экономическую конкуренцию: фермеры из Уганды де-факто были лишены возможности конкурировать друг с другом по цене и не могли свободно выбирать стратегии выхода на экспортные рынки.

Таблица 5

Пороговые условия перехода в порядок открытого доступа

№	Пороговые условия	Порядок ограниченного доступа	Порядок открытого доступа
1	Верховенство права	Отсутствует или неразвита (ввиду наделения элиты привилегиями)	Все граждане подчиняются принципу верховенства права (одинаково)
2	Постоянно действующие организации	Постоянно действующие организации вне контроля государства маловероятны. Создание организаций предполагает разрешительные процедуры личного характера («патрон-клиент»).	Постоянно действующие организации, не зависящие от государства и обладающие обезличенной социальной идентичностью, многочисленны и разнообразны, а создание их основано на соблюдении минимальных общих требований, соответствующих уведомительному порядку, а также на защите обязательственных прав (относительных прав собственности)
3	Контроль над насилием	Децентрализованный (не обязательно?), основанный на коалиции группы индивидов внутри элиты	Консолидированный, опирающийся на политические механизмы, функционирующие в соответствии с принципами свободного доступа, обеспечивающими включенность и равенство широко распространенное за пределы элиты (в идеале – всеобщее).
4	Свобода входа в сферы экономической деятельности	Ограничена разрешительными условиями (но не закрыта), включая личное отношение уполномоченных лиц (прямое или опосредованное).	Не ограничена (личным отношением уполномоченных лиц), хотя вход и не является всеобщим

Источник: [Шаститко, 2012]

Далее следует отметить, что трансплантация проконкурентных институтов экономического регулирования из стран с одной институциональной средой в другие не является решением проблемы и может заканчиваться дисфункцией этих институтов [Полтерович, 2001; Плискевич, 2013]. Примеры таких ситуаций рассмотрены в пар. 2.4 и 2.5.

Еще раз обратим внимание на различия характеристик социальных порядков открытого и ограниченного доступа, чтобы отметить причины, почему в социальных порядках ограниченного доступа могут наблюдаться описанные нами ситуации регуляторного вмешательства в выбор механизмов управления транзакциями (Таблица 5).

Во-первых, обязательства государства по защите прав собственности в порядках ограниченного доступа не являются достоверными. Это означает, что установление государством излишних ограничений на автономный контроль над правами собственности сдерживается слабее, чем в порядках открытого доступа.

Во-вторых, в порядках ограниченного доступа создание и функционирование организаций требует разрешительных процедур личного характера. В главе 2, например, мы показываем, как создание промышленного кластера в России, как гибридного институционального соглашения, требует личного согласия главы региона.

Из настоящего раздела следует, что добровольный выбор механизмов управления транзакциями, совершаемый экономическими агентами в процессе экономической конкуренции, может быть ограничен институтами экономического регулирования. Для регулятора в порядке ограниченного доступа, как уже говорилось ранее, это сравнительно «дешевле», чем для регулятора в порядке открытого доступа, если говорить про распределительные эффекты действующих правил применения монополии на насилие. В условиях несоблюдения принципа верховенства права и(или) отсутствия консолидированного контроля над применением насилия эти институты могут а) задавать избыточные регуляторные рамки для заключения институциональных соглашений между экономическими агентами; б) вводить монополию на насилие в качестве одной из сторон

институционального соглашения, наделяя ее избыточным административным контролем. В порядках ограниченного доступа есть как условия для такого вмешательства монополии на насилие, так и интерес элиты к механизмам, обеспечивающим более предсказуемое распределение благ между экономическими агентами. В таких условиях выбор механизмов управления транзакциями может смещаться в сторону гибридов с высоким уровнем административного контроля и иерархий, где ведущая роль отводится монополии на насилие и ее представителям, что также порождает регуляторный крен. Также и сами экономические агенты могут смещать свой добровольный выбор механизмов управления транзакциями в пользу гибридов и иерархий для лучшей защиты своих правомочий в условиях несоблюдения принципа верховенства права в социальном порядке ограниченного доступа. Вместе с тем, такой регуляторный крен не нивелирует экономическую конкуренцию полностью, но лишь накладывает на нее ограничения в той или иной степени: экономические агенты могут, например, потерять контроль лишь над частью своих правомочий. Масштаб регуляторного крена здесь, как в случае с нарушением прав собственности, зависит от интересов элиты в социальном порядке. Также важно отметить, что выбор между дискреционным вмешательством и вмешательством в установление механизма управления транзакциями, по всей видимости, зависит от размера транзакционных издержек, которые несет монополия на насилие при осуществлении контроля за выполнением выдаваемых экономическим агентам регуляторных предписаний.

Выводы к первой главе

Все многообразие определений понятия «экономическая конкуренция», представленных в научной литературе, содержат два аспекта: статический и динамический. Экономическая конкуренция как процесс (динамический аспект) предполагает ситуации индивидуального выбора в условиях структурной неопределенности. Структурная неопределенность, в свою очередь, предполагает наличие ситуаций индивидуального выбора, в которых принимающее решение лицо не только не располагает информацией о распределении объективных

вероятностей, но и о том наборе событий, которые значимы с точки зрения его благосостояния (максимизации целевой функции), и вместе с тем неизвестны *ex ante* [Шаститко, 2018]. Следствием такой неопределенности является невозможность *ex ante* дать оценку будущему распределению ограниченных ресурсов между экономическими агентами – участниками конкурентного процесса.

Под регуляторным вмешательством государства мы определили использование юридических инструментов для реализации целей социально-экономической политики государства [Mitnick, 1980]. При этом монополия на насилие для осуществления регуляторного вмешательства создает институты экономического регулирования – институты, вводимые монополией на насилие для достижения тех или иных целей своей политики посредством создания предписаний для экономических агентов, выполнение или невыполнение которых приводит к наложению санкций со стороны монополии на насилие.

Далее мы подробно рассмотрели различные условия применения насилия в обществе. Существует несколько дискретных структурных альтернатив решения проблемы насилия в обществе, при этом централизованные решения (социальные порядки) отличаются от децентрализованных (анархии) наличием монополии на насилие. Сами социальные порядки различаются тем, что монополия на насилие применяется в разных условиях. Так, в порядках открытого доступа соблюдается принцип верховенства права, существует консолидированный контроль над применением насилия, функционируют неперсонифицированные организации. В порядках ограниченного доступа (или «естественных государствах») хотя бы одно из этих пороговых условий не соблюдается [North et al., 2009]. Это обстоятельство открывает возможности для возникновения регуляторного крена: в условиях несоблюдения принципа верховенства права и отсутствия консолидированного контроля над применением насилия выдача регуляторных предписаний становится менее затратной для регулятора, а сам регулятор становится в большей степени заинтересованным в обеспечении предсказуемого распределения экономических благ в будущем.

Также мы определили каналы, посредством которых характеристики социального порядка влияют на развитие и защиту экономической конкуренции. В странах с социальными порядками ограниченного доступа: институты государственного регулирования чаще ограничивают правомочия экономических агентов для сохранения стабильности в распределении экономических благ и чаще провоцируют смещение в выборе механизмов управления транзакциями в пользу механизмов с относительно большим уровнем административного контроля со стороны государства. Также экономические агенты в условиях увеличения неопределенности, связанной с защитой прав собственности, могут чаще добровольно выбирать механизмы управления транзакциями, которые обеспечат защиту прав собственности лучше, чем в рамках рыночного механизма: однако этот канал влияния уже выявлен и рассмотрен исследователями ранее.

Глава 2. Теоретические и эмпирические подтверждения влияния социального порядка на экономическую конкуренцию

2.1 Экономико-математическая модель влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию

В данном разделе продемонстрирована экономико-математическая модель, которая призвана продемонстрировать возникновение регуляторного крена в социальном порядке ограниченного доступа. Напомним, что под регуляторным креном мы понимаем ситуацию, при которой по тем или иным причинам наблюдается устойчивое отклонение монополии на насилие от коузианского подхода к государственному регулированию в сторону наложения избыточных регуляторных ограничений на экономическую конкуренцию. Под коузианским подходом к государственному регулированию, соответственно, понимается постоянное сравнение дискретных структурных альтернатив и оценка их регулирующего воздействия: то есть, обоснованный выбор между дискретными структурными альтернативами экономического регулирования.

Модель построена на основных предпосылках, ранее уже сформулированных в разделах 1.1 и 1.2:

- экономическая конкуренция рассматривается как динамический процесс;
- *ex ante* оценка результатов экономической конкуренции как участниками экономической конкуренции, так и наблюдателями, связана как с параметрической, так и со структурной неопределенностью;
- экономическая конкуренция сама по себе не связана с применением насилия;
- субъекты контроля над применением насилия могут вводить ограничения на экономическую конкуренцию, преследуя собственные цели, в виде определенных предписаний для экономических агентов, выполнение или невыполнение которых связано с наложением санкций с помощью монополии на насилие;

- в социальном порядке ограниченного доступа несколько членов элиты делят источники ренты между собой и пытаются сохранить стабильность в распределении этих рент во времени, чтобы избежать конфликтных ситуаций;
- в социальном порядке открытого доступа необходимость в обозначенном выше распределении рент отсутствует.

2.1.1 Общая постановка модели

Предположим, что перед нами рынок, на котором конкурируют два игрока: A и B . Это игра с ненулевой суммой: конкуренция как процесс предполагает открытие новых способов использования известных ресурсов и открытие новых ресурсов. У каждого из игроков есть пучок правомочий на осуществление действий с обладаемыми ими экономическими ресурсами – каждое из правомочий эквивалентно стратегии из профиля дискретных чистых стратегий $[A_1; A_\beta]$ и $[B_1; B_\beta]$ соответственно. При выборе стратегий игроки соответственно получают выигрыши $a_{ij} \geq 0$ и $b_{ij} \geq 0$, где $i \in [1; \beta], j \in [1; \beta], i \in N, j \in N$. Эти выигрыши являются чистыми, то есть представляют собой выигрыш в виде экономического ресурса, полученного в результате реализации той или иной стратегии поведения и очищенного от инвестиционных затрат на реализацию этой стратегии.

Если представить ситуацию в виде платежной матрицы, то в условиях наличия структурной неопределенности ситуация будет выглядеть следующим образом (при построении настоящей модели мы опираемся на модели в работах [Шаститко, 2018; Шаститко, Федоров, 2023]) (Таблица 6).

Серым цветом на платежной матрице отмечено информационное множество элементов матрицы, формируемое профилем известных для игроков (и для стороннего наблюдателя) стратегий, которые содержат выигрыши, также достоверно известные игрокам и наблюдателю. То есть $\forall a_{ij}$ и $\forall b_{ij}$ из информационного множества, формируемого стратегиями $[A_1; A_\alpha]$ и $[B_1; B_\alpha]$, являются известными для обоих игроков и наблюдателя, и сами множества

профилей стратегий $[A_1; A_\alpha]$ и $[B_1; B_\alpha]$ также известны для обоих игроков и наблюдателя. Для простоты предполагаем, что оба игрока обладают одинаковым количеством стратегий (платежная матрица является квадратной, но не симметричной). Таким образом, элементы матрицы, выделенные серым цветом, – это пространство, в котором отсутствует структурная неопределенность: информационное множество является определенным, однако игроки не обладают информацией о распределении вероятностей наступления того или иного исхода (присутствует параметрическая неопределенность).

Таблица 6

Платежная матрица для игроков А и В в ситуации структурной неопределенности

	B_1	...	B_α	$B_{\alpha+1}$	...	B_β
A_1	$a_{11}; b_{11}$	...	$a_{1\alpha}; b_{1\alpha}$	$a_{1(\alpha+1)}; b_{1(\alpha+1)}$	...	$a_{1\beta}; b_{1\beta}$
...	...	...	...	...	...	...
A_α	$a_{\alpha 1}; b_{\alpha 1}$	...	$a_{\alpha\alpha}; b_{\alpha\alpha}$	$a_{\alpha(\alpha+1)}; b_{\alpha(\alpha+1)}$	...	$a_{\alpha\beta}; b_{\alpha\beta}$
$A_{\alpha+1}$	$a_{(\alpha+1)1}; b_{(\alpha+1)1}$	...	$a_{(\alpha+1)\alpha}; b_{(\alpha+1)\alpha}$	$a_{(\alpha+1)(\alpha+1)}; b_{(\alpha+1)(\alpha+1)}$	...	$a_{(\alpha+1)\beta}; b_{(\alpha+1)\beta}$
...	...	...	...	...	...	...
A_β	$a_{\beta 1}; b_{\beta 1}$	...	$a_{\beta\alpha}; b_{\beta\alpha}$	$a_{\beta(\alpha+1)}; b_{\beta(\alpha+1)}$	...	$a_{\beta\beta}; b_{\beta\beta}$

*Серым цветом закрашены элементы с известными выигрышами и известным конечным набором стратегий. Остальные элементы характеризуются тем, что выигрыши в них не являются достоверно известными, как и конечное число стратегий (структурная неопределенность).

Источник: составлено автором

В случае, если один из игроков выбирает стратегию, не входящую в обозначенный профиль (то есть, игрок А выбирает одну из стратегий $[A_{\alpha+1}; A_\beta]$, или В выбирает одну из стратегий $[B_{\alpha+1}; B_\beta]$), то ни сами стратегии, ни их количество, ни соответствующие им элементы платежной матрицы с выигрышами игроков ни самим игрокам, ни стороннему наблюдателю заранее не являются достоверно известными. Выбор осуществляется на основе субъективных априорных оценок, которые у каждого из игроков и регулятора могут различаться. Этот случай соответствует ситуации индивидуального выбора в условиях структурной неопределенности, когда индивид сталкивается с неопределенным

информационным множеством. С точки зрения экономической конкуренции как процесса, эта ситуация соответствует тому, что мы ранее определили в качестве ее динамического аспекта: «открытию новых возможностей использования известных ресурсов и обнаружению новых ресурсов посредством задействования предпринимателями своих преимуществ во внимательности (англ. *alertness*), который осуществляется экономическими агентами с целью занятия более привлекательной позиции в системе социальной кооперации по общим правилам поведения, без применения насилия по отношению друг к другу». При этом важно подчеркнуть, что исходы, лежащие в области структурной неопределенности, характеризуются относительно большим разбросом в значениях a_{ij} и b_{ij} , и потому может значительно изменить пропорцию выигрышей между игроками в ту или иную сторону.

Задействование предпринимателями (игроками) преимуществ во внимательности означает, что в условиях отсутствия объективных оценок параметров информационного множества и вероятностного распределения выигрышей, у игроков A и B должны быть собственные субъективные оценки параметров этого информационного множества: сравнительная конкурентоспособность игрока тогда будет означать, что эти субъективные оценки будут в сравнительно большей степени (на фоне другого игрока) соответствовать фактически получаемым исходам при выборе стратегий из неопределенного информационного множества и приносить игроку сравнительно больший выигрыш. Когда в данном контексте мы говорим о субъективной вероятности, мы имеем в виду определение вероятности по Рамсею из его эссе «Правда и вероятность» (1926 г.) [Ramsey, 1926], где под субъективной вероятностью понимается «интенсивность ощущения» убежденности индивида в том, что его оценка корректна и может служить «основой для действия» (англ. *qua basis of action*).

2.1.2 Задача игроков (экономических агентов)

Задачи игроков, на первый взгляд, предельно просты – игроки должны максимизировать свою полезность, положительно связанную с размером выигрыша (контролируемого экономического ресурса). При этом функция полезности характеризуется убывающей отдачей.

Далее мы введем в игру двух членов элиты социального порядка ограниченного доступа (A^* и B^*), которые согласованно принимают решения о вводе регуляторных ограничений для игроков и извлекают из их выигрышей (соответственно, из выигрышей A и B) ренту по ставке r . Предположим, что $r = const$, одинакова для двух игроков и постоянна. В таких условиях целевые функции игроков выглядят следующим образом:

$$U_A = f_A(a(1 - r)) \rightarrow \max \quad (1)$$

$$U_B = f_B(b(1 - r)) \rightarrow \max \quad (2)$$

$$\text{при: } U'_{Aa} > 0; U''_{Aaa} < 0; U'_{Bb} > 0; U''_{Bbb} < 0.$$

Соответственно, полезности игроков зависят исключительно от их индивидуального выбора стратегий поведения на рынке (мы рассматриваем ситуацию некооперативной игры). Игроки при этом могут как выбирать стратегии из известной им части профиля ($[A_1; A_\beta]$ и $[B_1; B_\beta]$), так и выбирать новые стратегии из части профиля, содержащей структурную неопределенность ($[A_{\alpha+1}; A_\beta]$ и/или $[B_{\alpha+1}; B_\beta]$).

Как в таких условиях могут вести себя игроки? Рассмотрим несколько альтернативных ситуаций:

1) Игроки избегают структурную неопределенность (не участвуют в экономической конкуренции как процессе) и выбирают только стратегии из профилей $[A_1; A_\beta]$ или $[B_1; B_\beta]$. Если оба игрока избегают неопределенность, и, например, существуют условия для установления равновесия по Нэшу, то это

равновесие устанавливается на части матрицы, определенной профилями стратегий $[A_1; A_\beta]$ или $[B_1; B_\beta]$.

2) Хотя бы один игрок выбирает стратегию из профиля $[A_{\alpha+1}; A_\beta]$ и $[B_{\alpha+1}; B_\beta]$ соответственно и значительно сокращает свой выигрыш.

3) Хотя бы один игрок выбирает стратегию из профиля $[A_{\alpha+1}; A_\beta]$ и $[B_{\alpha+1}; B_\beta]$ соответственно и значительно увеличивает свой выигрыш.

4) Хотя бы один игрок выбирает стратегию из профиля $[A_{\alpha+1}; A_\beta]$ и $[B_{\alpha+1}; B_\beta]$ соответственно и незначительно изменяет размер своего выигрыша в ту или иную сторону.

Предположим, в случае 1 возникает ситуация «дилеммы заключенного», когда игроки в условиях некооперативной игры приходят к равновесной ситуации, которая может быть улучшена с точки зрения их выигрышей. Тогда гипотетический регулятор может вмешаться, ограничив реализацию игроками отдельных стратегий, и сместив их выбор к Парето-улучшению, т.е. запретив ρ_0 стратегий из платежной матрицы. Или же, если Парето-улучшение невозможно, регулятор может добиться смещения равновесия по Нэшу в пользу исхода, более предпочтительного с точки зрения суммы выигрышей $a + b$, а затем компенсировать проигравшей стороне потери при соблюдении критерия Калдора-Хикса-Зербе [Шаститко, 2010, с. 768]. Такое вмешательство мы считаем лишенным регуляторного крена, поскольку оно является экономически обоснованным.

В случаях 2, 3, 4 аналогичное вмешательство регулятора принципиально невозможно, поскольку ни сами игроки, ни регулятор не обладают достаточной достоверной информацией об информационном множестве, и потому не способны идентифицировать Парето-предпочтительные состояния или состояния, предпочтительные с точки зрения суммы выигрышей $a + b$ (а тем более – разработать компенсационный механизм с соблюдением критерия Калдора-Хикса-Зербе во втором случае). По этой причине регуляторное вмешательство здесь будет основываться на субъективных вероятностных представлениях регулятора об

информационном множестве (как, впрочем, и у самих игроков A и B). Для простоты предположим, что игра однопериодная, и решения как регулятор, так и игроки осуществляют одновременно. Игроки выбирают стратегии, а регулятор выбирает, сколько и каких стратегий запретить.

2.1.3 Задача регулятора

Регулятор – третье действующее лицо в нашей модели. Он может использовать монополию на насилие как инструмент «ограничения спектра возможностей, доступных одному индивиду – объекту насилия, которое сопряжено с воздействием на его способность принимать и(или) реализовывать принятые им решения» [Шаститко, 2010, с. 661]. Под ограничением спектра доступных возможностей мы имеем в виду регуляторные предписания, сопровождаемые санкциями со стороны монополии на насилие, которые блокируют игрокам A и B часть стратегий из платежной матрицы. Регулятор в нашей модели действует в интересах членов элиты социального порядка A^* и B^* , извлекающих ренты соответственно из экономических ресурсов игроков A и B . Функция регулятора заключается в одновременной максимизации полезностей ⁷¹ членов элиты социального порядка A^* и B^* посредством ограничения числа стратегий, доступных игрокам A и B : мы предполагаем для простоты, что члены элиты социального порядка A^* и B^* (и игроки A и B) гомогенны, а перераспределение выигрышей между ними невозможно. Предположим также, что регулятор вводит одинаковые ограничения одновременно для обоих игроков (что возможно, учитывая наличие квадратной платежной матрицы).

Итак, целевые функции регулятора (функции полезности двух членов элиты) выглядят следующим образом:

---

⁷¹ Это возможно, благодаря необходимым (но не достаточным) предпосылкам о гомогенности игроков и членов элиты. В реальности регулятор будет находить баланс между оптимальными для каждого члена элиты уровнями регуляторного крена, что отдельно обсуждено в конце параграфа. В нашу же задачу входит демонстрация самого факта отклонения предпочтений любых членов элиты от экономически обоснованного числа регуляторных ограничений.

$$U_{A^*} = f_{A^*}(ar - c\rho) + \varphi_{A^*}(\rho) \rightarrow \max \quad (3)$$

$$U_{B^*} = f_{B^*}(br - c\rho) + \varphi_{B^*}(\rho) \rightarrow \max \quad (4)$$

Где: $c > 0$ – это издержки введения одного дополнительного регуляторного ограничения (т.е. цена ограничения одной стратегии для каждого из игроков, которую платит регулятор), ρ – это натуральное число, обозначающее количество стратегий, ограниченных регулятором для каждого из игроков, $p \in [0, 1]$ – это вероятность возникновения конфликта между членами элиты социального порядка ограниченного доступа в связи с нарушением баланса в распределении рент между ними. При этом вероятность возникновения конфликта является функцией от количества стратегий в той части платежной матрицы, которая предполагает структурную неопределенность, и количества исходов, ограниченных самим регулятором:

$$\rho = \omega(\beta^2 - \alpha^2, E(\beta^2 - \alpha^2, \rho_x)) \quad (5)$$

$$\rho = \rho_0 + \rho_x \quad (6)$$

Где: $E(\beta^2 - \alpha^2, \rho_x)$ – это функция количества элементов платежной матрицы из ее части, предполагающей структурную неопределенность, ограниченных регулятором; ρ_x – это количество таких регуляторных ограничений; ρ_0 – это количество регуляторных ограничений на части платежной матрицы, не предполагающей структурную неопределенность (например, ограничения, необходимые для решения «дилеммы заключенного» на этом участке матрицы); ρ – соответственно, общее количество регуляторных ограничений.

При этом предполагаем, что правые части двух функций полезности характеризуются следующими свойствами:

$$f_{A^*} > 0; f'_{A^* a} > 0; f''_{A^* aa} < 0 \quad (7)$$

$$f_{B^*} > 0; f'_{B^* b} > 0; f''_{B^* bb} < 0 \quad (8)$$

Это означает, что полезность от получаемой ренты для члена элиты всегда положительна и положительно зависит от размера выигрыша, получаемого соответствующим члену элиты игроком, а предельная полезность от ренты носит убывающий характер (функция вогнута). Для второго слагаемого предполагаем следующие свойства:

$$\varphi_{A^*} \leq 0; \varphi'_{A^*p} < 0; \varphi''_{A^*pp} < 0 \quad (9)$$

$$\varphi_{B^*} \leq 0; \varphi'_{B^*p} < 0; \varphi''_{B^*pp} < 0 \quad (10)$$

Они означают, что члены элиты всегда получают отрицательную или равную нулю полезность от вероятности возникновения между ними конфликта. При этом связь между такой вероятностью и размером полезности носит строго отрицательный характер (чем выше вероятность, тем ниже полезность), и функция является вогнутой – т.е., чем ближе вероятность конфликта к 1, тем сильнее сокращается предельная полезность, и наоборот.

2.1.4 Зависимость функций полезности от ρ

Поскольку регулятор может оказывать влияние на полезность, получаемую членами элиты, только вводя регуляторные ограничения ρ , то обсудим характер зависимости полезностей членов элиты от этого параметра.

Напомним, что на части матрицы, задаваемой стратегиями $[A_1; A_\alpha]$ и $[B_1; B_\alpha]$, отсутствует структурная неопределенность. В этой связи существует некий параметр ρ_0 , соответствующий количеству ограничений, накладываемому регулятором для решения «дилеммы заключенного» на этом участке. Скажем, это соответствует некоторому начальному числу регуляторных ограничений, которые не зависят от особенностей социального порядка, и от которых затем отсчитывается регуляторный крен. Соответственно, если число ограничений ρ_0 соответствуют

числу ограничений, необходимых для увеличения выигрышей a и b , и это увеличение покрывает издержки по введению ограничений, то функции f_{A^*} и f_{B^*} должны быть возрастающими на отрезке $\rho \in [0; \rho_0]$, и иметь убывающий характер предельного прироста, поскольку мы ввели предпосылку об убывающей предельной полезности членов элиты от размера получаемой ренты (7), (8). При этом функции $\varphi_{A^*}(\rho)$ и $\varphi_{B^*}(\rho)$ на этом участке будут иметь минимальное значение и будут постоянны, поскольку вероятность конфликта зависит от числа стратегий, доступных игрокам в области структурной неопределенности. Чем больше регулятор запретит стратегий из области структурной неопределенности, тем меньше вероятность, что стратегия, которую выберут игроки, приведет к значительному изменению между ними пропорции выигрышей в сравнении со статусом-кво.

Далее рассмотрим функции $\varphi_{A^*}(\rho)$ и $\varphi_{B^*}(\rho)$ на участке $\rho \in (\rho_0; \beta^2 - \alpha^2]$. Как уже говорилось ранее, мы ввели предпосылки об отрицательной зависимости этих функций от вероятности ρ и убывающей предельной полезности по ρ . Однако вероятность ρ , в свою очередь, зависит от количества элементов платежной матрицы из области структурной неопределенности, ограниченных регулятором, т.е. ρ_x . Это происходит по той причине, что регулятор и сами игроки не знают достоверно соотношение выигрышей a и b при выборе стратегий из области структурной неопределенности, и потому чем меньше таких исходов, тем меньше субъективная оценка вероятности возникновения конфликта между членами элиты (11).

$$\rho = \omega(\beta^2 - \alpha^2, E(\beta^2 - \alpha^2, \rho_x)) \quad (11)$$

Функция $E(\beta^2 - \alpha^2, \rho_x)$ – это функция количества элементов платежной матрицы из области структурной неопределенности, ограниченных регулятором. Обратим внимание, что приращение ρ_x на каждую последующую единицу сокращает все меньшее число исходов (из-за свойств платежной матрицы). Так, при введении $\rho_x = 1$ в сравнении с $\rho_x = 0$ функция E сокращается на $2\beta - 1$ единиц.

При $\rho_x = 2$ такой предельный эффект равен $2(\beta - 1) - 1$. Далее, при $\rho_x = 3$, он равен $2(\beta - 2) - 1$. В общем случае получается, что $E'_{\rho_x} = 2(\beta - \rho_x - 1) - 1$. Следовательно, $E''_{\rho_x} = -2$, $E''_{\rho_x} < 0$. Таким образом, функция E является вогнутой по ρ_x , а значит, то же относится и к функции ω (по которой $\varphi_{A^*}(\rho)$ и $\varphi_{B^*}(\rho)$ также являются вогнутыми, поскольку функция ω задает значения субъективной оценки вероятности наступления конфликта между членами элиты). Соответственно, $\varphi_{A^*}(\rho)$ и $\varphi_{B^*}(\rho)$ на рассматриваемом отрезке принимают отрицательные значения, возрастают и при этом являются вогнутыми.

Теперь рассмотрим поведение функций $f_{A^*}(ar - c\rho)$ и $f_{B^*}(br - c\rho)$ на участке $\rho \in (\rho_0; \beta^2 - \alpha^2]$ – то есть, когда регуляторные ограничения накладываются на стратегии, лежащие в области структурной неопределенности.

Во-первых, как видно, увеличение ρ приводит к увеличению расходов на внедрение регуляторных ограничений, и уже этим вносит негативный вклад в f_{A^*} и f_{B^*} .

Во-вторых, напомним, что игроки A и B , если они решают действовать в условиях структурной неопределенности – т.е., открывают новые способы использования имеющихся ресурсов или открывают новые ресурсы, могут получать разные размеры выигрышей a и b соответственно в зависимости от своей внимательности. Снова рассмотрим три альтернативных варианта развития событий при принятии игроками решений в условиях структурной неопределенности, но уже с точки зрения интересов членов элиты в социальном порядке ограниченного доступа:

– Хотя бы один игрок выбирает стратегию из профиля $[A_{\alpha+1}; A_\beta]$ и $[B_{\alpha+1}; B_\beta]$ соответственно и значительно сокращает свой выигрыш.

Если регулятор будет считать, что возможно только такое развитие событий, то функции $f_{A^*}(ar - c\rho)$ и $f_{B^*}(br - c\rho)$ на рассматриваемом участке будут нести убывающий характер: регулятор будет ограничивать стратегии, ведущие, по его субъективному априорному мнению, к снижению рентных поступлений для членов

элиты. Это приведет к тому, что будут увеличиваться издержки $c\rho$, а рента ar или br по крайней мере не будет увеличиваться.

– Хотя бы один игрок выбирает стратегию из профиля $[A_{\alpha+1}; A_{\beta}]$ и $[B_{\alpha+1}; B_{\beta}]$ соответственно и незначительно изменяет размер своего выигрыша в ту или иную сторону.

Если регулятор будет считать, что возможно только такое развитие событий, то функции $f_{A^*}(ar - c\rho)$ и $f_{B^*}(br - c\rho)$ на рассматриваемом участке будут также нести убывающий характер: ренты ar и br остаются на прежнем уровне, а издержки $c\rho$ увеличиваются.

– Хотя бы один игрок выбирает стратегию из профиля $[A_{\alpha+1}; A_{\beta}]$ и $[B_{\alpha+1}; B_{\beta}]$ соответственно и значительно увеличивает размер своего выигрыша.

Если регулятор будет считать, что возможно только такое развитие событий, то функции $f_{A^*}(ar - c\rho)$ и $f_{B^*}(br - c\rho)$ на рассматриваемом участке будут все равно нести убывающий характер: издержки $c\rho$ увеличиваются, а ренты ar и br сокращаются под воздействием регуляторных ограничений. Мы уже говорили, что игроки A и B стремятся максимизировать свои выигрыши, не кооперируясь друг с другом. Соответственно, если мы рассматриваем ситуацию, при которой у A или B действительно выбирают стратегии, приносящие им относительно большой выигрыш, то увеличение ρ также будет сокращать множество доступных им стратегий из области структурной неопределенности и, соответственно, при прочих равных условиях приведет к убывающему характеру функций $f_{A^*}(ar - c\rho)$ и $f_{B^*}(br - c\rho)$.

2.1.5 Отличие задачи регулятора в порядке ограниченного доступа от задачи в условиях порядка открытого доступа

В отличие от ситуации в порядке ограниченного доступа, у регулятора в порядке открытого доступа есть одна функция: соблюдается принцип консолидированного контроля над применением насилия. Соответственно, и функции $\varphi_{A^*}(\rho)$ и $\varphi_{B^*}(\rho)$ также по определению отсутствуют: структурная неопределенность относительно распределения выигрышей между игроками не несет в себе угрозу для стабильности социального порядка.

Второе отличие заключается в размере издержек на установление дополнительных регуляторных ограничений c . Переменная c в порядке открытого доступа должна быть больше, поскольку каждая регуляторная инициатива должна проходить процедуру широкого обсуждения, проходить различные юридические барьеры при принятии, а также требует издержек по защите регуляторной нормы в суде в случае, если ее попытаются отменить в судебном порядке. Все это порождает дополнительные транзакционные издержки, которые актуальны для порядка открытого доступа, но, по крайней мере, в меньшей степени актуальны для порядка ограниченного доступа.

2.1.6 Регуляторный крен

Итак, учитывая вид функций полезности членов элиты социального порядка, попробуем продемонстрировать, как отличается оптимальное количество регуляторных ограничений ρ в случае социального порядка ограниченного доступа от случая социального порядка открытого доступа (Рис. 3). Как видно на примере A^* , оптимальное количество регуляторных ограничений равно ρ^* . На графике представлены ломаные линии, поскольку ρ принадлежит множеству натуральных чисел (и регуляторные альтернативы, соответственно, дискретны).

2.1.7 Возникновение регуляторного крена в порядке ограниченного доступа

Видно, что в случае, если бы члены элиты не принимали во внимание фактор риска возникновения конфликта между ними, то оптимальное значение сместилось

бы влево в точку ρ^{**} . Разницу между ρ^* и ρ^{**} назовем x_1 – это та часть регуляторного крена, которая вызвана опасениями элиты социального порядка ограниченного доступа относительно диспропорций в будущем распределении рент между ними.

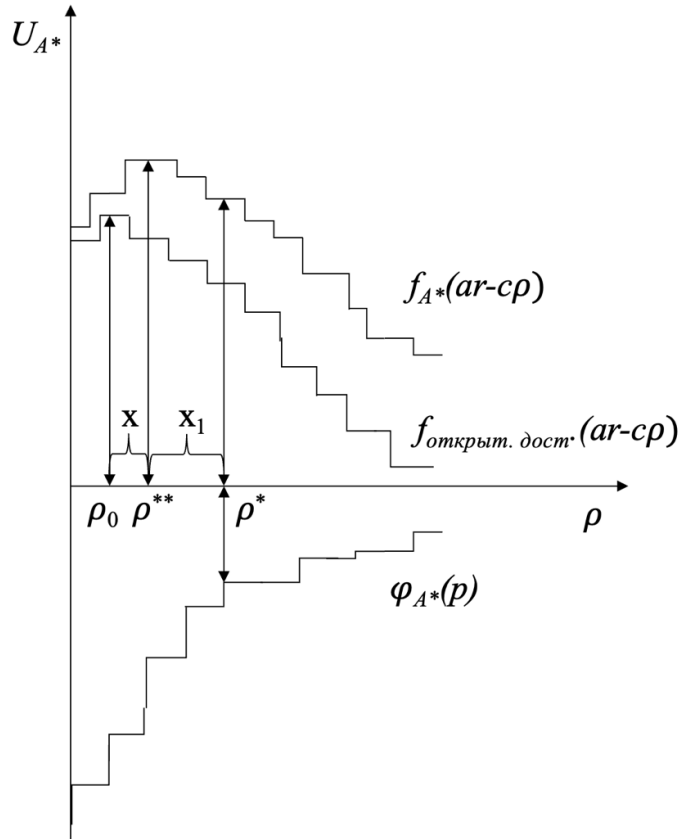

Рис. 3 – Возникновение регуляторного крена в порядке ограниченного доступа

Источник: составлено автором

Однако равновесие ρ^{**} еще не соответствует условной ситуации «без регуляторного крена» в социальном порядке открытого доступа. Как уже обсуждалось выше, характеристики социальных порядков открытого доступа увеличивают транзакционные издержки, связанные с принятием регуляторных инициатив, то есть увеличивают c , соответственно смещая функцию $f_{A^*}(ar - c\rho)$ вниз. Предполагаем, что тогда равновесие переместится в точку ρ_0 , то есть без регуляторного крена, вызванного характеристиками социального порядка ограниченного доступа. Соответственно, часть регуляторного крена, вызванная

снижением издержек по принятию и сохранению избыточных регуляторных ограничений, обозначается как x . При этом общая величина регуляторного крена равна $x + x_1$.

Обратим внимание на то обстоятельство, что регулятор должен выбрать ρ , которое удовлетворит обоим членам элиты одновременно. Как будет проходить согласование их интересов – отдельный вопрос, однако, что важно для нашего анализа: интересы обоих членов элиты будут смещены вправо относительно точки ρ_0 , а предметом их переговоров может стать размер этого регуляторного крена.

Также отметим еще одно важное обстоятельство: равновесный уровень регуляторного крена x не будет постоянным, а будет меняться с течением времени. Это будет происходить, поскольку субъективные оценки исходов экономической конкуренции в условиях структурной неопределенности как со стороны членов элиты, так и со стороны игроков, могут меняться в зависимости от фактически получаемых результатов. Именно поэтому процесс корректировки регуляторных механизмов при регуляторном крене в социальных порядках ограниченного доступа приобретает постоянный характер и не остается статично зафиксированным на одном уровне.

2.1.8 Ключевые допущения, несовершенства модели и финальные замечания

Представленная модель описывает ситуацию регуляторного крена в социальном порядке ограниченного доступа для двух игроков на отдельном рынке и двух членов элиты социального порядка при определенных предпосылках, указанных в начале настоящего раздела. Вместе с тем, в реальности количество игроков, может быть больше двух, а значит, и платежная матрица может принимать вид n -мерной при $n > 2$. По большей части это усугубляет проблемы структурной неопределенности как для самих игроков, так и для регулятора, посколькукратно увеличивается число возможных и при этом ненаблюдаемых для игроков и регулятора исходов некооперативной игры. Более того, в таком случае становится более очевидной невозможность использования инструментов государственного

регулирования на пространстве исходов, формируемом стратегиями из области структурной неопределенности: регулятору труднее дать субъективные оценки последствий реализации тех или иных стратегий.

В настоящей модели регулирование предполагает ограничение правомочий игроков реализовывать выбранные ими стратегии поведения на рынке. Однако, как мы уже говорили в первой главе, также институты экономического регулирования в порядках ограниченного доступа могут способствовать заключению институциональных соглашений, предусматривающих механизмы управления транзакциями с относительно большим административным контролем со стороны государства, или же стимулировать экономических агентов заключать такие соглашения добровольно для обеспечения лучшей защиты от оппортунизма в условиях несоблюдения принципа верховенства права. Учитывая возможную *n*-мерность платежной матрицы, стимулы заключения таких институциональных соглашений становятся более понятны: вместо ограничения отдельных правомочий можно создать такой механизм управления транзакциями, который не будет ограничивать игроков в выборе стратегий из области структурной неопределенности, но будет, например, предусматривать механизмы перераспределения выигрышей между игроками.

Также следует отметить, что в настоящей модели не рассматривается вопрос о том, как согласуются интересы членов элиты относительно предпочтительных размеров регуляторного крена. Модель лишь показывает, что интересы каждого члена элиты смещены вправо относительно равновесия в порядке открытого доступа (а значит, в любом случае крен возникнет), однако процесс согласования единого оптимального решения для всех членов элиты (особенно – если их число более 2-х) не рассмотрен.

Модель также не рассматривает ситуации регуляторного крена, не вызванные характеристиками социального порядка ограниченного доступа. Имеются в виду ситуации, когда, например, регуляторный крен может быть вызван смещением в общепринятых представлениях о подходах к государственному экономическому регулированию, идеологическими причинами, ошибками регулятора и т.д.

2.2 Слабая защита прав собственности участников экономической конкуренции в социальных порядках ограниченного доступа⁷²

Эмпирическую часть исследования начнем с проблемы гарантирования прав собственности в различных социальных порядках. Как мы уже говорили ранее, для свободного участия в экономической конкуренции экономическим агентам необходимы равные условия защиты прав собственности. В условиях социального порядка ограниченного доступа, т.е. при несоблюдении принципа верховенства права и(или) отсутствии консолидированного контроля над применением насилия монополия на насилие (государство) не сталкивается с институциональными барьерами при создании институтов экономического регулирования, нарушающих правомочия экономических агентов. Более того, члены элиты в социальном порядке ограниченного доступа имеют прямой интерес в создании таких институтов экономического регулирования, которые обеспечат предсказуемое распределение ограниченных ресурсов и тем самым сохранят стабильность в социальном порядке ограниченного доступа⁷³. Напротив, в социальных порядках открытого доступа монополия на насилие при проектировании институтов экономического регулирования сталкивается с необходимостью соблюдать принцип верховенства права и реже может вводить избыточные регуляторные ограничения на использование экономическими агентами своих правомочий в рамках экономической конкуренции.

Поэтому считаем, что в социальных порядках ограниченного доступа экономические агенты, считающие, что в отношении них соблюдается принцип верховенства права (т.е. завышающие оценки объективно существующему социальному порядку), в среднем будут менее активно участвовать в процессе экономической конкуренции. Этот тезис объясняется тем, что сильную защиту прав собственности со стороны государства в порядках ограниченного доступа получают скорее те экономические агенты, которые не создают при использовании

---

⁷² Раздел подготовлен на основе публикации [Федоров, 2023b].

⁷³ Опять же, исходим из того, что члены элиты пытаются сохранить социальный порядок в равновесии. При определенных условиях отдельные участники ради частных выгод могут нарушить это равновесие, но даже в случае вывода социального порядка из равновесия члены элиты заинтересованы найти новое равновесие.

своих прав собственности угроз для стабильности социального порядка. Ранее мы уже обсуждали, что участие в экономической конкуренции как процессе, подразумевающее осуществление инноваций, и соответственно, как параметрическую, так и структурную неопределенность относительно будущего распределения экономических благ, такую угрозу для социального порядка представляет.

Соответственно, напомним, что в качестве регуляторного крена мы рассматриваем ситуации, когда по тем или иным причинам наблюдается устойчивое отклонение монополии на насилие от коузинского подхода к регулированию в сторону наложения избыточных регуляторных ограничений на экономическую конкуренцию. Под коузианским подходом к регулированию, соответственно, понимается постоянное сравнение дискретных структурных альтернатив и оценка их регулирующего воздействия: то есть, обоснованный выбор между дискретными структурными альтернативами в политике государственного регулирования. Регуляторный крен, вызванный особенностями характеристик социального порядка, соответственно, позволяет монополии на насилие (государству) выдавать избыточные регуляторные предписания, нарушающие правомочия экономических агентов, чтобы ограничить деятельность, способную нарушить стабильность социального порядка.

Ранее мы разделили экономическую конкуренцию на ее статический и динамический аспект вслед за традицией, положенной в работах [Clark, 1954; 1961]. Обратим внимание, что неопределенность как структурная, так и параметрическая, характерна для экономической конкуренции как процесса. Мы ожидаем, что:

Гипотеза 1. В порядке ограниченного доступа участие игроков в экономической конкуренции менее вероятно, если они считают, что в отношении них соблюдается принцип верховенства права.

Гипотеза 2. В порядке ограниченного доступа участие игроков в экономической конкуренции как процессе более вероятно, если они считают, что в отношении них соблюдается принцип верховенства права.

Проверка гипотез осуществлена на микроданных проекта ЕБРР «Business Environment and Enterprise Performance Survey» за 2018–2020 гг. (далее – BEEPS)⁷⁴. Микроданные содержат результаты опроса топ-менеджмента промышленных предприятий, проведенного ЕБРР в 2018 г. в 42 странах⁷⁵. К этим данным была добавлена бинарная переменная $Order \in [0; 1]$, равная 1 в случае, если социальный порядок в стране не проходил пороговые условия порядка открытого доступа по результатам эмпирического исследования [Андреева и др., 2017]. Так как не все страны из выборки BEEPS присутствовали в указанном эмпирическом исследовании, то отсутствовавшие страны были классифицированы дополнительно: страны были отнесены к ближайшим группам по тем индексам, которые использованы в работе [Андреева и др., 2017]. Авторы на момент проведения кластеризации в 2017 г. сомневались в преодолении пороговых условий порядка открытого доступа некоторыми странами (в т. ч. Польшей и Латвией), однако по состоянию на 2022 г. эти пороговые условия либо преодолены полностью, либо преодолеваются (фиксируются пограничные значения).

Методология отнесения стран к тем или иным социальным порядкам в исследовании [Андреева и др., 2017] построена на кластерном анализе методом иерархической кластеризации по выборке из 108 стран. Параметрами для кластеризации стали международные индексы, которые служили прокси-переменными для оценки пороговых условий порядков открытого доступа: верховенство права – The Rule of Law Index (The World Justice Project), Rule of Law (WGI); бессрочность существования непersonифицированных организаций – Government Effectiveness, Regulatory Quality (WGI), Overall distance to frontier (Doing Business); контроль насилия – Political Stability и Absence of Violence/Terrorism (WGI), Security Apparatus (The Fragile State Index). Эмпирически по результатам кластеризации пороговые условия для порядков открытого доступа

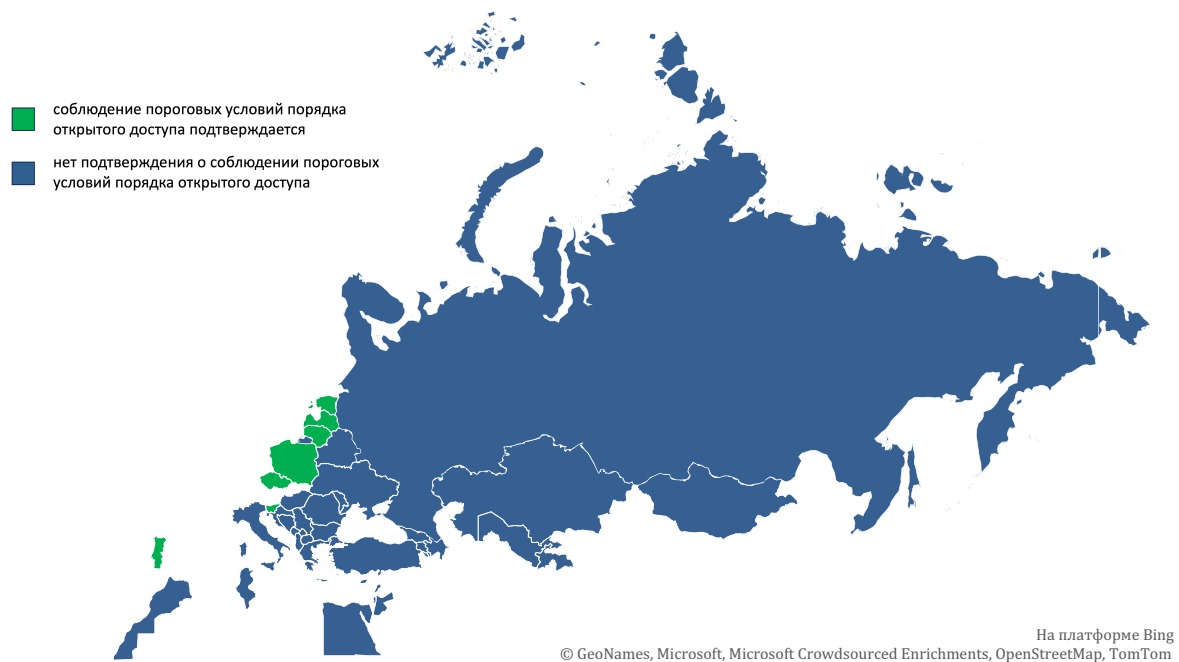
---

⁷⁴ BEEPS / URL: <https://www.beeeps-ebrd.com/data/2018-2020/> (дата обращения: 10.04.2023)

⁷⁵ В выборку попали: Албания, Армения, Азербайджан, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Респ. Кипр, Чехия, Египет, Эстония, Грузия, Греция, Венгрия, Италия, Иордания, Казахстан, непризнанная Респ. Косово, Киргизия, Латвия, Ливан, Литва, Мальта, Молдавия, Монголия, Черногория, Марокко, Сев. Македония, Польша, Португалия, Румыния, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Таджикистан, Тунис, Турция, Украина, Узбекистан, Палестинская автономия.

были оценены следующим образом: The Rule of Law Index (0,66), Rule of Law (0,89), Government Effectiveness (1,02), Regulatory Quality (0,64), Overall distance to frontier (69,56), Political Stability and Absence of Violence/Terrorism (-0,06), Security Apparatus (3,0). Напоминаем также, что страны, не прошедшие проверку по пороговым значениям – это не обязательно социальные порядки ограниченного доступа, но скорее всего не социальные порядки открытого доступа. Для простоты в настоящей главе будем называть их порядками ограниченного доступа.

*Карта сформирована автоматически в программе MS Excel на базе платформы Bing. Не учитываются изменения границ после 2022 г. Национальные границы приведены в соответствии с тем, как их рассматривает источник данных - ЕБРР.

Рис. 4 – Страны в выборке ВЕЕРС, разделенные по социальным порядкам
Источник: составлено автором на основе [Андреева и др., 2017]

В очередной раз также обращаем особое внимание на то, что социальный порядок определяется тремя пороговыми условиями, позволяющими определить доминирующий способ использования насилия в обществе. Он не является синонимом терминам «государственное устройство», политический режим и т. д. и не связан напрямую с используемой государством идеологией. Это дает концепции социальных порядков преимущество при определении влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию, делая ее более универсальной в сравнении с другими аналогичными классификациями

стран. Например, видно (Рис. 4), что деление стран по характеристикам социального порядка не сильно коррелирует с разделением на бывшие страны социалистического и капиталистического блоков: Италия не проходит пороговые условия порядков открытого доступа, при этом Польша и страны Балтии – проходят. После очистки набора данных от пропущенных наблюдений и выбросов получены: 6610 набл. по предприятиям в порядках ограниченного доступа и 1456 набл. по предприятиям в порядках открытого доступа (итого – 8066 набл.).

Если мы интерпретируем экономическую конкуренцию как процесс поиска новых ресурсов или новых способов использования старых ресурсов [Науек, 1968], то логично использовать факт внедрения новых товаров или производственных процессов как прокси-переменную интенсивности участия экономического агента в экономической конкуренции как процессе. В нашем случае этими прокси служат бинарные переменные *New Product* и *New Process* соответственно – согласно ЕБРР, это переменные, отражающие решение экономического агента начать финансирование внедрения нового продукта или процесса соответственно. Мы оцениваем для них пробит-регрессии, чтобы понять, как тот или иной фактор влияет на вероятность ввода фирмой нового продукта или процесса (т. е. на их участие в экономической конкуренции как процессе).

Помимо бинарной переменной *Order*, равной единице в случаях социальных порядков ограниченного доступа, нас также интересует переменная *Court*⁷⁶ – ответ представителя фирмы на просьбу выразить степень согласия с утверждением «Судебная система честна, недискриминационна и некоррупционирована»: 1 – полностью несогласен, 2 – скорее несогласен, 3 – скорее согласен, 4 – полностью согласен. Переменная *Court* бинарная и равна единице в случаях ответов 3 и 4 («скорее согласен» и «полностью согласен»). Мы предполагаем, что игроки из социальных порядков ограниченного доступа, завышающие оценку соблюдению в нем принципа верховенства права, занимают такую позицию либо случайно (случайная ошибка), либо не случайно, и во втором случае будут демонстрировать статистическую связь с результирующими переменными. Также добавлено

---

⁷⁶ Переменная *h7a* в ВЕЕПС. Ввод новых продуктов и процессов в выборке ВЕЕПС соответственно – *h1* и *h5*.

пересечение этой переменной с бинарной *Order*. Логика, стоящая за выбором переменной *Court*, проиллюстрирована на схеме (Рис. 5). По этой схеме видно, как ответы респондентов на вопрос о честности, недискриминационности и некоррупционности судебной системы могут позволить определить статистически значимые различия между экономическими агентами, защищенными элитой в социальном порядке ограниченного доступа, и остальными экономическими агентами.

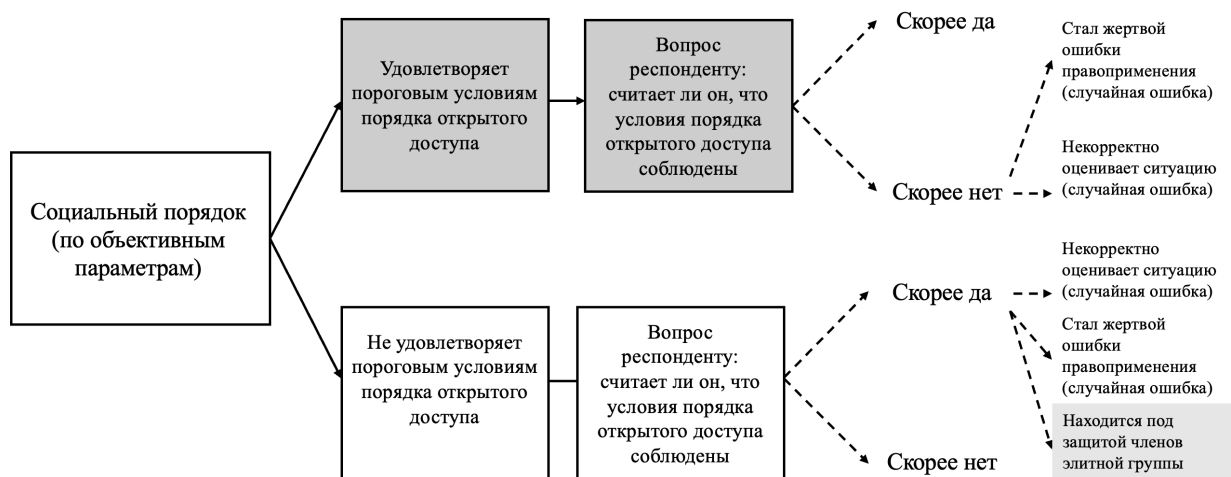

Рисунок 5 – Логика разделения экономических агентов по параметру Court для проверки гипотез о влиянии социального порядка на экономическую конкуренцию посредством защиты прав собственности

Источник: составлено автором

Далее приводим описательную статистику как переменных интереса, так и контрольных переменных, включенных в нашу модель (Таблица 7).

Таблица 7

Описательные статистики переменных

	Min	1 st Qu.	Median	Mean	3 rd Qu.	Max.
New Product	0.0000	0.0000	0.0000	0.2632	1.0000	1.0000
New Process	0.0000	0.0000	0.0000	0.1503	0.0000	1.0000
ln(Age)	-4.605	2.399	2.945	2.860	3.296	5.263
ln(Sales)	8.08	14.44	16.28	16.52	18.27	30.68
ln(Labor)	7.137	12.616	14.221	14.622	16.380	24.635
Foreign Prop.	0	0.000	0.000	7.741	0.000	100.000
Court	0	0	1	0.5932	1	1

Источник: составлено автором

Как видно, в качестве контрольных добавлено несколько переменных, которые могут оказывать значимое влияние на принятие решения экономическим

агентом об осуществлении инноваций: это доля иностранных собственников *Foreign Prop.*, логарифм возраста предприятия $\ln(\text{Age})$, логарифм переменных, характеризующих размер предприятия ($\ln(\text{Sales})$ и $\ln(\text{Labor})$). Помимо этого, пробит-модель считается с постоянными эффектами на отрасль. Постоянные эффекты на регион не вводились из-за переменной *Order*.

Ниже представлены результаты оценки коэффициентов пробит-регрессий (Таблица 8).

Таблица 8

Результаты оценки пробит-регрессий

	Dependent variable:	
	New Product	New Process
Order	-0.137** (0.056)	-0.098 (0.064)
$\ln(\text{Age})$	0.034 (0.021)	0.013 (0.024)
$\ln(\text{Sales})$	0.042*** (0.015)	0.039** (0.018)
$\ln(\text{Labor})$	0.021 (0.016)	0.044** (0.018)
Foreign Prop.	0.001 (0.0006)	0.001* (0.0007)
Court	0.170** (0.07)	0.128* (0.096)
Court · Order	-0.319*** (0.08)	-0.283*** (0.001)
Constant	-0.963*** (0.121)	-1.611*** (0.138)
Fixed Effects	23 Industries	23 Industries
Observations	8,066	8,066
Log Likelihood	-4,195.275	-3,003.995
Akaike Inf. Crit.	8,446.6	6,064.0

Note:

*p < 0.1; **p < 0.05; ***p < 0.01

Источник: составлено автором

Как видно, социальный порядок сам по себе негативно связан с вероятностью введения нового продукта, но значимой статистической связи с введением новых процессов не обнаружено. Это ожидаемо, поскольку в социальном порядке присутствуют как те экономические агенты, которые готовы принимать участие в

экономической конкуренции как процессе, так и в меньшей степени готовы к этому шагу. Для нас интересно влияние на это решение переменной *Court* в сцепке с переменной *Order*. Для наглядности мы вывели их на график (Рис. 6, 7).

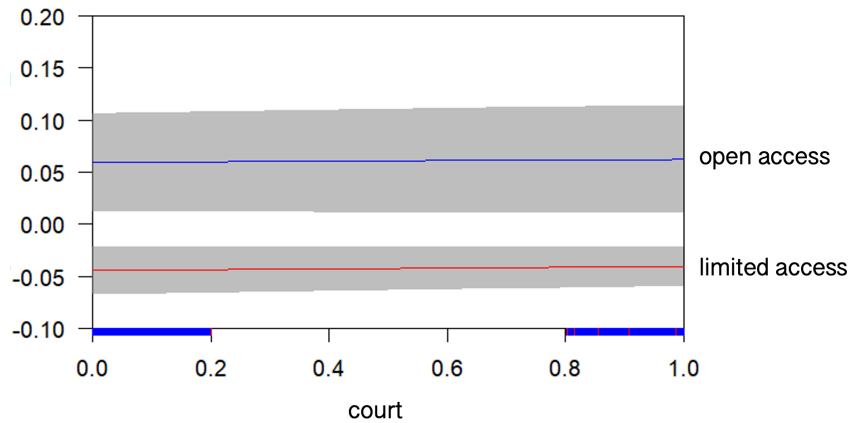

Рисунок 6 – Предельные эффекты переменной *Court* в порядках открытого и ограниченного доступа на *New Product* (с 95% доверительными интервалами)

Источник: составлено автором

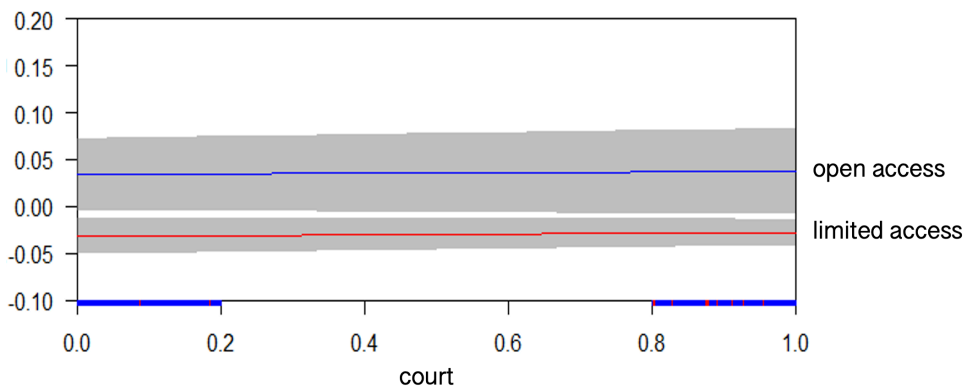

Рисунок 7 – Предельные эффекты переменной *Court* в порядках открытого и ограниченного доступа на *New Process* (с 95% доверительными интервалами)

Источник: составлено автором

На графике приводятся предельные эффекты. Мы видим, что в социальных порядках ограниченного доступа респонденты, переоценивающие соблюдение принципа верховенства права в стране, в меньшей степени склонны участвовать в экономической конкуренции как процессе (предельные эффекты *Court* стабильно отрицательны в социальных порядках ограниченного доступа). В порядках открытого доступа, напротив, согласные с высокой оценкой соблюдения принципа верховенства права в стране, демонстрируют большую готовность участвовать в

экономической конкуренции как процессе (связь с введением нового процесса значима только на уровне 0,1).

Обсудим также несколько аспектов, связанных с качеством приведенной модели. Данные по переменной *Order* получены из исследования [Андреева и др., 2017] и относятся к 2016 году. Согласно информации ЕБРР, данные из опроса ВЕЕПС 2018 года касаются 2016 – 2017 годов. При этом вопрос о финансировании вывода нового продукта на рынок или внедрения нового процесса относится к обоим годам, а остальные переменные – только к 2017 году. Считаем, что это налагает определенные ограничения на полученные результаты: необходимо принять предпосылку о том, что на протяжении рассматриваемых двух лет у предприятий не менялись в значительной степени численность работников, объемы продаж и т.д., поскольку часть решений о финансировании новых продуктов и процессов могла быть принята в 2016 году, т.е. за год до замера остальных факторов.

Также обратим внимание на проблему эндогенности, которая может быть вызвана наличием обратной причинно-следственной связи и приводить к смещению оценок коэффициентов при регрессорах. Как мы уже говорили ранее, мы предполагаем, что решение о внедрении нового продукта или процесса конкретным предприятием не приводит к тектоническим изменениям в социальном порядке, а потому проблема не должна оказывать сильное влияние на оценки интересующих нас коэффициентов при *Order* и *Court*. Однако эта проблема теоретически может приводить к смещению оценок при переменных *ln(Sales)*, *ln(Labor)* и *Foreign Prop*. К сожалению, набор данных ВЕЕПС не позволяет решить эту проблему добавлением инструментальных переменных, и эта проблема для указанных переменных остается актуальной – вместе с тем, в нашей регрессии они используются как контрольные.

Мы также осуществили проверку того, насколько на качество полученных оценок могла оказать влияние проблема мультиколлинеарности (т.е. тесной связи регрессоров между собой). Проверка осуществлялась расчетом коэффициентов VIF (англ. *variance inflation factor*) (Таблица 9).

Коэффициенты VIF для регрессий

	Dependent variable:	
	New Product	New Process
Order	1.455251	1.471606
ln(Age)	1.028280	1.030782
ln(Sales)	2.719710	2.785432
ln(Labor)	2.663157	2.718233
Foreign Prop.	1.035330	1.038300
Court	2.216688	2.110998
Court · Order	2.528599	2.401115
Fixed Effects	1.007738	1.006656

Источник: составлено автором

Как видно, коэффициенты VIF относительно близки к единице и далеки от значений 5 и 10, которые обычно считаются критическими при идентификации проблемы мультиколлинеарности в регрессии. Дополнительно представляем статистику предсказанных моделями точек из выборки при разной степени округления модельных значений до 0 и 1 (Таблица 10).

Таблица 10

Количество точек, спрогнозированных регрессией

	Ко-во наблюдений	Количество спрогнозированных наблюдений при округлении:			
		До 0.5	До 0.25	До 0.1	До 0.05
New Product	8066	6080	3690	853	407
New Process	8066	6860	5971	2856	1243

Источник: составлено автором

Обратимся также к набору данных Конкурентоспособность российской промышленности НИУ ВШЭ 2018 г.⁷⁷ – а именно, к ответам на вопрос о стимулах внедрения продуктовых инноваций в тех предприятиях, где они были, и тех, где никаких нововведений не происходило (Рис. 8).

⁷⁷ Конкурентоспособность российской промышленности / Институт анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ. Режим доступа: <https://iims.hse.ru/rfge/projects#fourth> (дата обращения: 20.07.2023)

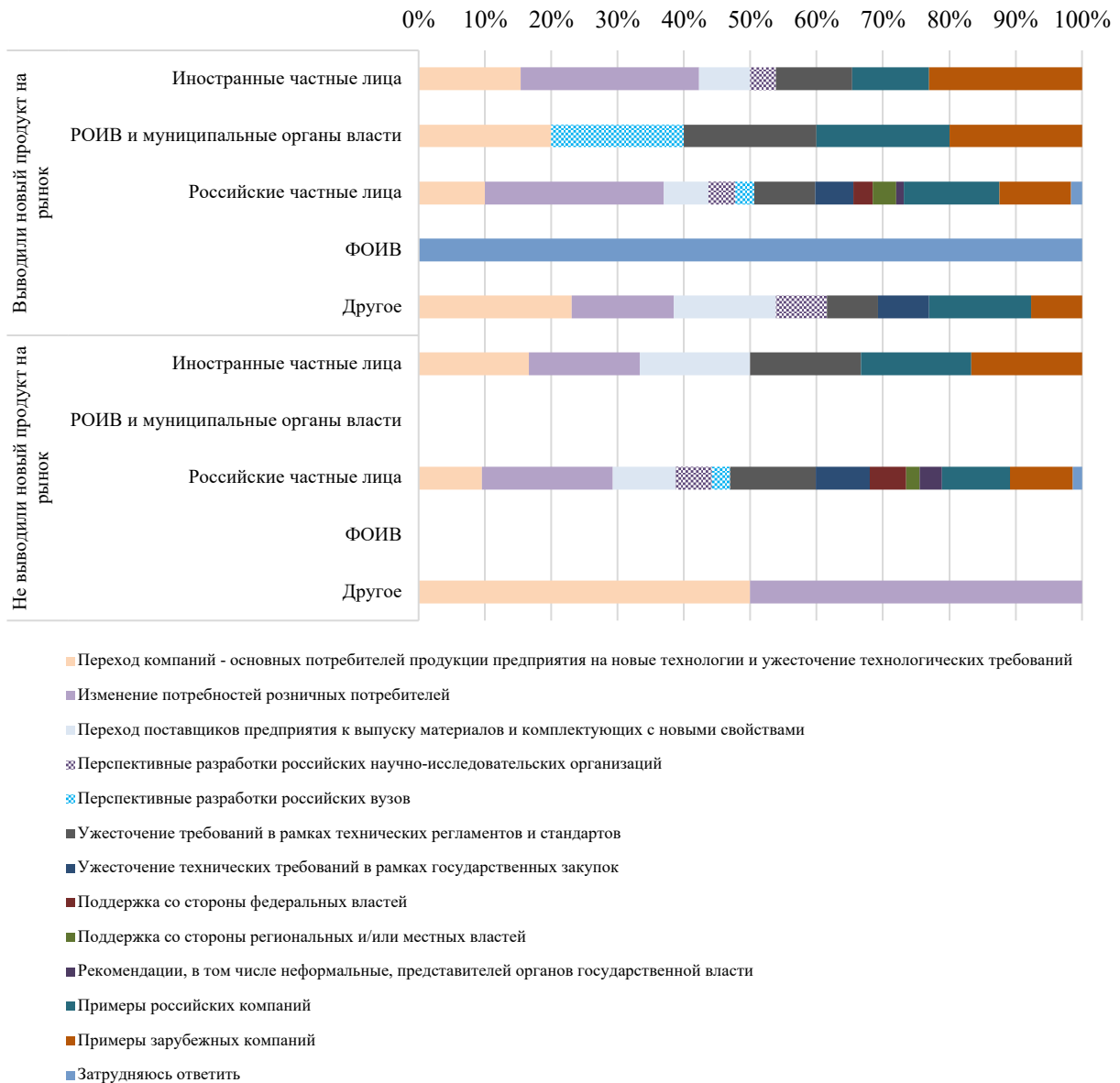

Рисунок 8 – Стимулы внедрения инноваций в предприятиях, где они осуществлялись, и где они не осуществлялись

Источник: составлено автором по данным НИУ ВШЭ

Эта статистика, во-первых, хорошо демонстрирует ситуацию с «регуляторным креном» в российской промышленности в целом – около половины респондентов при выводе нового продукта на рынок ориентируются не на его полезность для потребителей, а на регуляторные меры правительства. Во-вторых, интересно то, что среди частных игроков, которые действительно вывели новый продукт на рынок, на потребности потребителей, как в секторе B2C, так и в B2B, обращали внимание до 37%, а на регуляторные меры – 49% респондентов. Среди тех, кто не осуществил никаких нововведений, то есть не принял участие в

конкурентном процессе, на потребности потребителей ориентировались лишь 29%, а на государственное регулирование – более 53%.

Итак, подведем итог проверке гипотез, заявленных в начале раздела:

Гипотеза 1. В порядке ограниченного доступа участие игроков в экономической конкуренции менее вероятно, если они считают, что в отношении них соблюдается принцип верховенства права. *Гипотеза подтверждена, связь отрицательная.* Ощущающие себя защищенными игроки в порядках ограниченного доступа при прочих равных условиях реже участвуют в экономической конкуренции как процессе.

Гипотеза 2. В порядке ограниченного доступа участие игроков в экономической конкуренции как процессе более вероятно, если они считают, что в отношении них соблюдается принцип верховенства права. *Гипотеза подтверждена: связь положительная.*

Проведенное эмпирическое исследование подтвердило выдвинутые гипотезы. В социальных порядках ограниченного доступа экономические агенты, которые считают свои правомочия на активы защищенными соблюдением принципа верховенства права (т.е. эти агенты завышают оценки характеристик социального порядка), в среднем менее активно участвуют в процессе экономической конкуренции. В социальных порядках открытого доступа наблюдается обратная тенденция.

2.3 Смещение в выборе механизмов управления транзакциями

Ранее мы отмечали, что добровольный выбор механизмов управления транзакциями, совершаемый экономическими агентами в процессе экономической конкуренции, может быть ограничен институтами экономического регулирования. В условиях несоблюдения принципа верховенства права и(или) отсутствия консолидированного контроля над применением насилия эти институты могут а) смещать выбор механизмов управления транзакциями в пользу тех, которые подразумевают больший административный контроль со стороны государства; б) увеличивать неопределенность, связанную с защитой прав собственности, из-за

чего экономические агенты могут чаще добровольно выбирать механизмы управления транзакциями, которые обеспечат защиту прав собственности от оппортунизма контрагентов лучше, чем в рамках рыночного механизма – такой канал влияния эмпирически подтвержден на примере постсоветских стран в исследовании [Johnson et al., 2002]⁷⁸; в) вводить монополию на насилие в качестве одной из сторон институционального соглашения, наделяя ее избыточным административным контролем. В нашем исследовании мы в основном фокусируемся на каналах (а) и (в), поскольку канал (б) уже эмпирически подтвержден другими исследователями: в настоящем разделе мы рассматриваем ситуации, когда смещение в выборе механизма управления транзакциями происходит при непосредственной связи с принятием конкретных регуляторных решений государством.

В порядках ограниченного доступа есть как условия для вмешательства монополии на насилие в выбор механизмов управления транзакциями, так и интерес элиты к механизмам, обеспечивающим более предсказуемое распределение благ между экономическими агентами. В таких условиях выбор механизмов управления транзакциями может смещаться в сторону гибридов с высоким уровнем административного контроля и иерархий, где ведущая роль отводится монополии на насилие и ее представителям, что также порождает регуляторный крен. Вместе с тем, такой регуляторный крен не нивелирует экономическую конкуренцию полностью, но лишь накладывает на нее ограничения в той или иной степени: экономические агенты могут, например, потерять контроль лишь над частью своих правомочий. Здесь в очередной раз напомним, что в качестве регуляторного крена мы рассматриваем ситуации, когда по тем или иным причинам наблюдается устойчивое отклонение монополии на насилие от коузинаского подхода к регулированию в сторону наложения избыточных регуляторных ограничений на экономическую конкуренцию. Под

---

⁷⁸ В указанном исследовании эмпирически подтверждено, что в странах со слабой защитой прав собственности со стороны судебной системы для защиты специфических инвестиций экономические агенты склонны реже менять контрагентов и чаще вступать в отношенческие контракты для решения проблем, связанных с возможным оппортунизмом со стороны контрагента.

коузианским подходом к регулированию, соответственно, понимается постоянное сравнение дискретных структурных альтернатив и оценка их регулирующего воздействия: то есть, обоснованный выбор между дискретными структурными альтернативами в политике государственного регулирования.

В отличие от защиты прав собственности, смещение в выборе механизмов управления транзакциями – более сложный с точки зрения эмпирической проверки канал влияния социального порядка на экономическую конкуренцию. Для него нет специально подготовленных баз данных. Поэтому ситуации, анализируемые в настоящем разделе, интерпретируем как эмпирические свидетельства в пользу нашей концепции, но не как эмпирическую проверку гипотез с определенной степенью надежности в общепринятом смысле этого выражения.

2.3.1 Ассоциации

Эти структуры, согласно новой институциональной экономической теории, представляют собой примеры гибридных институциональных соглашений [Menard, 2004; 2022]. Как уже говорилось ранее, гибриды создаются тогда, когда стороны отходят от координации только на основе ценового механизма и разрабатывают механизмы долгосрочного взаимодействия, не теряя при этом своей независимости (т. е. не образуя иерархию). В теории рассматриваются ситуации, когда гибриды образуются фирмами, например, для сокращения транзакционных издержек, связанных с использованием специфических активов. Однако гибриды, связанные с государством, могут использоваться для координации экономических агентов с целью учета их интересов при реализации государственной регуляторной политики. Это может происходить и в порядках открытого доступа, однако в этих порядках подобные инструменты взаимодействия государства и экономических агентов используются в условиях верховенства права и консолидированного контроля над применением насилия. В порядках ограниченного доступа такие отношения могут выглядеть несколько иначе и сравнительно чаще приобретать формат, при котором экономические агенты используют государственное регулирование для защиты своего положения на рынке.

В базе микроданных BEEPS, которые использовались в предыдущем разделе для модельных расчетов, содержатся результаты ответа на вопрос о целях, преследуемых фирмами в рамках участия в наиболее важной для них бизнес-ассоциации⁷⁹. Оценки давались по 4-балльной шкале четырем возможным целям: 1) получение актуальной информации и контактов на международном уровне; 2) аккредитация стандартов качества продукции; 3) получение информации о новых регуляторных инициативах государства; 4) влияние на процесс государственного регулирования или «лоббирование интересов». (Рис. 9)

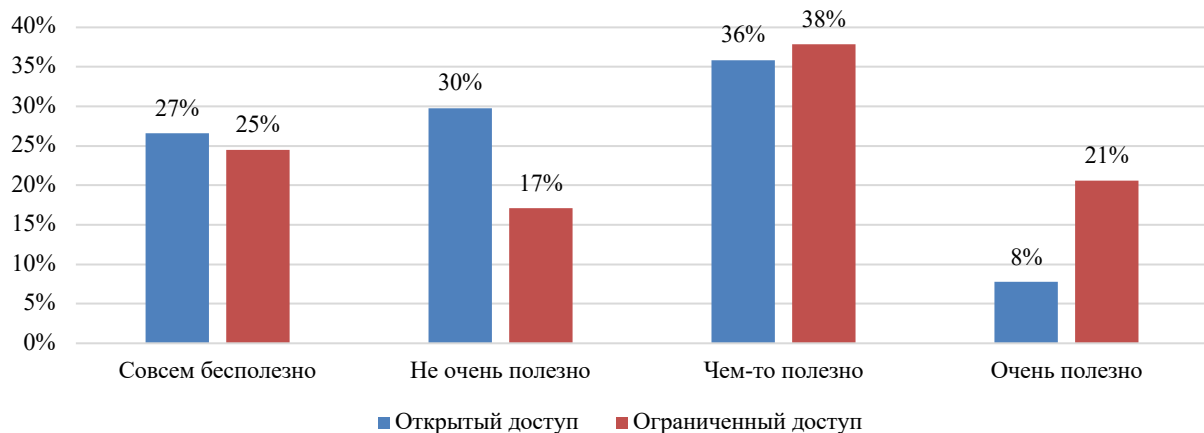

Рис. 9 – Ответы респондентов на вопрос о том, как они оценивают полезность бизнес-ассоциаций с точки зрения лоббирования собственных интересов при принятии регуляторных решений (в социальных порядках открытого и ограниченного доступа соответственно) – только для участвующих в таких гибридных институциональных соглашениях

Источник: составлено автором на основе данных EBRP

Обратим внимание на то, как различаются ответы в условиях разных социальных порядков. Значительно меньшая доля респондентов в социальных порядках открытого доступа считает использование бизнес-ассоциаций для лоббирования собственных интересов «очень полезной» (8% против 21% в социальных порядках ограниченного доступа). При этом доля респондентов в социальных порядках открытого доступа, которые считают подобную практику

⁷⁹ Параметр BMB.8 в BEEPS.

«не очень полезной»), значительно выше, чем доля таких респондентов в социальных порядках ограниченного доступа (30% на фоне 17% соответственно). Доли тех, кто считает использование ассоциаций для лоббирования интересов при продвижении регуляторных инициатив «совсем бесполезным» или не уверен в полезности такой практики, различаются несущественно. Сравнение по остальным 3 критериям не дает каких-либо наблюдаемых результатов (Приложение 2).

Еще раз обратим внимание на то, что в рассматриваемом вопросе речь идет об использовании экономическими агентами своего членства в гибридном институциональном соглашении для лоббирования своих частных интересов при принятии регуляторных инициатив. Выходит, что в социальных порядках ограниченного доступа сравнительно большее число респондентов считают такую практику «очень полезной» (т.е. приводящей к полезному для них результату). Опять же, такую цель экономические агенты преследуют и в порядках открытого доступа, однако в порядках ограниченного доступа мы видим, что это происходит чаще.

2.3.2 Механизмы управления транзакциями в электроэнергетике

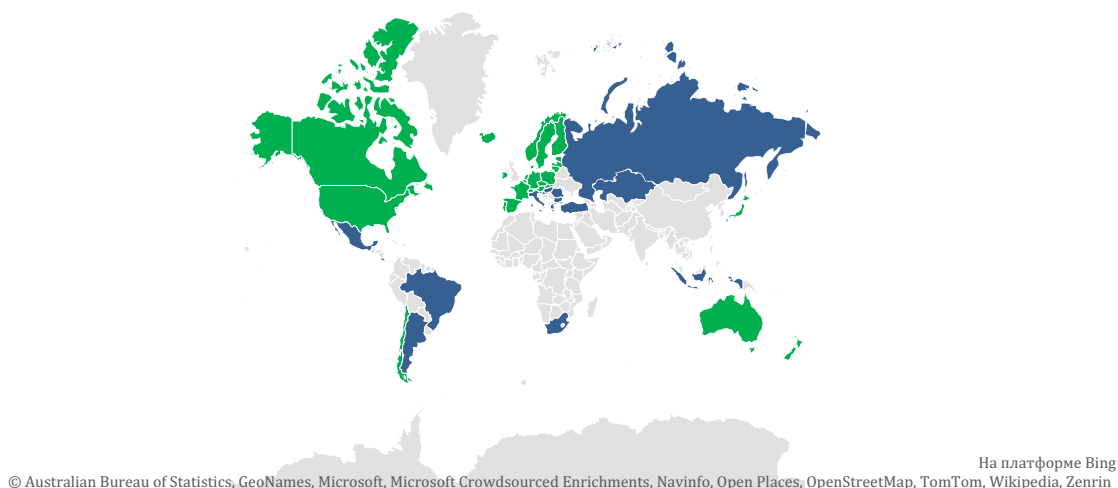
Влияние характеристик социального порядка на выбор механизмов управления транзакциями также может быть продемонстрировано на примере электроэнергетической отрасли.

В рамках исследования [Коломиец, Федоров, 2023] на основе данных OECD Sector Product Market Regulation Indicators⁸⁰ была проведена кластеризация стран (Рис. 10) по дискретным структурным альтернативам регулирования электроэнергетической отрасли⁸¹. В результате кластеризации были выявлены 4 кластера по регулированию входа на рынок и по 5 кластеров по критериям, касавшимся: государственной собственности, вертикальной интеграции компаний и регулированию розничных цен.

---

⁸⁰ OECD Sector Product Market Regulation Indicators / OECD. URL: <https://www.oecd.org/economy/reform/indicators-of-product-market-regulation/> (дата обращения: 31.07.2023)

⁸¹ Кластеризация и анализ экономической динамики в отраслях проводились Коломиец А.Р. Автор настоящей диссертации проводил анализ связи социальных порядков с выявленными дискретными альтернативами.

*Карта сформирована автоматически в программе MS Excel на базе платформы Bing. Не учитываются изменения границ после 2014 г. Национальные границы приведены в соответствии с тем, как их рассматривает источник данных - ЕБРР.

Рис. 10 – Страны в выборке PMR ОЭСР по социальным порядкам
 Источник: составлено автором на основе [Андреева и др., 2017]

Указанные выше параметры напрямую относятся к выбору механизмов управления транзакциями в электроэнергетической отрасли и при этом являются исключительно результатом выбора регулятора, а не добровольного выбора механизма управления транзакциями экономическими агентами. Например: государство может устанавливать единую монополию на производство, передачу и распределение электроэнергии (иерархия), создавать конкурентный рынок электроэнергии с независимыми энергокомпаниями (рынок) и(или) вводить на этом рынке компенсационные механизмы, официально призванные повысить надежность энергосистемы – процедуры конкурентного отбора мощности, обязательные долгосрочные соглашения игроков на рынке с участием системного оператора и т.д. (гибридные институциональные соглашения).

В исследовании [Коломиец, Федоров, 2023] мы классифицировали дискретные альтернативы регулирования отрасли методом иерархической кластеризации категориальных данных методом Уорда (Таблица 11). Мы наблюдаем, что каждой дискретной альтернативе регулирования в отрасли соответствует в том или ином формате механизм управления транзакциями по О.Уильямсону.

**Кластеризация дискретных институциональных альтернатив регулирования
электроэнергетической отрасли**

Группа параметров	Кластеры и их соответствие механизмам управления транзакциями по О.Уильямсону
Регулирование входа	Кластер 1. «Laissez-faire» Вход на рынок свободен, доступ к биржевой торговле и сетям открыт всем (<i>рынок</i>)
	Кластер 2 «Регуляционизм с ТРА ⁸² в передаче электроэнергии» Вход на рынок ограничен, доступ к биржевой торговле ограничен, к сетям - открыт (<i>иерархии в генерации и оптовой торговле, гибриды – в передаче электроэнергии</i>)
	Кластер 3 «Laissez-faire с ограничениями» Вход на рынок свободен, доступ к биржевой торговле и сетям ограничен для отдельных категорий лиц (<i>рынок с ограничениями</i>)
	Кластер 4 «Регуляционизм со свободным входом в генерацию» Вход на оптовый рынок свободен, доступ к биржевой торговле, сетям и рознице ограничен (<i>рынок в генерации, гибриды – в оптовой торговле и передаче электроэнергии</i>)
Государственная собственность	Кластер 1 «Слабое вмешательство» Есть государственный контроль над хотя бы одной фирмой в опте и рознице (<i>рынок</i>)
	Кластер 2 «Контрольный пакет» Государство контролирует большую часть активов во всех секторах отрасли (<i>рынок под существенным влиянием иерархий, контролируемых государством</i>)
	Кластер 3 «Laissez-faire» Государственное участие отсутствует (<i>рынок</i>)
	Кластер 4 «Контроль над генерацией, laissez-faire в рознице» Государство контролирует генерацию, но не контролирует другие сектора (<i>иерархия в генерации, в остальных секторах – рынок</i>)
	Кластер 5 «Регуляционизм» Государство контролирует всю отрасль (<i>иерархия</i>)
Вертикальная интеграция	Кластер 1 «Laissez-faire, разные собственники» Юридически и финансово независимые компании действуют в генерации, передаче и сбыте электроэнергии (<i>рынки</i>)
	Кластер 2 «Только юридическое разделение» Юридически независимые компании действуют в генерации, передаче и сбыте электроэнергии, но связаны через регулирование различными финансовыми компенсационными механизмами (<i>гибриды</i>)
	Кластер 3 «Юридическое разделение от передачи и финансовое – от распределения» Юридически независимые компании действуют в генерации и передаче, но связаны через регулирование различными финансовыми компенсационными механизмами, сбытовые компании могут принадлежать генерирующим компаниям (<i>иерархии и гибриды</i>)
	Кластер 4 «Регуляционизм» Отрасль полностью контролируется вертикально интегрированными компаниями (<i>иерархия</i>)
	Кластер 5 «Финансовое разделение» Финансово независимые компании действуют в генерации, передаче и сбыте электроэнергии, но связаны юридически через структуру собственности (<i>иерархии и гибриды</i>)
Регулирование розничных цен	Кластер 1 «Laissez-faire» Цены в рознице не контролируются государством и вертикально-интегрированными компаниями (<i>рынок</i>)
	Кластер 2 «Регуляционизм» Цены устанавливаются государством централизованно (<i>иерархии, гибриды или рынок с ограничениями</i>)
	Кластер 3 «Регуляционизм с оглядкой на эффективность» Цены регулируются государством, государство ориентируется при установлении цен на компании, находящиеся на фронтире по эффективности (<i>рынок с ограничениями</i>)
	Кластер 4 «Laissez-faire с регуляцией для крупных игроков» Цены в рознице не контролируются государством и вертикально-интегрированными компаниями, но только для относительно небольших компаний. Для крупных компаний – регулирование цен с оглядкой на фирмы, находящиеся на фронтире по эффективности (<i>рынок с ограничениями</i>)
	Кластер 5 «Регуляционизм для крупных игроков без учета эффективности» Цены в рознице не контролируются государством и вертикально-интегрированными компаниями, но только для относительно небольших компаний (<i>рынок с ограничениями</i>)

Источник: составлено автором на основе результатов кластеризации в [Коломиец, Федоров, 2023], кластеризация проведена Коломиец А.Р.

⁸² Third Party Access – доступ третьей стороны к инфраструктуре естественного монополиста. В данном случае имеется в виду открытый доступ энергокомпаний к сетевой инфраструктуре.

При сопоставлении отобранных кластеров стран с результатами эмпирического исследования [Андреева и др., 2017] нами была выявлена тенденция. Из 14 стран, которые хотя бы по одному критерию, кроме участия государства в правах собственности, вошли в кластер склонных к регуляционизму (т.е. дискретным альтернативам, предполагающим механизмы управления транзакциями с большим уровнем административного контроля со стороны государства), только 5 удовлетворяют базовым пороговым условиям порядков открытого доступа. Напротив, из 24 стран, которые хотя бы раз попадали в кластер «Laissez-faire» (т.е. дискретным альтернативам, предполагающим механизмы управления транзакциями с меньшим уровнем административного контроля со стороны государства) по всем критериям, кроме регулирования входа, 22 страны удовлетворяют базовым пороговым условиям порядков открытого доступа.

Более того, в ходе анализа не удалось выявить каких-либо природно-климатических различий между странами или технологических различий между их энергосистемами, которые позволяли бы полностью объяснить разницу в механизмах отраслевой координации между странами (с позиции регулятора). По траекториям предшествующего развития, как уже было отмечено, страны в обеих группах были также разнородны. Отметим еще раз и то обстоятельство, что рассмотренные механизмы управления транзакциями заданы регуляторными ограничениями, а не являются результатом добровольного выбора экономических агентов.

2.3.3 Регулирование розничных цен на моторное топливо⁸³

Особенностью рынков энергоносителей (в том числе – нефти и нефтепродуктов) является низкая эластичность как спроса, так и предложения [Regnier, 2007; Григорьев, Курдин, 2013]. По причине низкой эластичности любое шоковое изменение со стороны как спроса, так и предложения, может приводить к резким колебаниям цен. Данное обстоятельство воспринимается разными правительствами по-разному. Например, в США, неоднократно переживавших

---

⁸³ Подраздел сформирован на основе авторской публикации [Федоров, 2024].

топливные кризисы (например, широко известный кризис 1973 г.), сохраняется свободное рыночное ценообразование в розничном сегменте топливного рынка. В то же время во многих других странах, в том числе – нефтедобывающих, установлено государственное регулирование цен на топливо. В России же действует гибридный механизм – в розничном сегменте действует рыночное ценообразование, однако темпы роста цен удерживаются на уровне ниже инфляции специальным «демпферным механизмом» в оптовом сегменте и гибридными соглашениями с вертикально-интегрированными компаниями, имеющими собственную сеть автозаправочных станций в розничном сегменте. Эти различия, как мы покажем далее, тесно связаны с тем, какой в стране существует социальный порядок.

Механизмы формирования розничных цен на топливо в разных странах можно разделить на три вида:

- Установление государством фиксированной цены (регулятором и/или национальной топливной компанией-монополистом);
- Рыночное саморегулирование;
- Рыночное саморегулирование с регуляторными ограничениями (ценовой потолок, «демпфирующие» и т. п. механизмы при сохранении рынка).⁸⁴

Перечисленные виды механизмов ценообразования в розничном сегменте топливного рынка сопоставим с классификацией механизмов управления транзакциями по О. Уильямсону [Williamson, 1985; 1996; 2010] (Таблица 12). В первом случае перед нами иерархический механизм, в рамках которого решение о ценах и объемах поставок принимается из единого центра: решение принимается государственными чиновниками или менеджерами национальной топливной компании⁸⁵.

---

⁸⁴ В гибридных механизмах остается свобода рыночного ценообразования, но она ограничена рамками, которые задаются регулятором (в нашем случае – государством).

⁸⁵ Случай национальной топливной компании-монополиста в розничном сегменте (вне зависимости от того, является ли она вертикально-интегрированной компанией или нет) мы рассматриваем как иерархию, а не рынок. Отношения внутри фирмы носят иерархический характер [Coase, 1937], а в случае установленной государством монополии альтернативные механизмы принятия решений, соответственно, не представлены.

Связь механизмов ценообразования в розничном сегменте топливного рынка с механизмами управления транзакциями

Механизмы ценообразования на розничных рынках топлива	Соответствует механизму управления транзакциями (по О. Уильямсону)	Механизм принятия решений
Фиксированная цена	Иерархия	Государство в лице ответственных лиц или менеджеры национальной топливной компании-монополиста
Ценовой потолок, демпферные механизмы	Рынок / Гибрид	Государство задает рамочные условия, внутри которых решение применяется игроками на рынке
Рыночное ценообразование	Рынок / Гибрид	Игроки на рынке на конкурентных условиях

Источник: составлено автором

В случае свободного ценообразования, соответственно, установлен рыночный механизм управления транзакциями и(или) гибридный механизм, при котором владельцы заправочных станций вступают в долгосрочные отношения с продавцами топлива в оптовом сегменте. В случае же ценового потолка и/или «демпфирующих механизмов»⁸⁶ часть правомочий [Alchian, 1965; Demsetz, 1967] остается в руках частных игроков, и эти правомочия передаются через транзакции в рамках рыночного механизма или гибридных институциональных соглашений, однако эти правомочия становятся ограниченными. Последняя ситуация соответствует гибриднему механизму управления транзакциями [Menard, 2004; 2022]. Также важно отметить, что в случае выбора таких механизмов возникают ситуации, при которых правительство вступает в соглашения с топливными компаниями, создавая с ними гибридное институциональное соглашения для повышения предсказуемости в будущей динамике цен⁸⁷. Такие соглашения отличаются от обычных гибридных соглашений между экономическими агентами, потому что в руках одной из сторон оказывается монополия на насилие (в порядке ограниченного доступа применяемая при несоблюдении принципа верховенства права и(или) консолидированного контроля).

⁸⁶ Ситуация российского топливного «демпфера» далее будет рассмотрена подробнее.

⁸⁷ Алекперов заявил о возможном продлении соглашения с топливными компаниями / РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/06/06/2019/5cf8e74d9a794733ed511bc0> (дата обращения: 01.03.2024)

При этом хотелось бы снова обратить внимание на разницу механизмов управления трансакциями с точки зрения их пригодности для адаптации поведения индивидов к условиям неопределенности [Williamson, 1991]:

Адаптируемость типа А. Это активная адаптация к неопределенности, предполагающая поиск новых ответов на меняющиеся обстоятельства: такая адаптация в условиях неопределенности наиболее характерна для рыночного механизма [Knight, 1921; Kirzner, 1973]. Рыночная цена реализует свою информационную функцию и сигнализирует об изменившихся условиях – на основе этого сигнала индивиды принимают решения, чтобы максимизировать свою полезность или прибыль в новых условиях.

Адаптируемость типа С. Этот способ адаптации предполагает перераспределение выгод и издержек от шоков между взаимозависимыми экономическими агентами ради сохранения существующих связей между ними [Williamson, 1991] и не характерен для рынка⁸⁸. Такую адаптируемость мы можем наблюдать на примере работы демпферного механизма⁸⁹ в России. Принцип работы демпферного механизма заключается в том, что поставщики топлива получают компенсацию из государственного бюджета за поставки топлива на внутрироссийский рынок в период высоких мировых цен на нефть (возвратный акциз), и выплачивают в бюджет дополнительные средства по акцизу в обратной ситуации⁹⁰. Так как демпферный механизм призван сглаживать колебания цен, потребители не меняют спрос на топливо со своей стороны. В итоге проблема адаптации приобретает иной характер, нежели в ситуации свободного рынка: здесь адаптация заключается в перераспределении издержек между заинтересованными сторонами. Если потребление топлива не сокращается, а цена выросла, то в любом случае кто-то должен за это платить. В этой связи происходит постоянная донастройка⁹¹ демпферного механизма, призванная перераспределять издержки

---

⁸⁸ Имеются в виду отношения между игроками на рынке. Внутри фирмы такой тип адаптации возможен.

⁸⁹ п. 27 ст. 200 Налогового кодекса Российской Федерации Ч.2, утв. №117-ФЗ от 5.08.2000

⁹⁰ К слову, правительства далеко не всех нефтедобывающих стран пытаются оградить внутренний рынок топлива от влияния мировой конъюнктуры [Kpodar, Imam, 2020].

⁹¹ Газпром считает необходимой донастройку демпфера в 2022 году. ТАСС. 17 дек 2021. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/13225219> (дата обращения: 28.11.2023) ; Минфин РФ предлагает продолжить донастройку налогообложения нефтяной отрасли, в т.ч. очередную корректировку топливного демпфера. Neftegas. 5 мая 2023.

между заинтересованными сторонами: вертикально интегрированными топливными компаниями, независимыми заправочными станциями⁹², конечными потребителями и правительством (постоянная корректировка регулирования, о которой мы говорили при обсуждении экономико-математической модели в разделе 2.1). Интересно, что в данном случае перераспределение происходит уже только отчасти на конкурентной основе: решение о перераспределении издержек принимается регулятором централизованно и выражается в изменении формулы «демпферного» механизма, прописанной в Налоговом кодексе Российской Федерации.

Выходит, если в ситуации рыночной адаптации никто из сторон не застрахован от необходимости менять свое поведение, реагируя на изменившиеся обстоятельства, то при *Адаптируемости типа С* происходит централизованное перераспределение бремени рисков и неопределенности между разными заинтересованными сторонами. Это перераспределение может быть важным для некоторых государств в контексте сохранения *статуса-кво* в социальном порядке.

Пользуясь классификацией стран на страны с порядками открытого и ограниченного доступа, разработанной в эмпирическом исследовании [Андреева и др., 2017]⁹³, а также данными проекта GlobalPetrolPrices^{94,95}, посмотрим, как же распределились страны с разными социальными порядками в контексте выбора различных механизмов регулирования розничного сегмента топливных рынков (Рис. 11).

Помимо использования социальных порядков и механизмов регулирования в качестве критериев классификации, мы разделили страны на крупнейшие

Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/778905-minfin-rf-predlagaet-prodolzhit-donastroyku-nalogooblozheniya-neftyanoy-otrasli-v-t-ch-ocherednuyu-k/> (дата обращения: 28.11.2023)

⁹² Независимый топливный союз предложил отменить демпфер для стабилизации топливного рынка. Neftegas. 10 июля 2020. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/petroleum-products/619954-nezavisimyy-toplivnyy-soyuz-predlozhit-otmenit-dempfer-dlya-stabilizatsii-toplivnogo-rynka/> (дата обращения: 28.11.2023)

⁹³ В работе [Андреева и др., 2017] классифицированы не все страны. Мы дополнили эту классификацию странами, близкими по политическим и институциональным индексам к тем, которые задействованы в кластеризации в работе [Андреева и др., 2017].

⁹⁴ GlobalPetrolPrices / Data. URL: <https://www.globalpetrolprices.com/data/> (дата обращения: 01.05.2023)

⁹⁵ Автор проекта – профессор Невен Валев из университета Джорджии (г. Атенс, США). Его команда собирает информацию о ценах на топливо, объемах его потребления и регулировании по всему миру на регулярной основе из открытых источников, данных статистических ведомств, компаний. Информацией пользуются ведущие мировые СМИ, исследователи, а также компании из отрасли для изучения рынка.

нефтедобывающие⁹⁶ и страны-импортеры нефти. Это разделение может влиять на выбор механизма регулирования на розничном рынке внутри страны: предполагаем, что относительно низкая доступность топлива для населения будет склонять правительство страны к регулированию.

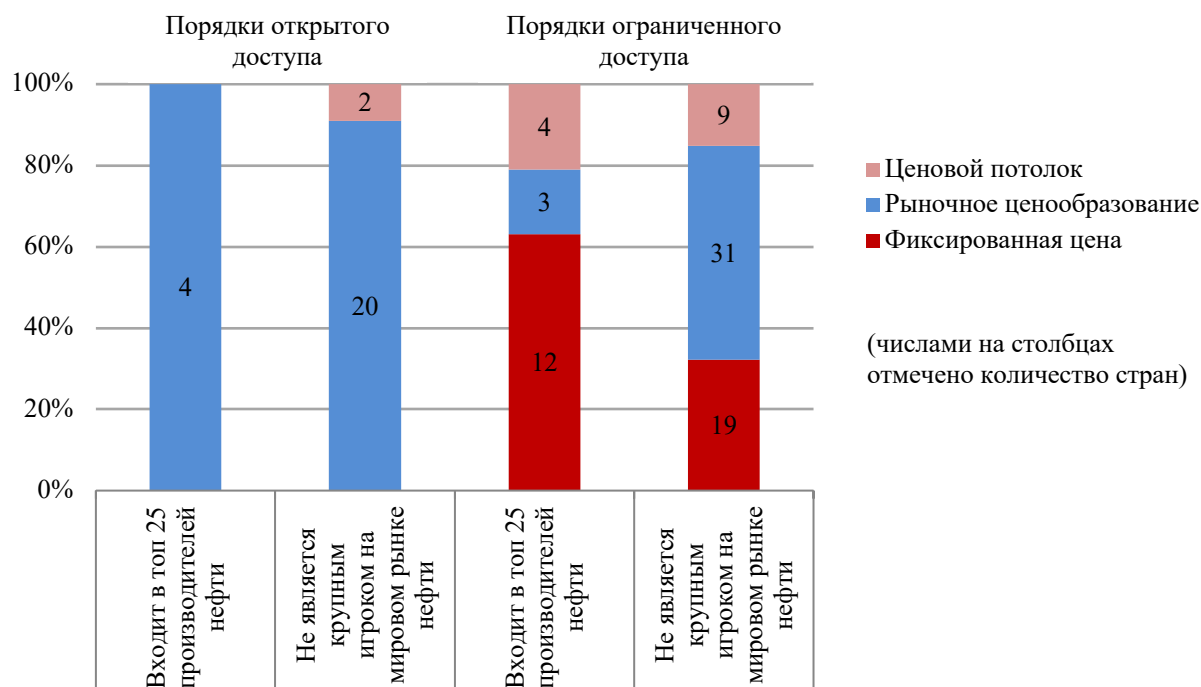

Рис. 11 – Регулирование розничных цен на топливо в нефтедобывающих странах и странах-импортерах нефти с различными социальными порядками

Источник: составлено автором по данным [Андреева и др., 2017], GlobalPetrolPrices

Итак, мы видим, что среди стран с порядками открытого доступа нет ни одной страны, где цены на топливо в розничном сегменте устанавливались бы государством. Только 2 страны из выборки¹ устанавливают ценовой потолок во избежание резких колебаний цен в случае шоков на нефтяном рынке. Абсолютно иным образом складывается картина в порядках ограниченного доступа, причем вне зависимости от статуса нефтедобывающей страны или страны-импортера нефти. Из стран-импортеров нефти здесь только 31 страна из 59 (53%) установила рыночное ценообразование в розничном сегменте.

⁹⁶ Входят в топ-25 производителей нефти в мире по информации BP Statistical Review of World energy 2022 / URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (дата обращения: 01.05.2023)

Еще интереснее ситуация складывается в нефтедобывающих странах с порядками ограниченного доступа. Несмотря на относительно высокие способности этих стран удовлетворять спрос на внутреннем рынке, подавляющее большинство правительств этих стран либо устанавливают фиксированные цены, либо ценовой потолок. Правительства только трех стран данной категории так не делают – правительства России, Индии и Бразилии. Однако, например, в России, где формально отсутствует регулирование розничных цен на топливо, фактически эти цены сдерживаются «демпферным» механизмом в оптовом сегменте.

Таким образом, мы видим тенденцию, согласно которой страны с порядками ограниченного доступа в сравнительно большей степени склонны устанавливать иерархические механизмы регулирования цен на моторное топливо в рознице, а в рамках гибридных и рыночных механизмов на транзакции чаще накладываются регуляторные ограничения. Причем эта тенденция в целом не зависит от статуса нефтедобывающей страны или страны-импортера нефти.

Вместе с тем остается вопрос: действительно ли регулирование розничных цен приводит к нивелированию рисков и неопределенности для заинтересованных сторон, например – потребителей моторного топлива? (Рис. 12).

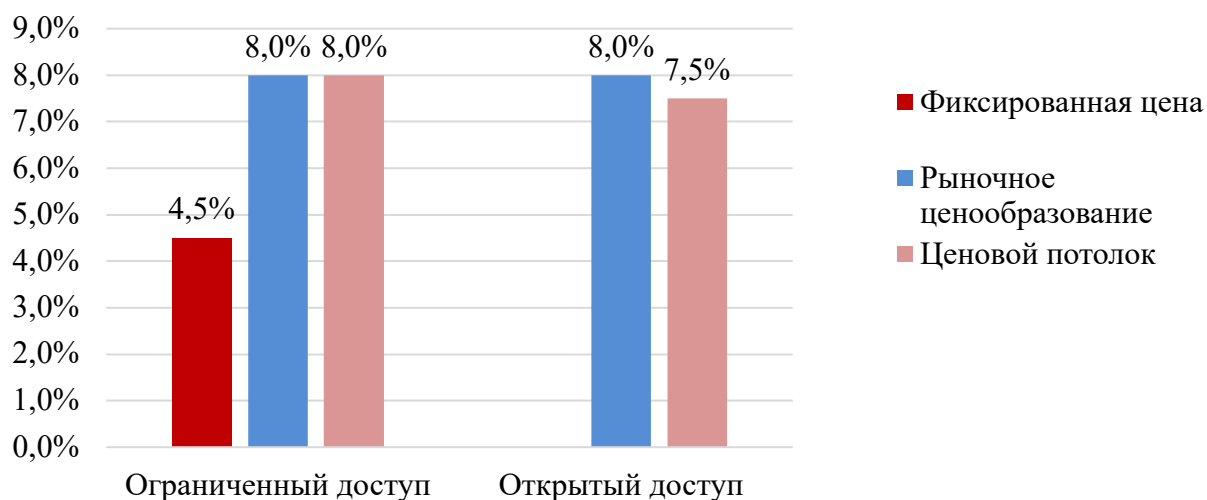

Рис.

12 – Средний коэффициент вариации средненедельных розничных цен на топливо за последние 52 недели по состоянию на 1 мая 2023 г.

Источник: составлено автором по данным [Андреева и др., 2017], GlobalPetrolPrices

Если говорить про порядки ограниченного доступа, то в странах с фиксированными ценами вариация цен действительно гораздо ниже, чем в других, хотя на деле могло быть иначе, поскольку фиксированные цены можно регулярно пересматривать. Вместе с тем розничные цены в странах с рыночной саморегуляцией и ценовым потолком практически не различаются. По всей видимости, ценовой потолок работает только в экстраординарных (шоковых) ситуациях и не оказывает существенного влияния на обычные средненедельные колебания рыночной конъюнктуры. Аналогичная ситуация складывается и в порядках открытого доступа – за небольшим исключением: в странах, применяющих ценовой потолок, цены изменяются немного меньше, но вряд ли это различие можно считать статистически значимым.

Чуть ранее мы высказали точку зрения, согласно которой влияние социального порядка на выбор механизма установления цен в розничном сегменте рынка моторного топлива преломляется через призму доступности топлива для населения. Если топливо является относительно более доступным (в силу высоких доходов населения и/или низкой цены топлива), склонность правительства к регулированию цен снижается. Ниже мы приводим данные по доступности топлива для населения в разрезе стран с разными социальными порядками (Рис. 13).

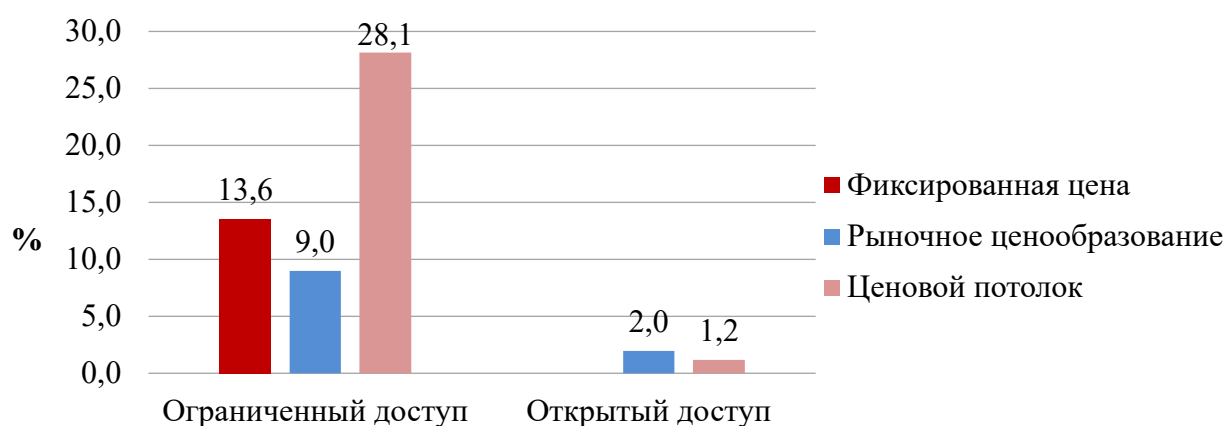

Рис. 13 – Средний процент месячного располагаемого дохода домохозяйства, необходимый для заполнения одного 40-литрового бака наиболее популярным в стране бензином

Источник: составлено автором по данным [Андреева и др., 2017], GlobalPetrolPrices

Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что в порядках ограниченного доступа в целом доступность топлива для населения ниже, чем в порядках открытого доступа. Данная ситуация сложилась, несмотря на то что среди стран с порядками ограниченного доступа сравнительно больше нефтедобывающих стран. Более того, в порядках ограниченного доступа отказ от регулирования розничных цен связан с ростом доступности топлива для населения. Так, за последнее десятилетие начался процесс дерегулирования розничных цен на топливо в ОАЭ и Саудовской Аравии⁹⁷: для заполнения 40-литрового топливного бака бензином в этих странах в настоящее время понадобится менее 1,5% среднемесячного дохода, что значительно снижает социальные риски колебаний цен на топливном рынке внутри страны. В порядках открытого доступа никакая видимая связь между доступностью топлива для населения и установлением того или иного механизма ценообразования на топливном рынке не наблюдается.

Теперь подкрепим наши предположения документально и попытаемся определить мотивацию регуляторов в разных странах вводить ценовое регулирование, зафиксированную ими в нормативно-правовых актах или декларируемую официальными лицами в СМИ. Начнем с основной группы нашего интереса – нефтедобывающих стран с порядками ограниченного доступа.

Нигерия. Нигерия занимает 14 место в мире по объемам добычи нефти⁹⁸. При этом розничные цены на топливо в стране устанавливаются специальным Агентством по регулированию цен на нефтепродукты. Учредительный договор этого государственного органа среди основных функций наделяет агентство полномочиями по «установлению прочных связей с ключевыми сегментами нигерийского общества и обеспечению максимально широкого понимания и поддержки решений»⁹⁹. Также среди функций агентства значится «обеспечение разумных доходов» собственникам, но нет ни слова про эффективность и

---

⁹⁷ Формально цены в этих странах еще устанавливаются государством, но уже с привязкой к общемировым бенчмаркам. Вместе с тем реализуются меры по дальнейшему переходу к либерализации топливной розницы.

⁹⁸ Здесь и далее данные о добыче мы приводим согласно BP Statistical Review of World Energy 2022.

⁹⁹ Petroleum Products Pricing Regulatory Agency (Establishment) Bill, 2003. URL: <https://www.orandconsultants.com/downloads/Petroleum%20Products%20Pricing%20Regulatory%20Agency%20Act.pdf> (дата обращения: 28.11.2023)

конкурентность ценообразования. Публикация в национальной нигерийской газете «*This Day*», призванная прояснить роль агентства в национальной экономике, главным образом посвящена социальным проблемам: снижению цен на топливо для населения, снижению волатильности цен и повышению доступности топлива для нигерийцев¹⁰⁰. Удивительно ли это для страны, являющейся одним из крупнейших игроков на мировом рынке нефти? Цена на топливо для правительства Нигерии принимает социально-политический, а не экономический характер. Дело в том, что на территории страны, которая десятилетия провела в гражданской войне, действует множество вооруженных группировок. Это исламская террористическая организация «Боко Харам», которая в 2010-х гг. разделилась на 4 отдельные группировки; «Движение за освобождение дельты реки Нигер»; и пираты, действующие в прибрежных водах. Большинство из этих группировок нападает на инфраструктуру нефтяной отрасли и рекрутирует своих сторонников из местного населения, живущего в бедности (133 млн чел. или 63% населения живут за чертой бедности¹⁰¹). Удержание низких и стабильных цен на топливо становится для правительства задачей, от решения которой во многом зависит политическая стабильность в стране.

Венесуэла. Страна занимает первое место в мире по разведанным запасам нефти и 25-е по объемам ее добычи. О значении стабильно низких цен на топливо для социалистического правительства страны высказался министр энергетики Рафаэль Рамирес в 2006 г.: «PDVSA (национальная нефтяная компания) – это красный цвет [цвет, отождествляемый с политической партией Чавеса], красный сверху донизу». Национальный монополист на топливном рынке, PDVSA, с приходом к власти Уго Чавеса был национализирован, а доходы компании стали напрямую направляться на финансирование «социалистической революции» в стране. При этом были установлены самые низкие цены на топливо в мире, остающиеся на этих рекордно низких отметках до сих пор. Все это происходит на

---

¹⁰⁰ Understanding PPPRA's Role in New Petrol Price Regime / *This Day*. 7 July 2020. <https://www.thisdaylive.com/index.php/2020/07/07/understanding-pppras-role-in-new-petrol-price-regime/> (дата обращения: 28.11.2023)

¹⁰¹ Poverty Map / National Bureau of Statistics. URL: <https://www.nigeriapovertymap.com> (дата обращения: 28.11.2023)

фоне деградации нефтеперерабатывающей промышленности страны, ухода иностранных нефтяных компаний и разрушающейся нефтяной инфраструктуры Венесуэлы, что стало причиной экологической катастрофы в стране¹⁰². Более того, топливо не становится доступным для населения: регулярно возникает дефицит топлива, и автолюбители стоят в больших очередях на заправочных станциях¹⁰³. Таким образом, несмотря на очевидную экономическую неэффективность такого механизма для Венесуэлы, правительство продолжает устанавливать фиксированную цену для обеспечения своей политической поддержки у социалистически настроенных групп и сохранения *статуса-кво* в социальном порядке.

Индонезия. Страна занимает 22 место в мире по добыче нефти. Вместе с тем, розничные цены на топливо правительство Индонезии также регулирует. Согласно правительственному Акту от 23 ноября 2001 г.¹⁰⁴, основной целью государственного регулирования сектора является «обеспечение общественного благосостояния». Дело в том, что по доступности топлива для населения, из-за низкого уровня доходов последнего, Индонезия занимает одно из последних мест в мире. При этом наиболее развитым транспортом в стране является автотранспорт, который также является основным источником доходов для большой группы населения, использующей авторикши, скутеры и мопеды в коммерческих целях. Более того, многим жизненно необходим автомобильный общественный транспорт (микроавтобусы), обеспечивающий сообщение отдаленных провинций страны с торговыми и промышленными центрами. В связи с этим любое колебание цен вызывает резкое общественное недовольство и угрожает политической стабильности в стране. Так, летом 2022 г., когда правительство приняло решение

---

¹⁰² New report pieces together toll of environmental damage in Venezuela in 2021 / MongaBay. 20 Apr 2022. URL: <https://news.mongabay.com/2022/04/new-report-pieces-together-toll-of-environmental-damage-in-venezuela-in-2021/> (дата обращения: 28.11.2023)

¹⁰³ Gasoline queues return in Venezuela as refineries fail to produce / Reuters. 9 Dec 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/gasoline-queues-return-venezuela-refineries-fail-produce-2022-12-09/> (дата обращения: 28.11.2023)

¹⁰⁴ Act Of The Republic Of Indonesia Number : 22 Of 2001 ; Dated : November 23, 2001. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/Act%20on%20Oil%20and%20Natural%20Gas.pdf> (дата обращения: 20.11.2023)

повысить регулируемые цены примерно на 30%, прошли массовые акции протеста в крупнейших 20 городах страны¹⁰⁵.

Казахстан. Страна является одной из крупнейших по добыче нефти в мире и занимает 13 место в мире по этому показателю. Согласно Закону Республики Казахстан от 20 июля 2011 года № 463-IV, целью государственного регулирования цен на нефтепродукты в стране является «обеспечение экономической безопасности и удовлетворение спроса населения». К чему может приводить резкое колебание цен на топливо при относительно невысоких доходах населения с точки зрения экономической и национальной безопасности страны, продемонстрировали события января 2022 г. Тогда к рыночной саморегуляции переходил сектор сжиженных углеводородов, которые являются самым распространенным видом моторного топлива на западе Казахстана. Итог попытки перехода к рыночному механизму – протесты в г. Жанаозен, которые затем перекинулись на другие города страны и приобрели политический характер. Для прекращения протестов в страну был введен контингент ОДКБ. В дальнейшем развитии кризиса, скорее всего, драйверами выступали не только цены на моторное топливо, однако они стали первоначальным катализатором процесса.

Ливия. Один из крупнейших игроков на мировом рынке нефти (16 место). Цены на моторное топливо в рознице также устанавливаются государством¹⁰⁶. В Ливии с 2014 по 2020 гг. шла гражданская война, в результате которой, по итогам Женевских соглашений, было сформировано коалиционное правительство из конфликтующих группировок. До этого в стране был свергнут режим Муаммара Каддафи, стабильно управлявшего страной с 1979 г. Его политика была основана на обеспечении социальной стабильности путем создания «Джомахирии» – государства, в котором интересы всех членов и групп внутри ливийского общества находятся в равновесии. В Ливии, где уровень бедности, по данным Института Востоковедения РАН, составляет 40%, новому правительству необходимо

---

¹⁰⁵ СМИ: в Индонезии тысячи людей вышли на протест против роста цен на топливо / РИА Новости. 6 сен 2022. Режим доступа: <https://ria.ru/20220906/protest-1814882270.html> (дата обращения: 01.11.2023)

¹⁰⁶ Logistics Cluster / Lybia. URL: <https://dlca.logcluster.org/31-libya-fuel> (дата обращения: 01.11.2023)

сохранять низкие цены на данный товар первой необходимости для всех сторон, чтобы не нарушить хрупкий мир между элитами, допустив свободную конкуренцию.

Азербайджан. В Азербайджане, также являющемся крупным производителем нефти, регулирование цен считается антиинфляционной мерой¹⁰⁷. Насколько общий уровень цен на товары и услуги в стране зависит от цен на моторное топливо, трудно сказать, учитывая, что цены на топливо здесь одни из самых низких в мире. Однако правительство использует регулирование в качестве социальной меры, которая, вероятно, нацелена на поддержку наименее обеспеченных слоев населения.

Иран, Ангола, Алжир, Кувейт, Катар. Каждая из этих стран входит в топ 25 производителей нефти в мире и во всех из них розничные цены на моторное топливо также устанавливаются государством.

*Саудовская Аравия, ОАЭ.*¹⁰⁸ Примечательно, что в Саудовской Аравии и ОАЭ несмотря на то, что они являются странами с порядками ограниченного доступа и одновременно крупными игроками на мировом рынке нефти, розничные цены в последнее десятилетие начинают дерегулироваться. Это объясняется тем, что регулирование цен на топливо на фоне стремительно выросших в этих странах доходов населения теряет свою социально-политическую актуальность. Топливо становится доступным для большей части населения этих стран, а колебания рыночной конъюнктуры на данном рынке перестают являться риском для благополучия местного населения.

Несмотря на то, что среди стран-импортеров нефти с порядками ограниченного доступа в целом сравнительно чаще встречаются те страны, в которых цены на топливо в рознице устанавливаются в рамках рыночного механизма, все же есть многие примеры стран с альтернативной ситуацией.

---

¹⁰⁷ Постановление Кабинета министров Азербайджанской Республики об утверждении «Перечня товаров (работ, услуг), цены (тарифы) на которые регулируются государством» от 28 сентября 2005 г.

¹⁰⁸ KAPSARC / Gasoline Price Reform in Saudi Arabia. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewjph9Ofhtr-AhVGiIsKHZV3DYMqFnoECDsQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.kapsarc.org%2Ffile-download.php%3F%3D31825&usq=AOvVaw2zEoCjhbQnZONPWBFqkYoC> (дата обращения: 28.11.2023)

Белоруссия. Согласно Закону «О ценообразовании» от 10 мая 1999 г. №255-З, государство регулирует цены естественных монополий, а также цены на «отдельные товары, перечень которых устанавливается президентом или по его поручению»¹⁰⁹. К таким товарам в стране относится и моторное топливо. При этом правительству страны приходится ограничивать вывоз топлива за рубеж, чтобы не допустить дефицит топлива¹¹⁰. В законе не содержится никакой мотивации государственного регулирования розничных цен на моторное топливо. То есть, основным источником установления цен является президент, который может устанавливать цены напрямую, исходя из своих политических целей (в рамках своих полномочий).

Индия. Эта страна, также являясь порядком ограниченного доступа, развивает розничный рынок моторного топлива. В Индии довольно низкие доходы населения, что повышает вероятность установления регуляторных механизмов. Однако, как мы уже заметили, в ряде стран, где установлено регулирование розничных цен на топливо, происходят перебои с поставками этого товара. Для страны с населением 1,4 млрд чел. и низким уровнем урбанизации, а также слабо развитой инфраструктурой транспорта и связи, обеспечить контроль за соблюдением фиксированных цен и централизованно обеспечить логистику поставок весьма трудно (если возможно). Таким образом, экономия трансакционных издержек [Coase, 1937] приводит к дерегуляции сегмента топливного рынка в стране, где все условия способствуют установлению регуляторных механизмов.

Норвегия и Великобритания. Эти страны с социальными порядками открытого доступа являются крупнейшими производителями нефти в Европе и входят в топ 25 стран мира по добыче сырой нефти. Вместе с тем, в странах отсутствуют какие-либо специальные механизмы, регулирующие розничные цены на моторное топливо.

---

¹⁰⁹ Примечательно, что в ст. 4 данного закона при перечислении субъектов ценообразования в республике на первом месте стоит президент, а предприниматели стоят только на 4 месте (после государственных органов и квази-государственных юридических лиц).

¹¹⁰ Белоруссия ограничивает продажу топлива на АЗС / Коммерсант. 22 марта 2011. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1606084> (дата обращения: 28.11.2023)

Бельгия, Словения, Люксембург. Эти три европейские страны уникальны в том смысле, что они являются единственными странами с порядками открытого доступа, в которых установлены регуляторные ограничения на ценообразование в розничном сегменте топливного рынка. Однако во всех трех случаях регуляторные ограничения минимальны и представляют собой ценовой потолок, который устанавливается для пресечения рисков резких ценовых колебаний. В Бельгии¹¹¹, впрочем, как и в остальных странах, такая политика сформировалась в 1970-х гг. как мера по борьбе с последствиями нефтяного кризиса 1973 г. Таким образом, в этих странах мера никак не затрагивает напрямую интересы конкретных политических групп (кроме потенциальной поддержки или отсутствия поддержки на выборах тех сил, которые пожелали бы отменить такую политику) и носит скорее экономический характер.

В Российской Федерации формально действует рыночное саморегулирование розничных цен на топливо. Однако на самом деле это не совсем так – с 2019 г. запущен «демпферный» механизм, который нацелен на снижение колебаний рыночной конъюнктуры¹¹². Что более важно в контексте обсуждения смещения в выборе механизмов управления транзакциями – помимо демпферного механизма в оптовом сегменте в рознице государство заключает с вертикально-интегрированными компаниями соглашения об ограничении роста цен темпом инфляции¹¹³. По этой причине механизм управления транзакциями в сегменте можно назвать гибридным [Menard, 1996]. Сущность механизма заключается в том, что поставщики топлива получают выплаты из бюджета («обратный акциз») за поставку топлива на внутренний рынок при высоких мировых ценах на топливо, и, наоборот, выплачивают в бюджет дополнительные средства, когда мировые цены на топливо становятся низкими, и реализация топлива на внутреннем рынке становится сравнительно более выгодной. Как результат, Россия занимает лидирующее место по стабильности розничных цен на топливо (крайне редко их

---

¹¹¹ Economie / Maximum prices for petroleum products. URL: <https://economie.fgov.be/en/themes/energy/energy-prices/maximum-prices-petroleum> (дата обращения: 28.11.2023)

¹¹² п. 27 ст. 200 Налогового кодекса Российской Федерации Ч.2, утв. №117-ФЗ от 5.08.2000

¹¹³ Пример: Все нефтяные компании подписали соглашение по стабилизации топливного рынка / Коммерсант. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3797891> (дата обращения: 01.03.2024)

темп роста превышает инфляцию ¹¹⁴) среди всех стран с рыночным ценообразованием в розничном сегменте топливного рынка.

Однако насколько такой механизм эффективен? Напомним, что цена есть носитель сигнальной функции и является тем, что позволяет потребителям и производителям адаптироваться под новые условия. Эту адаптацию мы ранее продемонстрировали на примере зависимости пробега автомобилей от цен на розничное топливо в США. Теперь посмотрим на российскую ситуацию (Рис. 14, 15).

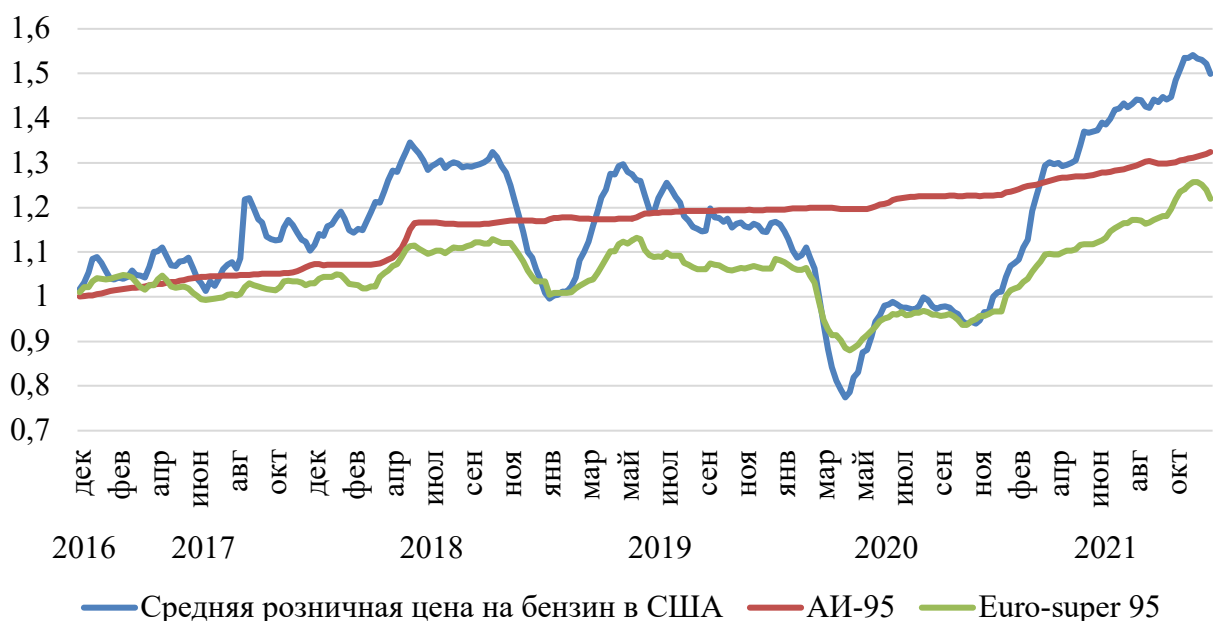

Рис. 14 – Базисные индексы розничных цен (в нац. валюте) на бензины в России, США и ЕС (к 5 декабря 2016 г.), %

Источник: Аналитический центр при Правительстве РФ

С сентября 2019 г. по январь 2021 г. «демпферный» механизм фактически работал на удержание цен выше рыночных. При этом в 2019 г. нефтяным компаниям из бюджета было выплачено по демпферному механизму 282,2 млрд руб. В 2020 году по демпферному механизму нефтяные компании выплатили в бюджет 356,6 млрд руб., в 2021 г. – получили из него 674,5 млрд руб., в 2022 г. – получили 2,16 трлн руб.¹¹⁵

¹¹⁴ Рост цен на бензин в 2021 году превысил уровень инфляции / Интерфакс. 12 янв 2022. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/815068> (дата обращения: 28.11.2023)

¹¹⁵ Выплаты нефтяникам из бюджета по топливному демпферу в 2022 г. выросли в три раза / Интерфакс. 11 янв 2023. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/880359> (дата обращения: 28.11.2023)

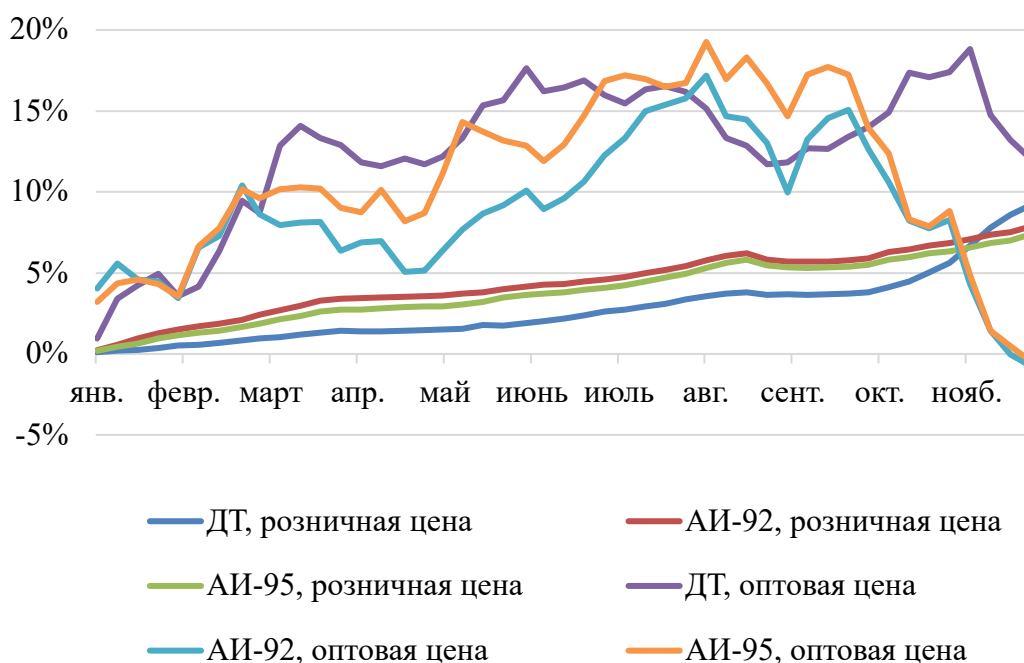

Рис. 15 – Базисные национальные индексы розничных и оптовых цен на нефтепродукты в России (к 11 января 2021 г.), %
 Источник: Аналитический центр при Правительстве РФ

С сентября 2019 г. по январь 2021 г. «демпферный» механизм фактически работал на удержание цен выше рыночных. При этом в 2019 г. нефтяным компаниям из бюджета было выплачено по демпферному механизму 282,2 млрд руб. В 2020 году по демпферному механизму нефтяные компании выплатили в бюджет 356,6 млрд руб., в 2021 г. – получили из него 674,5 млрд руб., в 2022 г. – получили 2,16 трлн руб.¹¹⁶

Более того, механизм многократно менялся за всего 4 года своего существования¹¹⁷. Чаще всего пересматривалась формула расчета разницы с бенчмарком мирового рынка.

Обратим внимание на то, что первая корректировка «демпферного» механизма произошла в 2021 г., когда выросла необходимость затрачивать бюджетные средства на снижение цен на внутреннем рынке.

¹¹⁶ Выплаты нефтяникам из бюджета по топливному демпферу в 2022 г. выросли в три раза / Интерфакс. 11 янв 2023. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/880359> (дата обращения: 28.11.2023)

¹¹⁷ Минфин РФ не пересматривал параметры бюджета в связи с введением потолка цен на российскую нефть / Neftegaz. 27 дек 2022. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/764479-a-siluanov-minfin-rf-ne-peresmatrival-parametry-byudzheta-v-svyazi-s-vvedeniem-potolka-tsen-na-rossii/> (дата обращения: 28.11.2023); В России заработала новая формула расчета цены бензина / РБК. 1 мая 2021. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/01/05/2021/608b611d9a7947935169e8f3> (дата обращения: 28.11.2023)

Корректировки продолжились в 2022 г., когда было предложено учитывать дисконт на нефть Urals в расчетной формуле, а фактические расходы бюджета на содержание «демпфера» выросли кратно. Таким образом, пока цены для населения удерживались на высоком уровне, а выплаты по «демпферному» механизму между государством и нефтяными компаниями были относительно невелики, такой *статус-кво* [Fernandez, Rodrik, 1991] оставался стабильным. Как только «демпферный» механизм стал работать на реальное сдерживание цен для населения, а бюджетные расходы на его работу значительно выросли, механизм начал пересматриваться.

Примечательно также, что в процессе корректировки демпферного механизма перераспределение рент происходило не в пользу сторон, которые обладали значительным весом в существующем социальном порядке. Например, существенно пострадали интересы операторов независимых автозаправочных станций (АЗС). Операторы независимых АЗС, в отличие от вертикально интегрированных компаний, не получают выплат по демпферу, но при этом вынуждены сдерживать цены вслед за своими конкурентами. В итоге происходит процесс активного сокращения сегмента независимых АЗС в связи с действием регуляторных механизмов¹¹⁸. Не обладая административным ресурсом, операторы независимых АЗС не могут повлиять на ситуацию.

Итак, на основе примеров из энергетических рынков, а также данных из баз ВЕЕPS и PMR OECD, мы продемонстрировали, что выбор механизмов управления транзакциями в отрасли действительно подвержен влиянию социального порядка. Добровольный выбор механизмов управления транзакциями, совершаемый экономическими агентами в процессе экономической конкуренции, может быть ограничен институтами экономического регулирования. В условиях несоблюдения принципа верховенства права и(или) отсутствия консолидированного контроля над применением насилия эти институты могут а) смещать выбор механизмов управления транзакциями в пользу тех, которые подразумевают больший

---

¹¹⁸ «Восемь месяцев в году убыточная экономика» / Gazeta.ru. 10 сен 2021. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2021/09/10/13972136.shtml> (дата обращения: 20.11.2023)

административный контроль со стороны государства; б) увеличивать неопределенность, связанную с защитой прав собственности, из-за чего экономические агенты могут чаще добровольно выбирать механизмы управления транзакциями, которые обеспечат защиту прав собственности от оппортунизма контрагентов лучше, чем в рамках рыночного механизма – такой канал влияния эмпирически подтвержден на примере постсоветских стран в исследовании [Johnson et al., 2002]; в) вводить монополию на насилие в качестве одной из сторон институционального соглашения, наделяя ее избыточным административным контролем. В нашем исследовании мы в основном фокусируемся на каналах (а) и (в), поскольку канал (б) уже эмпирически подтвержден другими исследователями: в настоящем разделе мы рассмотрели ситуации, когда смещение в выборе механизма управления транзакциями происходит при непосредственной связи с принятием конкретных регуляторных решений государством.

2.4 Искажение проконкурентных инструментов промышленной политики

Отдельного внимания заслуживают ситуации, при которых меры экономической политики, изначально нацеленные на развитие конкуренции, оказываются в странах с порядками ограниченного доступа антиконкурентными инструментами государственного регулирования.

В данном разделе мы обратим внимание на два ярких примера проявления такого феномена в активной конкурентной политике – политике, направленной на создание новых рынков и развитие конкуренции. Мы апеллируем при рассмотрении данной проблемы к анализу конкретных и наиболее репрезентативных кейсов по той причине, что такие ситуации довольно необычны и трудно поддаются квантификации для количественного анализа (если он в данном случае вообще возможен).

2.4.1 Промышленные кластеры

Первый пример из российской активной конкурентной политики представляет собой ситуацию неудачной трансплантации института [Полтерович,

2001] из стран с социальными порядками открытого доступа¹¹⁹. Речь идет о кластере промышленных предприятий как проконкурентном инструменте промышленной политики России с 2014 г.¹²⁰

Промышленный кластер представляет собой форму добровольного гибридного институционального соглашения между предприятиями [Шаститко, 2009]. Эти предприятия должны быть технологически близкими между собой и при этом участвовать в экономической конкуренции. Тогда они, с одной стороны, конкурируют, а с другой – могут сотрудничать в сфере передачи друг другу технологий и их совместной разработки (что требует заключения долгосрочных отношенческих контрактов ввиду специфичности активов). В этом заключается смысл кластера, вложенный в понятие автором концепции кластерного развития М. Портером [Porter, 1990; 1998]. В развитых странах кластеры, в т. ч. для целей экономической политики, идентифицируются аналитически, но не оформляются юридически в качестве организаций (т.к. организациями они не являются по определению). Также к ним не выставляются почти никаких поведенческих или структурных требований со стороны органов власти¹²¹. Политика по отношению к кластерам в развитых странах воспринимается органами власти как инструмент «новой промышленной политики», при которой поддержка со стороны государства заключается в стимулировании передачи положительных внешних эффектов между предприятиями (т. е. в содействии трансферу технологий) [Федоров, 2021]. Обычное субсидирование (наделение ресурсами) в формате классической промышленной политики в кластерах не используется.

Тем временем, согласно действующим требованиям для получения государственной поддержки¹²², в России кластер должен представлять собой организацию, действующую на основе соглашения. Эта организация должна иметь

---

¹¹⁹ Кейс основан на авторской публикации [Федоров, 2021].

¹²⁰ Федеральный закон от 21.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»

¹²¹ Пример такой идентификации в США: US Cluster mapping: Database [Эл. ресурс] // Clusters. – 2013–2020. – URL: <https://www.clustermapping.us/cluster> (дата обращения: 11.05.2023)

¹²² Требования к промышленным кластерам и специализированным организациям промышленных кластеров в целях применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности (утв. постановлением Правительства РФ от 31.07.2015 № 779).

сформулированную (общую для участников) цель создания и программу развития. Более того, должна быть также создана специализированная организация, выполняющая координирующую роль во взаимодействии участников кластера. Особенно интересны пункты «к» и «о» в критериях соответствия кластера объекту государственной поддержки¹²³:

- «к») ... специализированная организация кластера должна предоставить «справочные материалы <...> с описанием <...> функциональных связей, показанных на схеме функциональной зависимости участников промышленного кластера». То есть, чтобы получать государственную поддержку в рамках современной российской кластерной политики, участники кластера должны сохранять на протяжении определенного периода одни и те же функциональные связи между собой и фиксировать их на схеме.
- «о») ... специализированная организация кластера должна предоставить «письмо за подписью руководителя исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого создан промышленный кластер <...>, подтверждающее ... что развитие промышленного кластера на территории субъекта Российской Федерации осуществляется с учетом стратегии пространственного развития Российской Федерации, а также схем территориального планирования ...». То есть, для создания кластера необходимо одобрение губернатора и соответствие документам государственного стратегического планирования.

Де-факто перед нами территориально-производственный комплекс¹²⁴, существовавший в условиях плановой экономики в советскую эпоху, только помещенный в контекст рыночной экономики. Инструмент, предназначенный для развития экономической конкуренции, был доработан в социальном порядке

¹²³ Правила подтверждения соответствия промышленного кластера и специализированной организации промышленного кластера требованиям к промышленным кластерам и специализированным организациям промышленных кластеров в целях применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности (утв. постановлением Правительства РФ от 31.07.2015 № 779).

¹²⁴ Территориально-производственный комплекс (или сочетание) – это «взаимообусловленное (соподчиненное) сочетание производственных предприятий ... либо на ограниченной территории, либо на территории экономического района или подрайона» [Колосовский, 1969, с. 142]. Концепция ТПК разработана советским экономико-географом Н.Н. Колосовским в 1940-х гг.

ограниченного доступа: ограничено переключение с одних поставщиков на других, кластер вписан в документы стратегического планирования и акцептован губернатором. В результате кластер превратился в другое гибридное соглашение, где ведущая роль отведена государству, а экономическая конкуренция между участниками практически невозможна. При этом сохраняется конкуренция с экономическими агентами за пределами кластера. Опыт реализации кластерной политики в России в последнее десятилетие показал, что в итоге такой трансформации никакого реального экономического развития внутри промышленных кластеров за редким исключением не происходит, что связано с подрывом стимулов игроков участвовать в конкурентном процессе [Федоров, 2021].

2.4.2 Конкурентный отбор мощности в электроэнергетике

Оптовый рынок электроэнергии и мощности России (далее – ОРЭМ) является еще одним примером того, как проконкурентные меры экономической политики в порядке ограниченного доступа становятся инструментами регулирования. Рассматриваемый нами случай интересен еще и формой, в которой выражается обозначенная тенденция.

ОРЭМ в нынешнем своем виде существует с момента расформирования государственного монополиста РАО «ЕЭС России» в конце 2000-х гг. В соответствии с законодательством¹²⁵, ОРЭМ состоит из рынка мощности, рынка на сутки вперед (РСВ) и балансирующего рынка (БР). Рынок на сутки вперед и балансирующий рынок – это оптовые рынки электроэнергии, на которых энергия торгуется на основании заявок производителей и потребителей энергии с поставкой на следующий день или в рамках текущих суток соответственно. Рынок функционирует на основе ранжирования заявок по ценам с последующим автоматическим поиском равновесной цены с помощью автоматизированных алгоритмов на множестве узловых точек единой энергосистемы.

---

¹²⁵ Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 №35-ФЗ; Правила оптового рынка электроэнергии и мощности, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2010 г. №1172

В развитых странах РСВ и БР дополнены сегментом деривативов для согласования планов по долгосрочной поставке электроэнергии, что необходимо для планирования капитальных затрат и нового строительства мощностей. Уникальность российского случая заключается в том, что роль сегмента деривативов играет особенный рынок мощности. Ядром рынка мощности является механизм под названием «конкурентный отбор мощности». На нем осуществляется продажа энергокомпаниями услуги под названием «поставка мощности», которая означает готовность компании ввести в оборот (в любой момент времени при необходимости) некоторое количество заявленной ею мощности. При этом покупателем мощности выступает системный оператор энергосистемы: ежегодно происходит отбор мощности на несколько лет вперед, и на основании результатов отбора компаниям оплачивается услуга по «поставке мощности». Оплата собирается со всех потребителей на ОРЭМ в централизованном порядке.

Наиболее интересным в контексте нашего исследования является способ определения цены на «поставку мощности», а именно – тот механизм, который в данном случае называется «рынком». Для его иллюстрации мы приводим изображение с сайта организации НП Совет Рынка (Рис. 16).

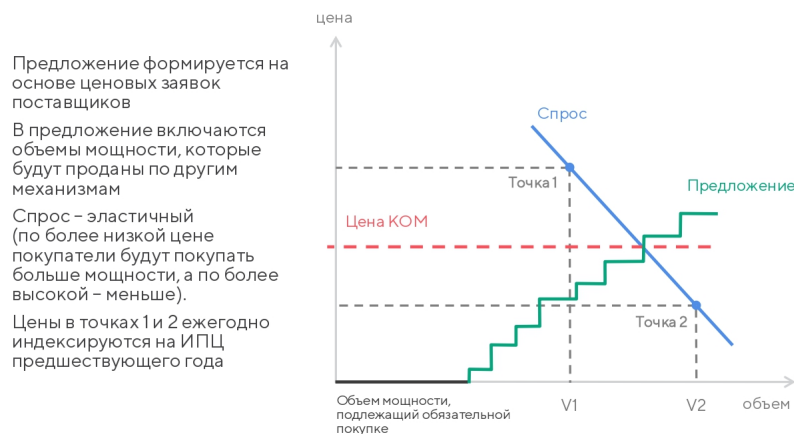

Рис. 16 – Механизм работы конкурентного отбора мощности

Источник: НП Совет Рынка

Обратим внимание на кривую спроса. Известно, что кривая спроса представляет собой совокупность точек, означающих готовность потребителей при определенном уровне цены приобрести некоторый объем товаров. Эта

совокупность точек является результатом решений потребителя, который при заданных бюджетных ограничениях и функции полезности реагирует на изменение цены. Именно эти обстоятельства и задают наклонный характер кривой спроса. В случае экономической конкуренции как процесса (в динамике) спрос также является результатом осознанного выбора потребителей и оценки ими альтернативных издержек. Но на «рынке» мощности это не так. В этом довольно необычном случае государство в лице правительства утверждает на основе собственного прогноза социально-экономического развития страны две точки, через которые затем проводится линия, трактуемая в качестве «кривой спроса»¹²⁶. Де-факто эта «кривая спроса», сформированная правительством, является гибким механизмом установления государством объема производства услуги «поставка мощности» и цены на эту услугу с последующим централизованным сбором ее оплаты с потребителей ОРЭМ. С экономической точки зрения, этот механизм не является рынком, однако он именуется «рынком» в российском законодательстве. Мера, созданная для развития конкуренции, превратилась в обычный инструмент регулирования с довольно необычной конструкцией.

Рынок мощности, в отличие от рынка деривативов на электроэнергию, фактически уничтожает конкурентные стимулы для производителей электроэнергии оптимизировать свои постоянные издержки: они покрываются принудительным сбором средств с потребителей на безальтернативной основе. Вместе с тем это позволяет оберегать энергетические компании, многие из которых связаны с государством, от необходимости затрачивать средства на строительство новых электростанций, закрытие невостребованных объектов, и защищает их от конкуренции друг с другом.

Итак, на двух примерах из российской действительности мы продемонстрировали, что регуляторный крен в порядках ограниченного доступа может не только негативно влиять на экономическую конкуренцию посредством слабой защиты прав собственности и смещения в выборе механизмов управления трансакциями, но и приводить к искажению изначально проконкурентных мер

---

¹²⁶ В качестве примера см.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2017 г. №1767-р

экономической политики. Эти меры либо декларируются в качестве проконкурентных, либо заимствуются из-за рубежа, но де-факто превращаются в инструменты экономического регулирования либо полностью, либо отчасти. В следующем разделе мы рассмотрим аналогичные ситуации из практики антимонопольного правоприменения.

2.5 «Регуляторный крен» в антимонопольном правоприменении

В предыдущем разделе мы говорили про ситуации, когда меры, направленные на развитие экономической конкуренции, превращаются в инструменты экономического регулирования под воздействием особенностей институциональной среды социального порядка ограниченного доступа. Однако проблема «регуляторного крена» проявляется и в защитной конкурентной политике – т. е. антимонопольном правоприменении. Причем, речь идет не о том, что антитраст может нести негативные последствия для конкуренции, например, с точки зрения представителей гетеродоксальных направлений экономической теории [Armentano, 2007]. Мы говорим о ситуациях, когда антимонопольное правоприменение используется не по назначению, т. е. не в рамках «жесткого ядра»¹²⁷, а в целях экономического регулирования.

Данная тема в отечественной научной литературе была впервые поднята в работе [Шаститко, 2012]. В своей работе автор подробно анализирует ситуацию вокруг антимонопольного разбирательства в отношении российской компании РУСАЛ. Проблема, которую хорошо иллюстрирует данный случай, приобрела название «**Пикалевский синдром**». В г. Пикалево Ленинградской области в 2000-х гг. было расположено одно из наименее эффективных площадок компании РУСАЛ по производству глинозема. Компания, следуя собственным планам по оптимизации производства, планировала отказ от поставок шлама и коллоидного раствора на предприятия в г. Пикалево. Эти предприятия, производившие

---

¹²⁷ В жесткое ядро антитраста принято включать противодействие злоупотреблению доминирующим положением на рынке; сделкам и согласованным действиям, ограничивающим конкуренцию на рынке; контроль сделок экономической концентрации [Авдашева, Шаститко, 2010].

каустическую соду и цемент, использовали продукцию РУСАЛа как основное сырье из единственного источника. В результате отказа от поставок шлама и коллоидного раствора со стороны компании РУСЛАЛ предприятия г. Пикалево начали сокращать численность сотрудников, что вызвало острый социальный протест: работники предприятий даже перекрывали федеральную трассу «Новая Ладога – Вологда»¹²⁸. В результате ФАС России возбудила против РУСАЛа дело о злоупотреблении доминирующим положением¹²⁹, а руководство компании было принуждено подписать контракт на продление поставок указанной выше продукции в присутствии председателя Правительства России В.Путина. Пример демонстрирует тенденцию, согласно которой инструменты защиты конкуренции в порядках ограниченного доступа могут быть использованы в качестве мер экономического регулирования. Причина, опять же, заключается в том, что неопределенность, являющаяся для компаний источником новых возможностей использования известных и обнаружения новых ресурсов, для элиты в социальном порядке ограниченного доступа становится источником потенциальной нестабильности социального порядка и поэтому снижается с помощью экономического регулирования (в т. ч. под видом применения мер антимонопольного правоприменения).

Однако это не единственная подобная ситуация. Еще одним показательным примером того, как может видоизменяться антимонопольная политика в странах с социальными порядками ограниченного доступа, является политика в отношении т. н. **коллективного доминирующего положения на рынке**. Проблема, связанная с антимонопольным правоприменением в этой сфере, подробно изучена в работе [Шаститко, Ионкина, 2021]. Норма о коллективном доминирующем положении на рынке изначально возникла в европейском антимонопольном праве и впервые была применена в рамках разбирательства по делу итальянских ассоциаций оптовых

---

¹²⁸ К ситуации в городе Пикалево. Досье. / Коммерсант. Режим доступа: <https://tass.ru/info/853402> (дата обращения: 15.07.2023)

¹²⁹ ст. 10 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26.07.2006 №135-ФЗ

продавцов листового стекла *Italian Flat Glass (1992)*¹³⁰,¹³¹. Коллективное доминирующее положение на рынке использовалось в указанном выше и в других делах как правовой коррелят олигополии на рынке. При этом антимонопольные органы и судебные инстанции постоянно сталкивались с трудностями при доказательстве именно коллективного доминирующего положения на рынке; обвиняли в индивидуальном злоупотреблении коллективным доминирующим положением только те фирмы, которые имели индивидуальное доминирующее положение на рынке и злоупотребляли своим положением коллективно с использованием вертикальных связей с другими фирмами (*Irish Sugar (1999)*¹³², *Almelo (1994)*¹³³). Также понятие «коллективное доминирующее положение» используется в европейском антимонопольном праве как инструмент анализа последствий сделок экономической концентрации: если объединяющиеся фирмы обладают коллективным доминирующим положением на рынке, то сделка может нести потенциально негативные последствия, что требует предъявления к фирме/фирмам поведенческих и/или структурных требований. Такой инструмент в ЕС применялся, например, в делах *Gencor (1999)*, *Airtours (2002)*¹³⁴ и др. Следует обратить внимание на то, что практика использования концепции коллективного доминирования на рынке, а тем более – расследования индивидуального злоупотребления им, является крайне редкой для стран с порядками открытого доступа и неоднозначно воспринимается судебными инстанциями, а также вызывает дискуссии относительно своей целесообразности. Например, авторы работы [Шаститко, Ионкина, 2021] отмечают, что в стране со старейшим антимонопольным законодательством в мире, в США, такой нормы вовсе не

---

¹³⁰ Joined cases T-68/89, T-77/89 and T-78/89 *Società Italiana Vetro SpA, Fabbrica Pisana SpA and PPG Vernante Pennitalia SpA v Commission of the European Communities* [1992] EU:T:1992:38, para 358. URL: https://www.concurrences.com/IMG/pdf/celex_61989tj0068_en_txt.pdf?51224/3d92fc2d88e6f64d67bb66e7187adacd709dd26d

¹³¹ 'the concept of collective dominant position is being used for the first time' ... (см. там же, с. II – 1422)

¹³² Case T-228/97 *Irish Sugar plc* [1999]: EU:T:1999:246, para 66. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61997TJ0228&from=EN>

¹³³ Case C – 392/92 *Gemeente Almelo and others, Energiebedrijf IJsselmij NV* [1994] ECLI:EU:C: 1994:171. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61992CJ0393&from=EN>

¹³⁴ Case T-102/96 *Gencor v. European Commission* [1999]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61996TJ0102&from=EN>; Case T-342/99 *Airtours v. European Commission* [2002]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61999TJ0342&from=EN>

существует; более того, с теоретической точки зрения подобный правовой коррелят олигополии на рынке может быть несостоятелен: известны разные модели олигополии, и далеко не всегда олигополисты ведут себя подобно коллективной монополии.

Авторы статьи [Шаститко, Павлова, 2021] исследует российский случай применения рассматриваемой нормы к рынку услуг сотовой связи. Речь идет о разбирательстве ФАС России в отношении действий компании «Теле2»¹³⁵, которая занимала всего 16% рынка и при этом из-за повышения цен на свои услуги обвинялась в индивидуальном злоупотреблении коллективным доминирующим положением на рынке совместно с «МТС» (33%), «Вымпелком» (23%) и «Мегафон» (28%) без учета координационных эффектов с этими компаниями. Авторы приходят к выводу о том, что использование меры в данном случае противоречит экономическому смыслу доминирования компаний на рынке. По большому счету, мы видим очередной пример того, как меры защитной конкурентной политики становятся инструментами экономического регулирования (в данном случае – в виде ограничения роста цен).

Норма о коллективном доминировании является хорошей иллюстрацией разницы в подходах к защите конкуренции в порядках открытого и ограниченного доступа. Например, в Канаде, одной из немногих стран с порядками открытого доступа, где подобная мера предусмотрена в антимонопольном законодательстве¹³⁶, идут постоянные дискуссии о том, каким образом доказать именно коллективное злоупотребление доминирующим положением – разрабатываются критерии, по которым можно определить, что злоупотребление доминирующим положением происходило именно в координации [Lacobucci, 2010].

В то же время, например, в Украине, где социальный порядок не проходит пороговые условия порядка открытого доступа, дело, схожее с российским

---

¹³⁵ Решение ФАС России по делу № 11/01/10-46/2020 от 2 ноября 2020 г.

¹³⁶ Так, анализ антимонопольного законодательства разных стран позволил выявить отсутствие норм о коллективном доминировании в США, Австралии, Новой Зеландии, Японии, Респ. Корея. Из порядков открытого доступа, помимо стран ЕС, такая норма присутствует в антимонопольном законодательстве Канады, Норвегии и Швейцарии.

разбирательством в отношении «Теле2», имело место в 2004 году против компаний «УМС» и «Киевстар» [Stotyka, 2007]: антимонопольное ведомство обвинило две крупнейшие компании в злоупотреблении коллективным доминирующим положением на рынке телекоммуникаций после повышения ими цен, несмотря на то, что между самими фирмами шла активная конкуренция за потребителей.

В начале данного раздела мы рассматривали ситуацию с разбирательством в отношении компании РУСАЛ – в ходе этого разбирательства компания была обвинена в злоупотреблении доминирующим положением в отношении потребителей в г. Пикалево. Хотелось бы отметить, что антимонопольное правоприменение нередко становится инструментом разбирательств между множеством двусторонних монополий и крупных олигополистов, образовавшихся на постсоветском пространстве в результате приватизации [Шаститко, Павлова, 2017; Шаститко, Паршина, 2016]. Такие ситуации также являются иллюстрацией особенностей защиты экономической конкуренции в порядках ограниченного доступа. Приватизация, являвшаяся процессом перераспределения источников рентных поступлений и зафиксировавшая существование нового социального порядка [Приватизация в России... , 2003], породила множество рынков с крупными доминирующими игроками, а также ситуации двусторонней монополии. Обычно проблемы, связанные с этим, обостряются в технологичных сферах, в моногородах и в сфере инфраструктуры, когда активы, управляемые игроками, специфичны, и потому возможности по переключению для игроков ограничены. Здесь возникает множество конфликтных ситуаций, где по обе стороны конфликта становятся крупные игроки, обеспечивающие стабильность в социальном порядке. В этих ситуациях антимонопольные разбирательства также вполне могут использоваться в качестве инструмента разрешения конфликтов в рамках правового поля, но не для реальной защиты экономической конкуренции.

Настоящий раздел завершает эмпирическую часть нашего исследования и был призван продемонстрировать: социальный порядок может воздействовать на экономическую конкуренцию через искажение инструментов защиты экономической конкуренции. Мы продемонстрировали это на ситуациях т. н.

«синдрома Пикалево» в российском антитрасте, антимонопольном правоприменении в ситуациях коллективного доминирования на рынке.

Выводы ко второй главе

В данной главе на экономико-математической модели был продемонстрирован механизм влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию. Показано, что регуляторный крен в социальном порядке ограниченного доступа может образовываться из-за наложения регулятором избыточных регуляторных ограничений на действия экономических агентов с целью снизить неопределенность относительно будущего распределения экономических ресурсов для поддержания стабильности социального порядка.

Далее мы осуществили эмпирическую проверку механизмов влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию на микроданных проекта BEEPS Европейского Банка Реконструкции и Развития: были подтверждены две гипотезы относительно влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию посредством гарантирования прав собственности.

Гипотеза 1. В порядке ограниченного доступа участие игроков в экономической конкуренции менее вероятно, если они считают, что в отношении них соблюдается принцип верховенства права. *Гипотеза подтверждена, связь отрицательная. Ощущающие себя защищенными игроки в порядках ограниченного доступа при прочих равных условиях реже участвуют в экономической конкуренции как процессе.*

Гипотеза 2. В порядке ограниченного доступа участие игроков в экономической конкуренции как процессе более вероятно, если они считают, что в отношении них соблюдается принцип верховенства права. *Гипотеза подтверждена: связь положительная.*

Также на основе примеров из энергетических рынков, а также данных из баз BEEPS и PMR OECD, мы продемонстрировали, что выбор механизмов управления транзакциями в отрасли подвержен влиянию социального порядка. Дополнительно

на двух примерах мы продемонстрировали, что регуляторный крен в порядках ограниченного доступа может не только негативно влиять на экономическую конкуренцию посредством слабой защиты прав собственности и смещения в выборе механизмов управления транзакциями, но и приводить к искажению изначально проконкурентных мер экономической политики.

Однако в завершение важно отметить, что в рамках эмпирической части исследования сохраняется ряд ограничений на выводы, которые следует принимать во внимание.

Доступные данные не позволяют решить проблему эндогенности при оценке влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию. Проблема возникает из-за возможного наличия обратной причинно-следственной связи. Мы снизили остроту проблемы оценкой регрессий на микроданных и анализом кейсов, но в целом проблема остается актуальной.

Регуляторный крен в виде наложения избыточных регуляторных ограничений на экономическую конкуренцию рассматривается нами как явление, наблюдаемое в сфере формальных институтов. Существуют и альтернативные каналы влияния, обозначенные в тексте работы, но пока нет операционального инструментария для ответа на вопрос о том, почему тот или иной канал влияния проявляется в большей или меньшей степени.

В построенной нами теоретической модели за кадром остается процесс согласования интересов участников элиты в социальном порядке ограниченного доступа. Мы приняли сильную предпосылку об их гомогенности, при этом в реальности их интересы могут различаться, что окажет влияние на величину регуляторного крена. Также в теоретической модели предельно упрощена процедура принятия решений регулятором и экономическими агентами в условиях структурной неопределенности для демонстрации базовых следствий наличия такой неопределенности: используется одношаговая игра, где все игроки действуют одновременно. В дальнейшем следует осуществить более детализированный анализ этого процесса.

Глава 3. Способы развития и защиты экономической конкуренции в странах с социальными порядками ограниченного доступа

3.1 Анализ заинтересованных сторон

В социальных порядках ограниченного доступа, как мы выяснили, наблюдается регуляторный крен в экономической политике. Этот крен накладывает ограничения на развитие и защиту экономической конкуренции, что может приводить к снижению благосостояния экономических агентов. Очевидным решением проблемы может являться изменение характеристик социального порядка, однако эта рекомендация выходит далеко за рамки экономической теории. В этой связи в третьей главе сосредоточимся на том, как нивелировать или, по крайней мере, ослабить негативное влияние социального порядка ограниченного доступа на развитие и защиту экономической конкуренции (насколько это возможно), не меняя характеристик самого социального порядка.

Ранее мы отмечали, что экономическая конкуренция является общественным благом [Olson, 1965]: она 1) не является конкурентной в потреблении – если ее плодами пользуется все более широкий круг лиц, ее полезность для каждого индивида не снижается; 2) не является исключаемой из потребления – невозможно исключить индивидов из потребления плодов экономической конкуренции¹³⁷. Имеется в виду не невозможность исключить конкретных индивидов из самой экономической конкуренции, а невозможность исключить их из потребления результатов конкурентного процесса в широком смысле. Также экономическую конкуренцию можно рассматривать с точки зрения положительных внешних эффектов – как положительную экстерналию, производимую участниками конкурентного процесса [Тамбовцев, 2017]. В обоих случаях экономическая конкуренция может «недопроизводиться» по причине незаинтересованности частных лиц в производстве этого блага.

---

¹³⁷ Достаточно вспомнить модель Эрроу-Дебре: ситуация на одном рынке оказывает влияние на все остальные, создавая новые условия для потребительского выбора.

Напрямую заинтересованными в ограничении развития и защиты экономической конкуренции являются участники элитной группы социального порядка ограниченного доступа. Участники экономической конкуренции заинтересованы инвестировать ресурсы в собственную конкурентоспособность для достижения более привлекательного положения на рынке. Однако для тех, кто по каким-либо причинам становится проигравшей стороной в ходе конкурентного процесса, выгодно использовать принуждение или насилие (в том числе – проявляющееся в виде «регуляторного крена») для защиты своих интересов от конкуренции. Это характерно для стран с любыми социальными порядками, но в социальных порядках ограниченного доступа, как мы показали в настоящем исследовании, подобное использование монополии на насилие не ограничено соблюдением принципа верховенства права и(или) консолидированным контролем над этим насилием. Действия частных лиц, не заинтересованных в развитии и защите экономической конкуренции, соответственно, являются причиной того, почему экономическая конкуренция как общественное благо (или же – положительная экстерналия) может недопроизводиться; и в социальных порядках ограниченного доступа это недопроизводство сравнительно больше, в чем проявляется «регуляторный крен». Группу индивидов, в частные интересы которых не входит защита и развитие экономической конкуренции, мы здесь и далее обозначим «антиконкурентной коалицией», а всех тех, в чьи интересы входит развитие и защита экономической конкуренции – «проконкурентной коалицией».

При этом хотелось бы обратить отдельное внимание на то, что причины ограничений, накладываемых на экономическую конкуренцию, не ограничиваются непосредственным сопротивлением со стороны членов элитной группы. Так, в работе Т. Эггертссона, посвященной возможностям реформирования несовершенных институтов, отмечается, что длительное сохранение таких институтов обязано трем причинам [Эггертссон, 2022; Шаститко, 2022b]. Помимо уже названной экономической незаинтересованности лиц, принимающих решение о государственном регулировании, в список этих причин входят: недостаток информации о возможностях реформирования и его последствиях, а также –

идеологические барьеры. В случае недостаточной информированности заинтересованные стороны могут просто не знать о положительных последствиях развития экономической конкуренции, в случае идеологических барьеров – отказываться от развития и защиты экономической конкуренции даже без прямого экономического интереса. В этой связи можно говорить о том, что состав коалиций, обозначенных выше, может быть переменным, и зависеть не только от частных интересов, но и, в том числе, от информированности лиц, влияющих на принятие решений.

Настоящая глава призвана проанализировать ситуацию в обществе индивидов в социальном порядке ограниченного доступа через призму «антиконкурентной» и «проконкурентной» коалиций, чтобы далее выработать предложения по решению проблемы сдерживания развития и защиты экономической конкуренции в социальных порядках ограниченного доступа. В этом разделе мы начнем с идентификации участников той или иной коалиции и анализа их интересов. Мы предлагаем следующую классификацию (Таблица 13).

Коалиции сформированы по доминирующему мотиву, который могут преследовать индивиды. В реальности эти мотивы могут быть смешаны, однако классификация позволяет выделить ключевые заинтересованные стороны, при этом мы претендуем на свою исчерпывающую полноту приведенной классификации.

Члены элиты – ключевые интересанты сохранения *статуса-кво* в социальном порядке ограниченного доступа и ограничения в этих целях экономической конкуренции. Анализу их действий были посвящены предыдущие разделы диссертационного исследования. Однако эта группа является не единственной стороной, в интересы которой входит ограничение экономической конкуренции: в противном случае социальный порядок ограниченного доступа можно было бы классифицировать по Д. Норту, Дж. Уоллису и Б. Вайнгасту как «хрупкий» [North et al., 2009]. Эта коалиция в отстаивании своих интересов во многом опирается на другие заинтересованные

группы, чьи действия также важны для сохранения статуса-кво в социальном порядке.

Таблица 13

Составы антиконкурентной и проконкурентной коалиций

Заинтересованные стороны	Мотивация
Антиконкурентная коалиция	
Члены элиты	Извлечение рент, сохранение статуса-кво в их распределении
Стейкхолдеры в клиентеле (в т.ч. собственники клиентских организаций и работники)	Извлечение рент, сохранение статуса-кво в их распределении, защита прав собственности
Социально незащищенные слои населения (т.е. индивиды, уязвимые к неопределенности, со сниженной способностью адаптироваться к изменениям)	Сохранение статуса-кво в доходах, отсутствие изменений, требующих приложения усилий по адаптации к ним, иногда – опасения относительно изменений как таковых («рискофобы»)
Идеологически ангажированные люди	Следование идеологическим установкам
Проконкурентная коалиция	
Политики, не входящие в элитную группу	Получение доступа к элитной группе в результате политической конкуренции (развитие экономической конкуренции как способ привлечь политическую поддержку)
Конкурентоспособные предприниматели и их наемные работники	Получение равных внешних условий для участия в экономической конкуренции
Социально защищенные слои населения (т.е. индивиды, не считающие себя уязвимыми к неопределенности ¹³⁸ , связанной с экономической конкуренцией)	Желание, чтобы правительство проводило взвешенную политику в отношении экономической конкуренции, приводящую к экономическому росту и увеличению благосостояния
Идеологически ангажированные люди	Следование идеологическим установкам

Источник: составлено автором

Прежде всего, это стейкхолдеры со стороны клиентелы членов элиты. Это могут быть как связанные с членами элиты бизнесмены, так и их наемные работники. Все они в той или иной степени полагаются на помощь членов элиты в защите их бизнеса от последствий экономической конкуренции и обеспечении таким образом стабильности в рентных поступлениях. К этой группе можно причислить и тех, кто строит свой бизнес на преференциях со стороны элитной

¹³⁸ Неопределенности, связанной с необходимостью адаптироваться к изменениям и находить новые источники получения дохода.

группы: лоббировании законов, ограничивающих деятельность конкурентов или предоставляющих де-факто эксклюзивные условия для деятельности клиентской фирмы.

Также в ограничении конкуренции часто бывают заинтересованы социально незащищенные слои населения – т. е. те люди, которые по каким-либо причинам опасаются изменений, к которым, как они считают, не смогут адаптироваться. Эти люди избегают неопределенности, связанной с экономической конкуренцией, как и члены элиты, и потому занимают солидарную с ними позицию. Примером тому служит упоминавшийся ранее эпизод с антимонопольным расследованием в отношении компании РУСАЛ: жители г. Пикалево, чьи градообразующие предприятия оказались под угрозой банкротства в связи с конкурентным процессом, были сторонниками и прямыми интересантами принятого регулятором решения. В странах с порядками ограниченного доступа, в которых «регуляторный крен» существовал длительное время, проблема обостряется тем, что относительно большая часть населения становится зависимой от деятельности предприятий, строящих свою стратегию выживания на помощи со стороны государства.

Так как свободная экономическая конкуренция и рыночное саморегулирование являются атрибутами либерального фундаментализма в экономической политике, то развитие и защита экономической конкуренции нередко приобретают идеологический окрас. Это вызывает неприятие со стороны людей, придерживающихся альтернативных идеологических взглядов и создает дополнительную общественную поддержку «регуляторному крену» в порядках ограниченного доступа. Таким образом возникают упомянутые выше идеологические барьеры [Эггертссон, 2022; Шаститко, 2022b], в том числе препятствующие снижению «регуляторного крена».

В проконкурентную коалицию прежде всего входят некоторые независимые политики, не являющиеся членами элитной группы. Также в нее, по всей видимости, входят конкурентноспособные предприниматели с их наемными работниками, сталкивающиеся с регуляторными барьерами во время ведения своей предпринимательской деятельности. Эти две группы напрямую сталкиваются с

ограниченным доступом к ведению политической и экономической деятельности соответственно. Нередко эти группы пытаются повысить степень своей организованности: например, путем создания союзов предпринимателей. О попытках создания таких организаций в России см. публикации [Яковлев, 2012; Yakovlev et al., 2014].

В проконкурентную группу, как правило, входят и более широкие слои населения, которые, в отличие от поддерживающих ограничение экономической конкуренции, считают себя способными адаптироваться к изменениям и видят в конкурентном процессе драйвер экономического роста и повышения уровня жизни. Их мы назовем для простоты социально защищенными слоями населения¹³⁹.

К проконкурентной коалиции также следует отнести и тех, кто следует идеологическим мотивам в отстаивании принципов свободного рынка. Как уже было сказано ранее, речь идет о либеральном фундаментализме.

Перечисленные коалиции существуют в любых социальных порядках, однако в порядках ограниченного доступа антиконкурентной коалиции, которая пользуется насилием для защиты своих интересов, удастся создать эффект «регуляторного крена», отклоняющего политику государства от взвешенного сравнения дискретных структурных альтернатив при разработке и внедрении регуляторных механизмов. Задача, как видится, состоит в том, чтобы выработать инструменты нивелирования образовавшегося крена в странах с социальными порядками ограниченного доступа и перейти к более взвешенной политике, основанной на сравнении дискретных альтернатив¹⁴⁰. Для этого необходимо создать промежуточные (переходные) институты¹⁴¹, способные стимулировать представителей разных групп прийти к сбалансированной политике, и при этом

---

¹³⁹ О том, как формируется разное отношение к таким вещам, как неопределенность, среди населения, см. в исследовании [Аузан, 2021].

¹⁴⁰ В некоторых случаях либеральный или регуляторный фундаментализм могут оказаться эффективнее, поскольку сравнение дискретных альтернатив может быть затратной процедурой. Однако речь идет о том, чтобы нивелировать эффект крена в сторону регуляторного фундаментализма и сделать взвешенное сравнение дискретных альтернатив нормой, а не исключением. Подробнее о том, как этот принцип можно применять в условиях неопределенности и необходимости экономить ресурсы регулятора см. в работе [Шаститко, Федоров, 2023].

¹⁴¹ Термин заимствован из работ проф. Аузана А.А.

избежать ситуации, когда переходные институты превращаются из временных в постоянные. В следующем разделе рассмотрим эту задачу с позиций проблемы блокировки институциональных изменений.

3.2 Эффект блокировки при защите и развитии конкуренции в социальных порядках ограниченного доступа

Барьеры, выстраиваемые в рамках социального порядка ограниченного доступа для экономической конкуренции, как уже было отмечено, являются результатом того, что соблюдение интересов антиконкурентной коалиции обеспечивается созданием институтов экономического регулирования в условиях несоблюдения принципа верховенства права и(или) консолидированного контроля над насилием: в таких условиях возникает регуляторный крен в экономической политике государства. По этой причине целесообразно рассмотреть ситуацию с точки зрения проблемы «эффекта блокировки» (англ. *«lock-in effect»*), чтобы найти пути выхода из сложившейся ситуации.

«Эффект блокировки» [North, 1990, p. 7] представляет собой ситуацию, при которой общественно эффективное изменение институтов блокируется в связи с тем, что это изменение противоречит интересам лиц, от которых осуществление этого изменения зависит. Ситуация часто применяется к анализу параметров статического равновесия: например, получению административной ренты отдельными индивидами [Аузан, Крючкова, 2002]. В нашем случае мы говорим о том, что частные лица блокируют институциональные изменения, которые позволяют повысить динамическую эффективность экономической системы [Уэрта де Сото, 2011], проявляющуюся в технологическом развитии экономики, внедрении новых бизнес-процессов, институтов микроуровня, адаптации к нециклическим шокам (например, санкциям) и т.д. Таким образом блокируется сама способность общества адаптироваться к динамическим изменениям и неопределенности ради сохранения предсказуемого распределения экономических

благ среди индивидов¹⁴². Мы рассматриваем эффект блокировки в виде матрицы частных и общественных выгод и издержек (Таблица 14).

Таблица 14

Эффект блокировки институциональных изменений

	ЧИ > ЧВ	ЧИ < ЧВ
СИ > СВ	Неэффективный институт	Внешний барьер
СИ < СВ	Количественный барьер	Эффективный институт

Источник: [Аузан, Крючкова, 2002]

Если обратить внимание на предложенную схему эффекта блокировки, то окажется, что правила игры, ограничивающие конкуренцию в социальных порядках ограниченного доступа, являются эффективными с точки зрения частных и общественных выгод и издержек. Во-первых, они приводят к ситуации, когда частные выгоды антиконкурентной коалиции превышают их частные издержки по поддержанию стабильного распределения экономических благ в обществе индивидов. Во-вторых, социальные издержки проконкурентных реформ также ниже социальных выгод, с ними связанных: увеличение экономического благосостояния индивидов в результате открытия новых способов использования известных и обнаружения новых ресурсов в процессе экономической конкуренции приносит меньше пользы, чем забирает риск дестабилизации социального порядка из-за параметрической и структурной неопределенности в будущем распределении экономических благ. Вместе с тем социальная эффективность (превышение выгод над издержками) обусловлена здесь исключительно нивелированием возможности дестабилизации социального порядка. Если абстрагироваться от проблемы насилия, представив, что она значительно снижена, как и в социальных порядках открытого доступа, то институты экономического регулирования, ограничивающие конкуренцию, становятся социально неэффективными институтами с внешним барьером.

¹⁴² В работе [Killick, 1995] политики, находящиеся в такой ситуации, называются заложниками status quo. Подробно эффект блокировки, связанный со страхом потери контроля над политическим процессом проанализирован в работе [Эггертссон, 2022].

Поэтому для осуществления институциональных преобразований в целях нивелирования «регуляторного крена» в социальных порядках ограниченного доступа, необходимо соблюдение следующих условий: 1) новые институты экономического регулирования (без «регуляторного крена») представляют минимальную угрозу для стабильности социального порядка ($СИ > СВ$), 2) преодолен внешний барьер, и частные издержки выше частных выгод поддержания *статуса-кво* для антиконкурентной коалиции.

Таблица 15

Эффект блокировки институциональных изменений: преодоление для развития и защиты конкуренции в порядке ограниченного доступа

	ЧИ > ЧВ	ЧИ < ЧВ
СИ > СВ	Неэффективный институт	Внешний барьер
СИ < СВ	Количественный барьер	Эффективный институт

Источник: составлено автором на основе [Аузан, Крючкова, 2002]

Только в результате преодоления обозначенного пути институты экономического регулирования, ответственные за регуляторный крен в социальном порядке ограниченного доступа, становятся неэффективными как с социальной, так и с частной точек зрения (Таблица 15).

Таким образом, теоретически, возможно преодоление эффекта блокировки и осуществление проконкурентных институциональных изменений в рамках социального порядка ограниченного доступа. Напомним, что конкретные действия на указанном пути должны помогать в преодолении трех видов барьеров по Т. Эггертссону [Эггертссон, 2022]: 1) обеспечить превышение частными выгодами частных издержек для лиц, принимающих решение; 2) проинформировать о выгодах тех, кто о них еще не знает; 3) обойти идеологические барьеры. Таким образом можно изменить и состав обозначенных коалиций. Более того, могут быть выбраны такие действия по развитию и защите экономической конкуренции, которые приносят частные выгоды отдельным членам антиконкурентной коалиции: например, владельцы

крупных компаний, пользующихся преференциями со стороны государства, могут быть заинтересованы в развитии конкуренции между поставщиками сырья и промежуточных товаров для собственного производства.

Изменение частных и общественных выгод для перехода к более эффективным институтам требует создания переходных институтов, которые обеспечат необходимый координационный и распределительный эффект между членами антиконкурентной и проконкурентной коалиций. При этом важно, чтобы при проектировании таких переходных институтов учитывался критерий Калдора-Хикса-Зербе, то есть условия, при которых институциональные изменения не только позволяют не ухудшать положение одной группы посредством компенсаций, но и делают подобного рода компенсационные трансакции работающими [Шаститко, 2010, с. 768]:

- сумма, которую готова платить одна группа, больше суммы, на которую готова согласиться другая группа (проигрывающая);
- все оценки, для которых существует готовность платить, рассматриваются как экономические блага;
- выгоды и потери оцениваются не только с помощью готовности платить и принимать компенсации, но и с психологической точки зрения, определяемой правами, имеющими юридическую силу;
- при оценке эффективности учитываются трансакционные издержки, связанные с количественной оценкой и передачей компенсации в рамках действующей системы правил.

3.3 Инструменты преодоления эффекта блокировки при защите и развитии конкуренции в социальных порядках ограниченного доступа

В предыдущем разделе отмечено, что развитие и защита экономической конкуренции в социальных порядках ограниченного доступа связаны с преодолением эффекта блокировки институциональных изменений. Смысл этого эффекта применительно к рассматриваемой ситуации заключается в том, что

антиконкурентная коалиция блокирует создание институтов экономического регулирования на основе взвешенного коузианского подхода (по [Шаститко, Павлова, 2022]) и создает регуляторный крен, который обусловлен характеристиками социального порядка ограниченного доступа – несоблюдением принципа верховенства права и(или) отсутствием консолидированного контроля над применением насилия.

Для осуществления институциональных преобразований в целях нивелирования регуляторного крена в социальных порядках ограниченного доступа, необходимо соблюдение следующих условий:

1) новые институты экономического регулирования представляют минимальную угрозу для стабильности социального порядка ($СИ > СВ$),
2) преодолен внешний барьер, и частные издержки выше частных выгод поддержания статуса-кво для антиконкурентной группы. Более того, предлагаемые переходные институты, предлагающие компенсации проигрывающей группе индивидов для соблюдения условия (1), чтобы они оказались эффективными, должны удовлетворять критерию Калдора-Хикса-Зербе [Шаститко, 2010, с. 768]:

- сумма, которую готова платить одна группа, больше суммы, на которую готова согласиться другая группа (проигрывающая);
- все оценки, для которых существует готовность платить, рассматриваются как экономические блага;
- выгоды и потери оцениваются не только с помощью готовности платить и принимать компенсации, но и с психологической точки зрения, определяемой правами, имеющими юридическую силу;
- при оценке эффективности учитываются транзакционные издержки, связанные с количественной оценкой и передачей компенсации в рамках действующей системы правил.

Для полноты перечисления путей преодоления проблемы ограничения экономической конкуренции в социальных порядках ограниченного доступа отметим, что действия, направленные на обеспечение работы принципа

верховенства права, консолидированного контроля над насилием и существования неперсонифицированных постоянно действующих организаций, т. е. на изменение характеристик самого социального порядка, вносят вклад в решение рассматриваемой нами проблемы. Однако эти рекомендации упираются в необходимость изменения социального порядка, – нашей же целью является выработка рекомендаций для развития и защиты экономической конкуренции уже в рамках социального порядка ограниченного доступа. Вместе с тем наши рекомендации могут отчасти приблизить социальный порядок к переходу пороговых условий социального порядка открытого доступа в долгосрочной перспективе посредством накопления критической массы инкрементных изменений на нижних уровнях институциональной системы и могут быть особенно полезны для стран, переживающих период социально-экономической трансформации.

Таким образом, целесообразным является проектирование таких переходных институтов, которые увеличат частные издержки членов элиты при установлении избыточных регуляторных предписаний экономическим агентам, но при этом компенсируют возникающие для них риски, связанные с будущим распределением экономических благ. Здесь мы предлагаем лишь отдельные инструменты, которые видятся потенциально эффективными для снижения регуляторного крена в социальных порядках ограниченного доступа, однако этот перечень мы не заявляем в качестве исчерпывающего.

Одной из действенных мер по увеличению частных издержек усиления регуляторного крена могло бы стать введение **института антимонопольной экспертизы регуляторных инициатив** ¹⁴³. В случае, если регуляторная инициатива рассматривается в парламенте в качестве законопроекта, то этот институт мог бы стать аналогом антикоррупционной экспертизы законопроекта. В случае же, если регуляторная инициатива принимается в форме подзаконного акта, то следовало бы установить требования к тому, чтобы любой такой акт

---

¹⁴³ Например, на основе: Competition Assessment Toolkit / OECD. URL: <https://www.oecd.org/competition/assessment-toolkit.htm>

сопровождался обсуждением последствий принятия этого акта для защиты и развития экономической конкуренции по определенным стандартам и специально утвержденной процедуре. Такая мера повысит частные издержки формирования институтов экономического регулирования с регуляторным креном для авторов инициативы. В социальном порядке ограниченного доступа это особенно актуально именно перед принятием регуляторной инициативы, потому что ее отмена после принятия, например, через судебные инстанции, осложняется несоблюдением принципа верховенства права. Сегодня в обсуждении регуляторных инициатив, безусловно, принимает участие антимонопольный орган, который обозначает свою позицию, однако такой формат не обеспечивает достаточных стимулов для недопущения избыточных регуляторных предписаний. Более того, предлагаемая мера повысит спрос на экономическую экспертизу законопроектов и подзаконных актов, предполагающую взвешенный коузианский подход к экономическому регулированию.

Введение такой меры могло бы проводиться при поддержке отдельных членов антиконкурентной коалиции – компаний, пользующихся преференциями государства, и их лоббистов, заинтересованных в развитии и защите конкуренции на смежных рынках для более выгодных условий покупки сырья или продукции промежуточного потребления. Или же, оно может быть введено для решения задач национального развития, стоящих перед элитой социального порядка – в том числе, например, для стимулирования технологического развития промышленности и производства продукции военного и двойного назначения в целях повышения обороноспособности.

В случае создания института антимонопольной экспертизы законопроектов и, соответственно, открытия общественного обсуждения законопроектов предметно по вопросу влияния принимаемых мер на развитие экономической конкуренции, актуализируется вопрос развития **независимых союзов предпринимателей или отраслевых ассоциаций** [Яковлев, 2012; Yakovlev et al., 2014]. Система стимулов для их участников должна быть построена таким образом, чтобы участники занимались совместными действиями для снижения

регуляторного крена посредством участия в публичном обсуждении регуляторных инициатив, но не могли использовать эти союзы и ассоциации для ограничения конкуренции в своих частных интересах. Последнее замечание является особенно важным: например, широко известен случай использования отраслевой ассоциации в качестве площадки для создания международного картеля на рынке лизина [Connor, 2001].

В случае принятия первой из предложенных нами мер также целесообразны и меры по **развитию конкурентного рынка независимых центров экономической экспертизы регуляторных инициатив** в связи с потенциальным увеличением спроса на подобного рода экспертизу. Создание таких центров, с одной стороны, обеспечит повышение качества законодательных инициатив и позволит добросовестным участникам экономической конкуренции отстаивать свои интересы, с другой стороны – будет способствовать открытому обсуждению законодательных инициатив с точки зрения их влияния на конкурентную среду и связанные с этим потери или выигрыши для общественного благосостояния.

В случае расширения публичных обсуждений регуляторных инициатив свою роль в преодолении регуляторного крена может сыграть **адвокатирование экономической конкуренции**. Во-первых, оно может быть направлено на повышение осведомленности экономических агентов о действующих регуляторных нормах и антимонопольном законодательстве; во-вторых, оно может использоваться как инструмент формирования знаний у ключевых групп интересов относительно последствий тех или иных регуляторных инициатив для экономической конкуренции; в-третьих, оно может способствовать формированию у заинтересованных сторон разделяемых ценностей относительно развития и защиты экономической конкуренции [Шаститко, Комкова, Курдин, 2016]. Последние два аспекта особенно актуальны в контексте соблюдения переходными институтами критерия Калдора-Хикса-Зербе, упоминавшегося ранее. Более того, адвокатирование конкуренции, опять же, способствует расширению проконкурентной коалиции и сокращению антиконкурентной коалиции, поскольку

их состав является переменным и зависит как от частных интересов, так и от информированности членов.

Для снижения рисков для участников антиконкурентной группы при развитии и защите экономической конкуренции в порядках ограниченного доступа реформы в обязательном порядке должны сопровождаться **компенсационными механизмами**. Например, в электроэнергетической отрасли, где в 2000-х гг. в рамках реформы РАО ЕЭС России появились рыночные механизмы ценообразования, действует множество компенсационных механизмов: договоры о предоставлении мощности, регулируемые договоры, регулирование цен в розничном сегменте и т.д.¹⁴⁴.

В момент реформирования РАО ЕЭС они сыграли демпфирующую роль, позволив сгладить проблему неопределенности для тех, кто мог пострадать от необходимости участвовать в конкурентной борьбе на вновь созданном рынке. Эти переходные институты должны постепенно исчезать, по мере снижения потребности в них, но в рамках проведения проконкурентных реформ, в особенности – в порядках ограниченного доступа, они видятся необходимыми. Вместе с тем здесь сохраняются риски «эффекта колеи», когда компенсационные механизмы сохраняются и после прохождения переходного периода. Поэтому важно еще на этапе разработки таких механизмов предусматривать дорожную карту по их сворачиванию в будущем – возможно, с назначением лиц, ответственных за осуществление этого процесса.

В дополнение к перечисленным мерам также хотелось бы обозначить **развитие товарных бирж** как одно из направлений развития и защиты экономической конкуренции в порядках ограниченного доступа. Оно позволяет не только формировать актуальные рыночные ценовые индикаторы, но и наращивать относительные объемы сделок, осуществляемых в рамках неперсонифицированных транзакций на общих принципах и в рамках прозрачной и конкурентной системы заключения сделок. Например, именно поэтому биржевые

---

¹⁴⁴ Рынок электроэнергии и мощности / НП Совет Рынка. Режим доступа: <https://www.np-sr.ru/ru/market/wholesale/index.htm>

цены не могут быть признаны монопольно высокими, в соответствии с российским законодательством, при соблюдении ряда требований¹⁴⁵. Так, позитивный эффект от развития биржевой торговли в целом ощущается на внутрисоссийском нефтяном рынке и рынке нефтепродуктов¹⁴⁶: переход от долгосрочных внебиржевых контрактов позволил вывести из тени этот сектор и открыть доступ к нему для множества независимых топливных компаний, которые закупают продукцию почти исключительно через биржу. (Таблица 16)

Таблица 16

**Рекомендации по развитию и защите экономической конкуренции в порядках
ограниченного доступа и их влияние на барьеры,
связанные с эффектом блокировки**

Мероприятие	Целевые группы	Ожидаемый эффект
Преодоление количественного барьера		
адвокати́рование конкуренции	клиенты членов элитной группы, социально незащищенные слои населения, экспертное сообщество	сокращение опасений населения относительно неопределенности их частных выгод от развития экономической конкуренции; развитие неформальных институтов, поддерживающих формальные проконкурентные правила игры
трансформация проконкурентной группы в проконкурентную коалицию	независимые предприниматели и экспертное сообщество	организация коллективных действий по защите интересов добросовестных предпринимателей в рамках законодательства
развитие конкурентного рынка независимых центров экономической экспертизы	экспертное сообщество, члены элиты	повышение качества экономической экспертизы, необходимое для использования взвешенного подхода к сравнению дискретных структурных альтернатив
Преодоление внешнего барьера		
институт антимонопольной экспертизы законопроектов	клиенты членов элитной группы, члены элиты, экспертное сообщество	вынесение в открытое информационное пространство обсуждения проблем развития конкуренции; повышение частных издержек элиты и их клиентов по лоббированию своих частных интересов в рамках выдвижения регуляторных инициатив
развитие биржевой торговли товарами	клиенты членов элитной группы	сокращение теневого сектора, увеличение числа персонифицированных транзакций; повышение социальных издержек поддержания договоренностей внутри элиты
сопровождение проконкурентных мер переходными компенсационными механизмами	клиенты членов элитной группы, социально незащищенные слои населения	сокращение опасений участников решающей коалиции относительно неопределенности, связанных с развитием и защитой экономической конкуренции

Источник: составлено автором

¹⁴⁵ ст. 6 Федерального закона №135-ФЗ «О защите конкуренции» от 26.07.2006

¹⁴⁶ «Многие иностранные биржи нам завидуют». Ведомости. 17.05.2018. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/business/characters/2018/05/17/769762-birzhi-zaviduyut>

Ограничения предлагаемых рекомендаций связаны с тем, что они выработаны в качестве универсальных для любых социальных порядков ограниченного доступа и сфер экономической деятельности. В действительности некоторые сферы экономической деятельности могут представлять предмет особого интереса для элиты в социальном порядке и потому ряд позитивных действий в них для осуществления проконкурентных институциональных преобразований может быть заблокирован. Также следует помнить о том, что социальные порядки ограниченного доступа бывают хрупкими, зрелыми и базовыми, что также накладывает ограничения на применение изложенных рекомендаций: хрупкие социальные порядки ограниченного доступа могут сильнее сдерживать проконкурентные изменения из-за повышенной неопределенности относительно стабильности социального порядка; в базовых – присутствует большее количество экономических агентов, которые могут выступать членами антиконкурентной группы. В связи с этим, обозначенные нами рекомендации следует адаптировать под условия конкретного социального порядка.

Выводы к третьей главе

В настоящей главе раскрыта проблема эффекта блокировки институциональных изменений, направленных на защиту и развитие экономической конкуренции в порядках ограниченного доступа. Выявлены ключевые группы индивидов, входящих в проконкурентную и антиконкурентную коалиции переменного состава.

Изменение частных и общественных выгод для перехода к более эффективным институтам требует создания переходных институтов, которые обеспечат необходимый координационный и распределительный эффект между членами антиконкурентной и проконкурентной коалиций. Целесообразно проектирование таких переходных институтов, которые увеличат частные издержки членов элиты при установлении избыточных регуляторных предписаний экономическим агентам, но при этом компенсируют возникающие для них риски,

связанные с будущим распределением экономических благ. Более того, учитывая переменный состав коалиций, зависящий как от частных интересов участников, их идеологических установок, а также от информированности, возможно создание частных положительных стимулов для членов антиконкурентной коалиции для поддержки проконкурентных изменений с их стороны. Например, получающие покровительство государства владельцы крупных компаний могут быть заинтересованы в развитии конкуренции на смежных рынках; или национальные цели развития, стоящие перед элитой, могут потребовать развития и защиты экономической конкуренции на отдельных рынках (например, для повышения обороноспособности государства). Безусловно, проблема того, что рекомендации направлены в сторону субъекта, провоцирующего возникновение регуляторного крена, не снимается полностью, но предлагаемый подход позволяет частично обойти эту проблему: рекомендации направляются в сторону заинтересованных лиц, участвующих в подготовке и принятии регуляторных решений в социальных порядках ограниченного доступа.

Мы предлагаем отдельные инструменты, которые видятся потенциально эффективными для снижения регуляторного крена в социальных порядках ограниченного доступа, однако этот перечень не заявляем в качестве исчерпывающего. В качестве конкретных инструментов снижения регуляторного крена в социальных порядках ограниченного доступа нами предложены:

- создание института антимонопольной экспертизы регуляторных инициатив;
- развитие независимых союзов предпринимателей или отраслевых ассоциаций;
- развитие конкурентного рынка независимых центров экономической экспертизы регуляторных инициатив;
- сопровождение проконкурентных мер переходными компенсационными механизмами;
- адвокатирование конкуренции;
- развитие биржевой торговли товарами для увеличения относительного объема персонифицированных транзакций, осуществляемых на общих

принципах и в рамках прозрачной и конкурентной системы заключения сделок.

Заключение

Настоящее диссертационное исследование нацелено на выявление взаимосвязей между характеристиками социальных порядков и экономической конкуренцией, определение подходов к развитию и защите экономической конкуренции, актуальных с учетом особенностей социальных порядков ограниченного доступа. Для достижения этой цели выполнены следующие задачи:

1. Определены понятия «экономическая конкуренция» и «социальный порядок» и взаимосвязи между этими понятиями.
2. Идентифицированы (теоретически) каналы влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию посредством формальных институтов.
3. Построена экономико-математическая модель для демонстрации механизма влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию.
4. Осуществлена эмпирическая проверка предполагаемых механизмов влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию.
5. Идентифицирована сущность проблемы эффекта блокировки институциональных изменений при развитии и защите экономической конкуренции в социальных порядках ограниченного доступа (по Д. Норту, Дж. Уоллису и Б. Вайнгасту).
6. Выявлены инструменты, целесообразные для преодоления барьеров развития и защиты экономической конкуренции в условиях социальных порядков ограниченного доступа.

Все многообразие определений понятия «экономическая конкуренция», представленных в научной литературе, содержат два аспекта: статический и динамический. **Экономическая конкуренция как процесс** предполагает ситуации индивидуального выбора в условиях неопределенности. **Структурная**

неопределенность предполагает наличие ситуаций индивидуального выбора, в которых принимающее решение лицо не только не располагает информацией о распределении объективных вероятностей, но и о том наборе событий, которые значимы с точки зрения его благосостояния (максимизации целевой функции), и вместе с тем неизвестны *ex ante* [Шаститко, 2018]. Следствием такой неопределенности является невозможность *ex ante* дать оценку будущему распределению ограниченных ресурсов между экономическими агентами – участниками конкурентного процесса.

Под **регуляторным вмешательством государства** мы определили использование юридических инструментов для реализации целей социально-экономической политики государства [Mitnick, 1980]. При этом монополия на насилие для осуществления регуляторного вмешательства создает институты экономического регулирования – институты, вводимые монополией на насилие для достижения тех или иных целей своей политики посредством создания предписаний для экономических агентов, выполнение или невыполнение которых приводит к наложению санкций со стороны монополии на насилие.

В качестве регуляторного крена мы рассматриваем ситуации, когда по тем или иным причинам наблюдается устойчивое отклонение монополии на насилие от коузинского подхода к регулированию в сторону наложения регуляторных ограничений на экономическую конкуренцию. Под коузианским подходом к регулированию, соответственно, понимается постоянное сравнение дискретных структурных альтернатив и оценка их регулирующего воздействия: то есть, обоснованный выбор между дискретными структурными альтернативами в политике государственного регулирования.

Далее мы подробно рассмотрели различные условия применения насилия в обществе. Под насилием мы понимаем ограничение спектра возможностей, доступных одному индивиду (или группе) – объекту насилия, которое сопряжено с воздействием на его способность принимать и(или) реализовывать принятые им решения [Шаститко, 2010, с. 661]. Существует несколько дискретных структурных альтернатив решения проблемы насилия в обществе, при этом централизованные

решения (социальные порядки) отличаются от децентрализованных (анархии) наличием монополии на насилие. Сами **социальные порядки** различаются тем, что монополия на насилие применяется в разных условиях. Так, в порядках открытого доступа соблюдается принцип верховенства права, существует консолидированный контроль над применением насилия, функционируют неперсонифицированные организации. В порядках ограниченного доступа (или «естественных государствах») хотя бы одно из этих пороговых условий не соблюдается [North et al., 2009]. Это обстоятельство открывает возможности для возникновения регуляторного крена: в условиях несоблюдения принципа верховенства права и отсутствия консолидированного контроля над применением насилия выдача регуляторных предписаний становится менее затратной для регулятора, а сам регулятор становится в большей степени заинтересованным в обеспечении предсказуемого распределения экономических благ в будущем.

Также мы определили каналы, посредством которых характеристики социального порядка влияют на развитие и защиту экономической конкуренции. В странах с социальными порядками ограниченного доступа: институты государственного регулирования чаще ограничивают полномочия экономических агентов для сохранения стабильности в распределении экономических благ и чаще провоцируют смещение в выборе механизмов управления транзакциями в пользу механизмов с относительно большим уровнем административного контроля со стороны государства. Также экономические агенты в условиях увеличения неопределенности, связанной с защитой прав собственности, могут чаще добровольно выбирать механизмы управления транзакциями, которые обеспечат защиту прав собственности лучше, чем в рамках рыночного механизма: однако этот канал влияния уже выявлен и рассмотрен исследователями ранее.

На **экономико-математической модели** был продемонстрирован механизм влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию посредством введения регулятором избыточных ограничений на деятельность экономических агентов. Показано, что регуляторный крен в социальном порядке ограниченного доступа образуется из-за наложения избыточных регуляторных

предписаний к экономическим агентам с целью снизить неопределенность относительно будущего распределения экономических ресурсов и не создать риски для стабильности социального порядка.

Далее мы осуществили эмпирическую проверку механизмов влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию на микроданных проекта ВЕЕPS Европейского Банка Реконструкции и Развития. Проведенное эмпирическое исследование показало, что в социальном порядке ограниченного доступа те экономические агенты, которые чувствуют, что их права собственности надежно защищены соблюдением принципа верховенства права, в меньшей степени демонстрируют готовность принимать участие в экономической конкуренции как процессе. В социальных порядках открытого доступа наблюдается обратная тенденция.

Также на основе примеров из энергетических рынков, а также данных из баз ВЕЕPS и PMR OECD, мы продемонстрировали, что выбор механизмов управления транзакциями в отрасли подвержен влиянию характеристик социального порядка. В условиях несоблюдения принципа верховенства права и(или) отсутствия консолидированного контроля над применением насилия институты экономического регулирования, как уже говорилось, могут а) смещать выбор механизмов управления транзакциями в пользу тех, которые подразумевают больший административный контроль со стороны государства; б) увеличивать неопределенность, связанную с защитой прав собственности, из-за чего экономические агенты могут чаще добровольно выбирать механизмы управления транзакциями, которые обеспечат защиту прав собственности от оппортунизма контрагентов лучше, чем в рамках рыночного механизма – такой канал влияния уже эмпирически подтвержден на примере постсоветских стран в исследовании [Johnson et al., 2002]; в) вводить монополию на насилие в качестве одной из сторон институционального соглашения, наделяя ее избыточным административным контролем. В нашем исследовании мы фокусировались на каналах (а) и (в), поскольку канал (б) уже эмпирически подтвержден другими исследователями: во второй главе мы рассмотрели ситуации, когда смещение в выборе механизма

управления трансакциями происходит при непосредственной связи с принятием конкретных регуляторных решений государством.

Дополнительно на двух примерах мы продемонстрировали, что регуляторный крен в порядках ограниченного доступа может не только негативно влиять на экономическую конкуренцию посредством слабой защиты прав собственности и смещения в выборе механизмов управления трансакциями, но и приводить к искажению изначально проконкурентных мер экономической политики.

Однако важно отметить, что в рамках эмпирической части исследования сохраняется ряд ограничений на выводы, которые следует принимать во внимание:

- Доступные данные не позволяют решить проблему эндогенности при оценке влияния характеристик социального порядка на экономическую конкуренцию. Проблема возникает из-за возможного наличия обратной причинно-следственной связи. Мы снизили остроту проблемы оценкой регрессий на микроданных и анализом кейсов, но в целом проблема остается актуальной.
- Регуляторный крен в виде наложения избыточных регуляторных ограничений на экономическую конкуренцию рассматривается нами как явление, наблюдаемое в сфере формальных институтов. Существуют и альтернативные каналы влияния, обозначенные в тексте работы, но пока нет операционального инструментария для ответа на вопрос о том, почему тот или иной канал влияния проявляется в большей или меньшей степени.
- В построенной нами теоретической модели за кадром остается процесс согласования интересов участников элиты в социальном порядке ограниченного доступа. Мы приняли сильную предпосылку об их гомогенности, при этом в реальности их интересы могут различаться, что окажет влияние на величину регуляторного крена. Также в теоретической модели предельно упрощена процедура принятия решений регулятором и экономическими агентами в условиях структурной неопределенности для демонстрации базовых следствий наличия такой неопределенности: используется одношаговая игра, где все

игроки действуют одновременно. В дальнейшем следует осуществить более детализированный анализ этого процесса.

В третьей главе раскрыта проблема эффекта блокировки институциональных изменений, направленных на защиту и развитие экономической конкуренции в социальных порядках ограниченного доступа. Показано, что целесообразным является проектирование таких переходных институтов, которые увеличат частные издержки членов элиты при установлении избыточных регуляторных предписаний экономическим агентам, но при этом компенсируют возникающие для них риски, связанные с будущим распределением экономических благ. Более того, учитывая переменный состав коалиций, зависящий как от частных интересов участников, их идеологических установок, а также от информированности, возможно создание частных положительных стимулов для членов антиконкурентной коалиции для поддержки проконкурентных изменений с их стороны.

В качестве конкретных инструментов снижения регуляторного крена в социальных порядках ограниченного доступа нами предложены:

- создание института антимонопольной экспертизы регуляторных инициатив;
- развитие независимых союзов предпринимателей или отраслевых ассоциаций;
- развитие конкурентного рынка независимых центров экономической экспертизы регуляторных инициатив;
- сопровождение проконкурентных мер переходными компенсационными механизмами;
- адвокатирование конкуренции;
- развитие биржевой торговли товарами для увеличения относительного объема непersonифицированных трансакций, осуществляемых на общих принципах и в рамках прозрачной и конкурентной системы заключения сделок.

Список использованных источников

Нормативно-правовые документы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации Ч.2, утв. №117-ФЗ от 5.08.2000
2. Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 №35-ФЗ
3. Федеральный закон от 26.07.2006 «О защите конкуренции» №135-ФЗ
4. Федеральный закон от 21.12.2014 «О промышленной политике в Российской Федерации» № 488-ФЗ
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2017 г. №1767-р
6. Правила оптового рынка электроэнергии и мощности, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2010 г. №1172
7. Правила подтверждения соответствия промышленного кластера и специализированной организации промышленного кластера требованиям к промышленным кластерам и специализированным организациям промышленных кластеров в целях применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности, утв. постановлением Правительства РФ от 31.07.2015 № 779
8. Решение ФАС России по делу No 11/01/10-46/2020 от 2 ноября 2020 г.

Источники данных

9. BEEPS / EBRD. URL: <https://www.beeeps-ebrd.com/data/2018-2020/> (дата обращения: 10.04.2023)
10. Indicators of Product Market Regulation / OECD. URL: <https://www.oecd.org/economy/reform/indicators-of-product-market-regulation/> (дата обращения: 27.07.2023)
11. GlobalPetrolPrices / Data. URL: <https://www.globalpetrolprices.com/data/> (дата обращения: 01.05.2023)
12. BP Statistical Review of World energy 2022 / URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business->

[sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf](https://www.bp.com/content/dam/bp/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf) (дата обращения: 01.05.2023)

Электронные ресурсы

13. Алекперов заявил о возможном продлении соглашения с топливными компаниями / РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/06/06/2019/5cf8e74d9a794733ed511bc0> (дата обращения: 01.03.2024)
14. Визер Ф. (1914) Теория общественного хозяйства. Режим доступа: http://libertarium.ru/lib_mbv_v (дата обращения: 03.07.2023)
15. Рынок электроэнергии и мощности / НП Совет Рынка. Режим доступа: <https://www.np-sr.ru/ru/market/wholesale/index.htm> (дата обращения: 03.07.2023)
16. К ситуации в городе Пикалево. Досье. / Коммерсант. Режим доступа: <https://tass.ru/info/853402> (дата обращения: 15.07.2023)
17. Joined cases T-68/89, T-77/89 and T-78/89 Società Italiana Vetro SpA, Fabbrica Pisana SpA and PPG Vernante Pennitalia SpA v Commission of the European Communities [1992] EU:T:1992:38, para 358. URL: https://www.concurrences.com/IMG/pdf/celex_61989tj0068_en_txt.pdf?51224/3d92fc2d88e6f64d67bb66e7187adacd709dd26d (дата обращения: 15.07.2023)
18. Case T-228/97 Irish Sugar plc [1999]: EU:T:1999:246, para 66. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61997TJ0228&from=EN> (дата обращения: 15.07.2023)
19. Case C – 392/92 Gemeente Almelo and others, Energiebedrijf IJsselmij NV [1994] ECLI:EU:C: 1994:171. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61992CJ0393&from=EN> (дата обращения: 15.07.2023)
20. Case T-102/96 Gensor v. European Commission [1999]. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61999TJ0102&from=EN)

- [content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61996TJ0102&from=EN](#) (дата обращения: 15.07.2023)
21. Case T-342/99 Airtours v. European Commission [2002]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:61999TJ0342&from=EN> (дата обращения: 15.07.2023)
22. Competition Assessment Toolkit / OECD. URL: <https://www.oecd.org/competition/assessment-toolkit.htm>
23. Газпром считает необходимой донастройку демпфера в 2022 году. ТАСС. 17 дек 2021. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/13225219> (дата обращения: 28.11.2023)
24. Минфин РФ предлагает продолжить донастройку налогообложения нефтяной отрасли, в т.ч. очередную корректировку топливного демпфера. Neftegaz. 5 мая 2023. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/778905-minfin-rf-predlagaet-prodolzhit-donastroyku-nalogooblozheniya-neftyanoj-otrasli-v-t-ch-ocherednuyu-korrektirovku-toplivnogo-dempfera/> (дата обращения: 28.11.2023)
25. Независимый топливный союз предложил отменить демпфер для стабилизации топливного рынка. Neftegaz. 10 июл 2020. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/petroleum-products/619954-nezavisimyy-toplivnyy-soyuz-predlozhit-otmenit-dempfer-dlya-stabilizatsii-toplivnogo-rynka/> (дата обращения: 28.11.2023)
26. Petroleum Products Pricing Regulatory Agency (Establishment) Bill, 2003. URL: <https://www.orandconsultants.com/downloads/Petroleum%20Products%20Pricing%20Regulatory%20Agency%20Act.pdf> (дата обращения: 28.11.2023)
27. Understanding PPPRA's Role in New Petrol Price Regime / This Day. 7 July 2020. <https://www.thisdaylive.com/index.php/2020/07/07/understanding-pppras-role-in-new-petrol-price-regime/> (дата обращения: 28.11.2023)
28. Poverty Map / National Bureau of Statistics. URL: <https://www.nigeriapovertymap.com> (дата обращения: 28.11.2023)

29. New report pieces together toll of environmental damage in Venezuela in 2021 / MongaBay. 20 Apr 2022. URL: <https://news.mongabay.com/2022/04/new-report-pieces-together-toll-of-environmental-damage-in-venezuela-in-2021/> (дата обращения: 28.11.2023)
30. Gasoline queues return in Venezuela as refineries fail to produce / Reuters. 9 Dec 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/gasoline-queues-return-venezuela-refineries-fail-produce-2022-12-09/> (дата обращения: 28.11.2023)
31. Act Of The Republic Of Indonesia Number : 22 Of 2001 ; Dated : November 23, 2001. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/sites/default/files/Act%20on%20Oil%20and%20Natural%20Gas.pdf> (дата обращения: 20.11.2023)
32. СМИ: в Индонезии тысячи людей вышли на протест против роста цен на топливо / РИА Новости. 6 сен 2022. Режим доступа: <https://ria.ru/20220906/protest-1814882270.html> (дата обращения: 01.11.2023)
33. Logistics Cluster / Lybia. URL: <https://dlca.logcluster.org/31-libya-fuel> (дата обращения: 01.11.2023)
34. KAPSARC / Gasoline Price Reform in Saudi Arabia. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwjph9Ofhtr-AhVGiIsKHZV3DYMqFnoECDsQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.kapsarc.org%2Ffile-download.php%3Fi%3D31825&usg=AOvVaw2zEoCjhbQnZONPWBFqkYoC> (дата обращения: 28.11.2023)
35. Белоруссия ограничивает продажу топлива на АЗС / Коммерсант. 22 марта 2011. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1606084> (дата обращения: 28.11.2023)
36. Afghan People to Face Brutal Winter as Poverty and Fuel Prices Increase / Hashteh Subch Daily. 19 Oct 2022. URL: <https://8am.media/eng/afghan-people-to-face-brutal-winter-as-poverty-and-fuel-prices-increase/> (дата обращения: 28.11.2023)

37. Economie / Maximum prices for petroleum products. URL: <https://economie.fgov.be/en/themes/energy/energy-prices/maximum-prices-petroleum> (дата обращения: 28.11.2023)
38. Рост цен на бензин в 2021 году превысил уровень инфляции / Интерфакс. 12 янв 2022. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/815068> (дата обращения: 28.11.2023)
39. Выплаты нефтяникам из бюджета по топливному демпферу в 2022 г. выросли в три раза / Интерфакс. 11 янв 2023. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/880359> (дата обращения: 28.11.2023)
40. Все нефтяные компании подписали соглашение по стабилизации топливного рынка / Коммерсант. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3797891> (дата обращения: 01.03.2024)
41. Минфин РФ не пересматривал параметры бюджета в связи с введением потолка цен на российскую нефть / Neftegaz. 27 дек 2022. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/764479-a-siluanov-minfin-rf-ne-peresmatrival-parametry-byudzheta-v-svyazi-s-vvedeniem-potolka-tsen-na-rossi/> (дата обращения: 28.11.2023)
42. В России заработала новая формула расчета цены бензина / РБК. 1 мая 2021. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/01/05/2021/608b611d9a7947935169e8f3> (дата обращения: 28.11.2023)
43. Предел рынка: в России хотят ввести госрегулирование цен на бензин / Известия. 16 мар 2022. Режим доступа: <https://iz.ru/1305477/> (дата обращения: 28.11.2023)
44. Минфин и Минэнерго согласовали изменение демпфера по топливу / Интерфакс. 20 апр 2021. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/business/762295> (дата обращения: 20.11.2023)
45. «Восемь месяцев в году убыточная экономика» / Gazeta.ru. 10 сен 2021. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2021/09/10/13972136.shtml> (дата обращения: 20.11.2023)

46. US Cluster mapping: Database [Эл. ресурс] // Clusters. – 2013–2020. – URL: <https://www.clustermapping.us/cluster> (дата обращения: 11.05.2023)
47. U.S. Supreme Court limits federal power to curb carbon emissions / Reuters. URL: <https://www.reuters.com/legal/government/us-supreme-court-limits-federal-power-curb-carbon-emissions-2022-06-30/> (дата обращения: 01.02.2024)
48. Statement by President Joe Biden on Supreme Court Ruling on West Virginia v. EPA / The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/30/statement-by-president-joe-biden-on-supreme-court-ruling-on-west-virginia-v-epa/> (дата обращения: 01.02.2024)
49. К ситуации в городе Пикалево. Досье. / Коммерсант. Режим доступа: <https://tass.ru/info/853402> (дата обращения: 15.07.2023)
50. Цены на топливо: между рынком и регулированием / Аналитический центр при Правительстве РФ. Режим доступа: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/2022/energo_103.pdf (дата обращения: 15.07.2023)

Литература

51. Авдашева С.Б., Шаститко А.Е. Конкурентная политика: состав, структура, система // Современная конкуренция. – 2010 – №19(1). – с. 5 – 20.
52. Андреева А.А., Ионкина К.А., Санишвили Т.Т. Эмпирический подход к сравнению социальных порядков // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2017 – №2. – с. 51 – 71.
53. Аузан А.А. (под ред.) Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория / [А.А. Аузан, М.Е. Дорошенко, А.Н. Елисеев, Г.В. Калягин и др.]. – М.: ИНФРА-М, 2011.
54. Аузан А.А. Социокультурная экономика: как культура влияет на экономику, а экономика – на культуру: курс лекций / А.А. Аузан, Е.Н. Никишина. – М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021.
55. Аузан А.А., Крючкова П.В. (под ред.) Административные барьеры в экономике: институциональный анализ / [Г.В. Калягин, П.В. Крючкова, А.Ю. Обыденков и др.]; Ин-т нац. проекта "Обществ. договор", МГУ им. М.В.

- Ломоносова. Экон. фак. Каф. прикладной институцион. экономики. – М. : ИИФ "Спрос" КонфОП, 2002.
- 56.Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — М.: Дело Лтд, 1994.
- 57.Васильев Л.С. Восток и Запад в истории. Альтернативные пути к цивилизации: Кол. Монография. – М.: Логос, 2000. – с. 96 – 114.
- 58.Виноградов В.А. (под ред.) Приватизация в России и других странах СНГ: Сб. обзоров. – М.: РАН. ИНИОН. Центр научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем, 2003.
- 59.Голодникова А.Е., Ефремов А.А., Цыганков Д.Б. Под знаком «регуляторной гильотины»: как разорвать замкнутый круг дерегулирования и ререгулирования? // Закон. – 2021. – №2. – с. 105 – 117.
- 60.Григорьев Л.М., Курдин А.А. Экономический рост и спрос на энергию // Экономический журнал ВШЭ. – 2013. – №3. – с. 390 – 406.
- 61.Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности. М.: ИМЭМО РАН, 1990.
- 62.Капелюшников Р.И. Право собственности: очерк современной теории // Отечественные записки (НУЛ теории права НИУ ВШЭ). – 2019. – №6.
- 63.Коломиец А.Р., Федоров С.И. От иерархий до рынков: тернистый путь электроэнергетики к благосостоянию потребителя // Экономическая политика. – 2023. – №3. – с. 46 – 81.
- 64.Колосовский Н.Н. Теория экономического районирования. – М.: Издательство «Мысль», 1969.
- 65.Курдин А.А., Шаститко А.Е. Два аргумента за ограничение антитраста в реализации прав интеллектуальной собственности в развивающихся экономиках // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – №1. – с. 31 – 49.
- 66.Нейман Дж., Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970.

67. Нуреев, Р.М., Латов, Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010.
68. Ойкен В. Основные принципы экономической политики. – М.: Прогресс, 1995.
69. Плискевич Н.М. Возможности трансформации в России и концепция Норт-Уоллиса-Вайнгаста. Статья 1. Срывы модернизации вчера и сегодня // Общественные науки и современность. – 2013. – №5. – с. 37 – 50.
70. Плискевич Н.М. Система «власть – собственность» в современной России // Вопросы экономики. – 2008. – №5. – с. 119 – 126.
71. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. – 2001. – №3. – с. 24 – 49.
72. Полтерович В.М. Промышленная политика: рецепты или институты? // Журнал НЭА. – 2014. – №2. – с. 190 – 195.
73. Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. – М.: Челябинск: Социум, 2022.
74. Тамбовцев В.Л. Институциональная динамика в переходной экономике // Вопросы экономики. – 1998. – №5. – с. 29 – 40.
75. Тамбовцев В.Л. Конкуренция как экономическое благо // Terra Economicus. – 2017. – №1. – с. 16 – 28.
76. Тамбовцев В.Л. Теории государственного регулирования экономики. – М.: Проспект, 2021.
77. Тироль Ж. Рынки и рыночная власть : Теория организации промышленности / Пер. с англ. – СПб. : Экономическая школа, 1996.
78. Уэйнрайт Т. Наркономика. – М.: РИПОЛ классик, 2022.
79. Уэрта де Сото Х. Социально-экономическая теория динамической эффективности. – Челябинск: Социум, 2011.
80. Федоров С.И. Кластерная политика и инновационная активность промышленных предприятий // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2021. – №4. – с. 161 – 185.

81. Федоров С.И. Влияние политической власти на модели отраслевой организации: институциональный подход // *Общественные науки и современность*. – 2023. – №1. – с. 101 – 120.
82. Федоров С.И. Гарантии прав собственности как предварительные условия для экономической конкуренции: эмпирическое исследование // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. – 2023. – №5. – с. 90 – 115.
83. Федоров С.И. Регулирование розничных цен на моторное топливо: влияние характеристик социального порядка // *Управленец*. – 2024. – №1. – с. 83 – 96.
84. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. – М.: Издательство АСТ, 2023.
85. Шаститко А.Е. Конкуренция и антимонопольная политика в неоавстрийской теории // *Экономическая политика*. – 2008. – №2. – с. 106 – 126.
86. Шаститко А.Е. Кластеры как форма пространственной организации хозяйственной деятельности: теория вопроса и эмпирические наблюдения // *Балтийский регион*. – 2009. – №2. – с. 9 – 31.
87. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. — 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2010.
88. Шаститко А.Е. Быть или не быть антитрасту в России? // *Экономическая политика*. – 2012. – №3. – с. 50 – 69.
89. Шаститко А.Е. Структурная неопределенность и институты // *Общественные науки и современность*. – 2018. – №4. – с. 179 – 192.
90. Шаститко А.Е. Достоверность обязательств в контрактных отношениях: где пределы возможного? // *Управленец*. – 2022. – №2. – с. 20 – 33.
91. Шаститко А.Е. Несовершенные институты и реформы (О книге Трауринна Эггертссона «Несовершенные институты. Возможности и границы реформ») // *Вопросы экономики*. – 2022. – №2. – с. 147 – 157.
92. Шаститко А.Е., Ионкина К.А. Химера отечественного антитраста: институт коллективного доминирования в России // *Вопросы экономики*. – 2021. – №7. – с. 68 – 88.
93. Шаститко А.Е., Комкова А.А., Курдин А.А. Что экономическая теория может рассказать об адвокатировании конкуренции? // *Общественные науки и современность*. – 2016. – №1. – с. 47 – 62.

94. Шаститко А.Е., Павлова Н.С. Антитраст в условиях двусторонней монополии // Вопросы экономики. – 2017. – №8. – с. 75 – 91.
95. Шаститко А.Е., Павлова Н.С. Широкие перспективы и овраги конкурентной политики // Экономическая политика. – 2018. – №5. – с. 110 – 133.
96. Шаститко А.Е., Павлова Н.С. Антиконтурентные последствия антимонопольной политики: кейс мобильных операторов // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – №2. – с. 7 – 33.
97. Шаститко А.Е., Павлова Н.С. Пигувианство против коузианства: идеи, ценности, перспективы // Вопросы экономики. – 2022. – №1. – с. 23 – 46.
98. Шаститко А.Е., Паршина Е.Н. Особенности защиты конкуренции на двусторонних рынках // Закон. – 2016. – №2.
99. Шаститко А.Е. Структурная неопределенность и институты // Общественные науки и современность, – 2018. – №4, 179 – 189.
100. Шаститко А.Е., Федоров С.И. Человек в меняющемся мире: как координировать индивидуальные планы? // Вопросы экономики. – 2023. – №7. – с. 50 – 80.
101. Шумейкер П. Модель ожидаемой полезности: разновидности, подходы, результаты, пределы возможностей // THESIS. – 1994 – №5. – с. 29 – 80.
102. Шумпетер Й. [1911] Теория экономического развития. М. — «Эксмо», 2007.
103. Эггертссон Т. Несовершенные институты. Возможности и границы реформ. – М.: Издательство Института Гайдара, 2022.
104. Яковлев А.А. Как уменьшить силовое давление на бизнес в России? // Вопросы экономики. – 2012. – №11. – с. 4 – 23.
105. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // The American Economic Review. – 2001. – №5. – pp. 1369 – 1401.
106. Acemoglu D., Robinson J. Economic Origins of Democracy and Dictatorship. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 2006.

107. Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. N.Y.: Crown Publishing Group, 2012.
108. Acemoglu D., Robinson J. *The Narrow Corridor. States, Societies, and the Fate of Liberty*. New York: Penguin Publishers, 2019.
109. Aguirregabiria V., Collard-Wexler A., Ryan S.P. 'Chapter 4 – Dynamic games in empirical industrial organization' in *Handbook of Industrial Organization*. Amsterdam: Elsevier, 2021. – pp. 225 – 343.
110. Aiginger K. *Industrial policy: A dying breed or re-emerging Phoenix?* // *Journal of Industry Competition and Trade*. – 2007. – №7. – pp. 297 – 323.
111. Alchian A. *Some Economics of Property Rights* // *Politico*. – 1965. – №4. – pp. 816 – 829.
112. Amato G. *Antitrust and the Bounds of Power: The Dilemma of Liberal Democracy in the History of the Market*. Oxford: Hart, 1997.
113. Armentano D. *Antitrust: the Case for Repeal*. 3rd edition. Auburn: Ludwig von Mises Institute, 2007.
114. Arrow K.J. *The theory of risk aversion* // *Collected Papers of Kenneth J. Arrow: Individual choice under certainty and uncertainty*. — Harvard University Press, 1984. – 1984. – Vol. 3. – P. 147-171.
115. Asiimwe G.B. *From monopoly marketing to coffee mangedo: responses to policy recklessness and extraction in Uganda, 1971-79* // *Journal of Eastern African Studies*. – 2013. – №7. – pp. 104 – 124.
116. Avdasheva S., Golovanova S. *Distorting effects of competition authority's performance measurement: the case of Russia* // *International Journal of Public Sector*. – 2016. – №3. – pp. 288 – 306.
117. Avdasheva S., Shastitko A. *Russian anti-trust policy: power of enforcement versus quality of rules* // *Post-Communist Economies*. – 2011. – №4. – pp. 493 – 505.
118. Baumol W.J., Panzar J.C. Willing R.D. *Contestable markets and theory of industry structure*. – NY.: Harcourt Brace Jovanovich, Inc, 1982.

119. Bavel B. van, Ansink E., van Besouw B. Understanding the economics of limited access orders: incentives, organizations and the chronology of developments // *Journal of Institutional Economics*. – 2017. – №13. – pp. 109 – 131.
120. Becker G.S. A Theory of Competition among Pressure Groups for Political Influence // *Quarterly Journal of Economics*. – 1983. – Vol. XCVIII. – pp. 371 – 400.
121. Besley T., Ghatak M. Property rights and economic development. In Rodrick, Dani and Rosenzweig, Mark, (eds.) *Handbook of development economics*. Elsevier, pp. 4525 – 4595.
122. Besouw B. van, Ansink E., van Bavel B. The economics of violence in natural states // *Journal of Economic Behaviour & Organization*. – 2016. – №132. – pp. 139 – 156.
123. Boettke P.J., Candela R., Jacobsen P. Economic calculation and transaction costs: The case of the airline oversales auction system // *GMU Working Paper in Economics*. – 2022. – №22-06.
124. Boettke P.J., Coyne C.J., Leeson P.T. Chapter 6: Institutional stickiness and the new development economics. *Culture and economic action*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Ltd., 2015.
125. Boudreaux D., DiLorenzo D. The protectionist roots of antitrust // *The Review of Austrian Economics*. – 1993. – №2. – pp. 81 – 96.
126. Buchanan J. *Logical Foundations of Constitutional Liberty*. Indianapolis: Liberty Fund, 1999.
127. Cantillion R. [1755] *Essay on Economic Theory*. Ludwig von Mises Institute: Auburn, 2010.
128. Carayannis E.G., Samara E.T., Bakouros Y.L. *Innovation and Entrepreneurship: Theory, Policy and Practice*. – L.: Springer, 2015.
129. Casson M. C. *The Entrepreneur: An Economic Theory* (2nd ed). Oxford: Martin Robertson, 1982.

130. Clark J.M. 'Competition and the Objectives of Government Policy' in *Monopoly and Competition and Their Regulation*. E.H. Chamberlin, ed. – London: Oxford University Press, 1954.
131. Clark J.M. *Competition as a Dynamic Process*. Washington D.C.: Brookings Institution, 1961.
132. Clive W., Dave W. Contracting out war?: Private military companies, law and regulation in the United Kingdom // *International & Comparative Law Quarterly*. – 2005. – №54. – pp. 651 – 690.
133. Coase R.H. The Nature of the Firm // *Economica*. – 1937. – №4. – p. 386 – 405.
134. Coase R.H. The Problem of Social Cost // *The Journal of Law & Economics*. – 1960. – №3. – pp. 1 – 44.
135. Coase R.H. Durability and monopoly // *Journal of Law and Economics*. – 1972. – №15. – pp. 143 – 149.
136. Connor J.M. "Our Customers Are Our Enemies": The Lysine Cartel of 1992 – 1995 // *Review of Industrial Organization*. – 2001. – №1. – pp. 5 – 21.
137. Demsetz H. Toward a Theory of Property Rights // *The American Economic Review*. – 1967. – №2. – pp. 347 – 359.
138. DiLorenzo D. The origins of antitrust rethoric vs. reality // *Regulation*. – 1990. – №3.
139. Durlauf S.N. (ed.), Blume L. (ed.) *The New Palgrave dictionary of economics*. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016.
140. Eggertsson T. *Economic behavior and institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
141. Elwert G. 'Markets of violence' in *Dynamics of violence: processes of escalation and de-escalation in violent group conflicts* / ed. by Georg Elwert – Berlin: Duncker und Humblot. – 1999. – pp. 85 – 103
142. Fernandez R., Rodrik D. Resistance to Reform: Status Quo Bias in the Presence of Individual- Specific Uncertainty // *The American Economic Review*. – 1991. – №5. – pp. 1146 – 1155.

143. Foss N., Klein P. Organizing entrepreneurial Judgment: A New Approach to the Firm. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
144. Furubotn E.G., Pejovich S. The economics of property rights. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
145. Grossman H.I., Kim M. Swords or Plowshares? A Theory of the Security of Claims to Property // Journal of Political Economy. – 1995. – №6. – pp. 1275 – 1288.
146. Grossman S. J., Hart O. The costs and benefits of ownership: A theory of vertical and lateral integration // Journal of Political Economy. – 1986. – № 4. – pp. 691 – 719.
147. Hart O. Firms, Contracts and Financial Structure. – Oxford: Oxford University Press, 1995.
148. Hart O., Moore J. Property rights and the nature of the firm // Journal of Political Economy. – 1990. – №6. – pp. 1119 – 1158.
149. Hayek F.A. Der Wettbewerb als Entdeckungsverfahren. Kiel: Bd. 56 N.F., 1968.
150. Hirshleifer J. What Strategies Can Support Evolutionary Emergence of Cooperation? // The Journal of Conflict Resolution. – 1988. – №2. – pp. 367 – 398.
151. Hirshleifer J. Anarchy and its' breakdown // Journal of Political Economy. – 1995. – №1. – pp. 26 – 52.
152. Hirshleifer J. The dark side of the force: economic foundations of conflict theory. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
153. Honore A. M. 'Ownership' in Oxford essays in jurisprudence. Oxford: Oxford University Press, 1961.
154. Johnson S., McMillan J., Woodruff C. Courts and Relational Contracts // Journal of Law, Economics & Organization. – 2002. – №1(18). – pp. 221 – 277.
155. Kagel J.H., Levin D. The winner's curse and public information in common value auctions // American Economic Review. – 1986. – №76. – pp. 894 – 920.

156. Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S. Legal standards and the role of economics in Competition Law enforcement // *European Competition Journal*. – 2016. – №2. – pp. 1 – 21.
157. Killick T. *The Flexible Economy: Causes and Consequences of the Adaptivity of National Economies*. London: Routledge, 1995.
158. Kirzner I.M. *Competition and entrepreneurship*. Chicago: The University of Chicago Press, 1973.
159. Knight F. *Risk, Uncertainty and Profit*. Boston: Houghton, Mifflin, 1921.
160. Kpodar K.R., Omam P.A. To Pass (or Not to Pass) Through International Fuel Price Changes to Domestic Fuel Prices in Developing Countries: What Are the Drivers? // *Energy Policy*. – 2021. – 111999.
161. Krueger A. The Political Economy of Rent-Seeking Society // *American Economic Review*. – 1974. – №64. – pp. 291 – 303.
162. Kühn K.-U. «Germany.» in E.M. Graham and J. Richardson. eds. *Global Competition Policy*. Washington. D.C.: Institute for International Economics, 1997.
163. Kurdin A., Shastitko A. The new industrial policy: a chance for the BRICS countries // *BRICS Journal of economics*. – 2020. – №1. – pp. 60 – 80.
164. Lacobucci E.M. Abuse of Joint Dominance in Canadian Competition Policy // *University of Toronto Law Journal*. – 2010. – №60. – pp. 219 – 237.
165. Laffont J.-J., Tirole J. The Politics of Government Decision-Making: A Theory of Regulatory Capture // *Quarterly Journal of Economics*. – 1991. – №4. – pp. 1089 – 1127.
166. Lakatos I. *History of Science and Its Rational Reconstructions*. PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association, 1970.
167. Lange M.K. British Colonial Legacies and Political Development // *World Development*. – 2004. – №6. – pp. 905 – 922.
168. Leeson P. *The Invisible Hook: The Hidden Economics of Pirates*: Princeton: Princeton University Press, 2009.

169. Machlup F. Ludwig von Mises: A scholar who would not compromise. In: J.K. Andrews (ed.) *Homage to Mises: The first hundred years: Commemorative papers for the Ludwig von Mises centenary*. Hillsdale, MI: Hillsdale College Press. – 1981. – pp. 19 – 27.
170. Martimort D. *The Life Cycle of Regulatory Agencies: Dynamic Capture and Transaction Costs // Review of Economic Studies*. – 1999. – №66. – pp. 929 – 947.
171. McGuire M.C., Olson M. Jr. *The Economics of Autocracy and Majority Rule: The invisible hand and the use of force // Journal of Economic Literature*. – 1996. – №1. – pp. 72 – 96.
172. Menard C. *The economics of hybrid organizations // Journal of Institutional and Theoretical Economics*. – 2004. – №3. – pp.345 – 376.
173. Menard C. *Hybrid models of organization. Alliances, joint ventures, networks, and other ‘strange’ animals. The Handbook of Organizational Economics*. Princeton University Press. Ch. 26. – 2012. – pp. 1066 – 1108.
174. Menard C. *Hybrids: where we are? // Journal of institutional economics*. – 2022. – №18. – pp. 297 – 312.
175. Menard C. *On Clusters, Hybrids, and Other Strange Forms: The Case of the French Poultry Industry // Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE)*. – 1996. – №1. – pp. 154 – 183.
176. Mises L. [1949] *Human action: a Treatise on Economics*. – 3th rev. ed. – New Haven: Yale University Press, 1996.
177. Mitnick B.M. *Political Economy of Regulation*. N.Y.: Columbia University Press, 1980.
178. Motta M. *Competition policy: Theory and Practice*. – Cambridge: Cambridge university press, 2003.
179. North D.C. *Institutions, institutional change and economic performance*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
180. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and social orgers: a conceptual framework of interpreting recorded human history*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

181. Olson M. The Logic of collective action. Public goods and the theory of groups. Cambridge: Harvard University Press, 1965.
182. Pejovich S. Fundamentals of economics: a property rights approach. Dallas: Fisher Institute, 1981.
183. Persson T., Tobellini G. The Economic Effects of Constitutions. Munich lectures in Economics: MI Press, 2003.
184. Porter M.E. The competitive advantage of nations // Harvard business review. – 1990. – №2. – pp. 73 – 93.
185. Porter M.E. Clusters and the new economics of competition // Harvard business review. – 1998. – №6. – pp. 77 – 90.
186. Ramsey F.P. «Truth and Probability», in Ramsey, 1931, The Foundations of Mathematics and other Logical Essays. – 1926. – Ch. VII, p.156-198, edited by R.B. Braithwaite, London: Kegan, Paul, Trench, Trubner & Co., New York: Harcourt, Brace and Company.
187. Regnier E. Oil and energy price volatility // Energy Economics. – 2007. – №3. – pp. 405 – 427.
188. Robinson J. The Economics of Imperfect Competition. London: Macmillan and Co. Ltd., 1933.
189. Rothbard M. Power and Market: Government and the Economy. Auburn: Ludwig von Mises Institute, 1970.
190. Schultz T.W Investment in Entrepreneurial Ability // Scand. J. Econ. – 1982. – №4.
191. Shavell S. Economic Analysis of Property Law. NBER Working Paper 9695, 2003. URL: <http://www.nber.org/papers/w9695>
192. Skaperdas S. Cooperation, Conflict and Power in the Absence of Property Rights // American Economic Review. – 1992. – № 4. – pp. 720 – 739.
193. Sombart W. Krieg und Kapitalismus. – München & Leipzig: Verlag von Duncker & Humbolt, 1913.

194. Sombart W. Der Bourgeois : zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen. – München & Leipzig: Verlag von Duncker & Humbolt, 1913.
195. Stigler G. The Theory of Price. – N.Y.: Macmillan, 1966
196. Stigler G. The Theory of Economic Regulator // Bell Journal of Economics and Management Science. – 1971. – №2. – pp. 3 – 21.
197. Stotyka Y. Joint Dominance: Mobile Telecommunications in the Ukraine // World Competition: Law and Economics Review. – 2007. – №2.
198. Teece D.J., Pisano G., Shuen A. Dynamic capabilities and Strategic Management // Strategic Management Journal. – 1997. – №7. – pp. 509 – 533.
199. Thaler R.H. Anomalies: The winner's curse // The Journal of Economic Perspectives. – 1988. – №1. – pp. 191 – 202.
200. Tullock G. The Welfare Costs of Tarrifs, Monopolies and Theft // Western Economic Journal. – 1967. – № 5. – pp. 224 – 232.
201. Tullock G. The Origin Rent-Seeking Concept // International Journal of Business and Economics. – 2003. – №1. – pp. 1 – 8.
202. Weber M. Grundriss der Sozialökonomik. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1922.
203. Weingast B. The Political Foundations of Democracy and the Rule of Law // The American Political Science Review. – 1997. – №2(91). – pp. 245 – 263.
204. Weymouth S. Competition politics: interest groups, democracy, and antitrust reform in developing countries // The Antitrust Bulletin. – 2016. – №61. – pp. 296 – 316.
205. White L.J. Antitrust policy and industrial policy: a view from the US // New York University, Leonard N. Stern School of Business, Department of Economics; Working Papers 08 – 5, 2008.
206. Wieser F. Das Gesetz der Macht. Wien: Verlag von Julius Springer, 1926.
207. Williamson O. The Economic institutions of capitalism. New York: Free Press, 1985.

208. Williamson O. Comparative economic organization: the analysis of discrete structural alternatives // *Administrative Science Quarterly*. – 1991. – №2. – pp. 269 – 296.
209. Williamson O. Transaction cost Economics: The natural progression // *American Economic Review*. – 2010. – №3. – pp. 673 – 690.
210. Williamson O.E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*. – 2000. – №3. – pp. 595 – 613.
211. Winebrake J.J., Green E.H., Comer B., Li C., Froman S., Shelby M. Fuel price elasticities in the U.S. combination trucking sector // *Transportation Research Part D: Transport and Environment*. – 2015. – №38. – pp. 166 – 177.
212. Yakovlev A., Sobolev, A., Kazun, A. Means of production versus means of coercion: can Russian business limit the violence of a predatory state? // *Post-Soviet Affairs*. – 2014. – №30. – pp. 171 – 194.

Взаимосвязь между политической и экономической конкуренцией на примере
латиноамериканских наркокартелей¹⁴⁷

Следующий кейс приводится из исследования [Уэйнрайт, 2022, с. 58 – 59]. На его примере можно проследить взаимосвязь между установлением равновесия в социальном порядке ограниченного доступа и ограничениями, накладываемыми на экономическую конкуренцию. При этом речь идет о социальном порядке внутри наркомафии в Латинской Америке. Два примера (Сальвадор и Мексика) демонстрируют ситуации равновесия и неравновесия в социальном порядке соответственно. В первом случае банды поделили рынки сбыта и ограничили экономическую конкуренцию друг с другом, что помогло прийти к перемирию и прекратить войну между бандами, унесшую жизни более 50 тыс. чел. в 1990-е гг. Во втором случае речь идет о конкуренции между мексиканскими наркокартелями за транзитные города на границе с США: по ряду причин, связанных с государственной политикой в отношении картелей и особенностями трафика через границу, криминальные лидеры не могут договориться о разделе рынка. В итоге за приграничные города, особенно – за крупный канал поставок через г. Хуарэс, ведутся постоянные кровопролитные войны между картелями и полицией: в 2011 г. в Хуарэсе ежемесячно погибало около 300 чел., а за период 2006 – 2012 гг. в одном лишь этом городе похищено более 25 тыс. чел. [Уэйнрайт, 2022, с. 43]. Обращаем внимание на то, что основной причиной происходящего является то, что социальный порядок в этих местах не удовлетворяет пороговым условиям порядка открытого доступа: 1) нет верховенства права для элит (правоохранительные органы коррумпированы и взаимодействуют с лидерами наркокартелей); 2) нет консолидированного контроля над насилием (ни одна из враждующих группировок, ни полиция не контролируют ситуацию с применением насилия монопольно); 3) отсутствуют неперсонифицированные организации – для ведения любого бизнеса (например, открытия ресторана в Хуарэсе) необходимо одобрение и защита со стороны мафии, оплачиваемая данью. В таких условиях экономическая конкуренция вступает в конфликт с политическим соперничеством:

«<...> (о ситуации в Сальвадоре – прим. автора) В марте 2012 года «Квартал 18» пошел на перемирие со злейшим врагом – «Сальватруча». Старик Лин и его конкурент, гангстер американского происхождения Эдсон Закари Юфемя, договорились, что члены их банд будут в

---

¹⁴⁷ Кейс взят из исследования [Уэйнрайт, 2022]. Исследование посвящено поиску эффективных способов противодействия латиноамериканским наркокартелям с учетом достижений современной экономической науки.

дальнейшем стараться избегать взаимных убийств. <...> в трущобах Сальвадора достаточно лишь ступить на чужую территорию, и это будет поводом для убийства <...>.

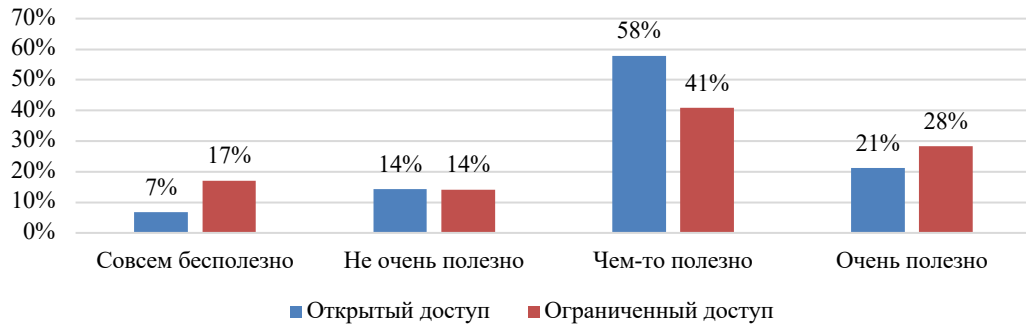
Раздел территории и система секторов частично объясняет, почему мирное соглашение оказалось жизнеспособным в Сальвадоре, а в Мексике – нет. Цель такого сговора, будь то между наркокартелями или обычными фирмами, состоит в том, чтобы превратить стихийную конкуренцию на крупном рынке в серию небольших монополий. <...> Компании, занятые нелегальным бизнесом, конечно, не станут особо стремиться соответствовать антитрестовскому законодательству, вот почему сговоры и соглашения между картелями — это вполне обычная практика.

Несмотря на экономическую целесообразность, мексиканским картелям не удалось таким путем поделить рынки. Крупнейшие пограничные шлюзы и портовые хабы у картелей на вес золота, а с учетом того, что на один лишь Хуарес приходится более 70% всей торговли, о «справедливом» разделе не может быть и речи. В случае с сальвадорскими «марас» ситуация сложилась иначе. Хотя на международном уровне их обороты весьма скромны, но основной объем деятельности приходится на внутренние рынки, среди которых особое значение играет наркоторговля и рэкет. Местный рынок значительно проще поддается разделу на сферы влияния. В условиях свободной конкуренции Старику Лину и его противнику пришлось бы постоянно снижать цены на наркотики и все более мягко заниматься рэкетом (или, наоборот, более жестко, из-за чего выбывание целевой аудитории стало бы происходить куда быстрее). Разделив же страну на две части, они могут спокойно задирать цены и не бояться за эффективность своего рэкета, тем самым значительно снизив издержки, характерные для ситуации с непосредственным противостоянием».

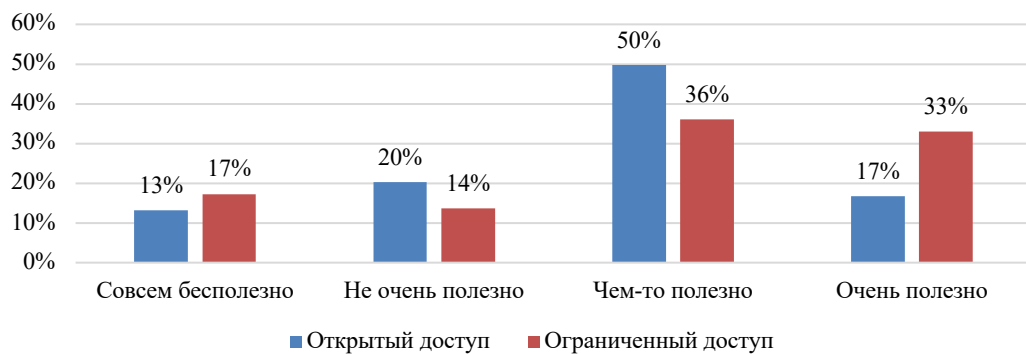
Далее Уэйнрайт приводит свидетельства тому, что успех сальвадорской мафии в установлении равновесия также поддерживается ограничениями конкуренции не только на рынке наркотических средств, но и на рынке труда. Так, в сальвадорской мафии, в отличие от мексиканской, принято набивать татуировки по всему телу – это становится существенным барьером для членов банды при попытке перейти на другую сторону или вернуться к легальной работе. Такие ограничительные меры служат дополнительной гарантией для мафиозной элиты в сохранении *статуса-кво* при распределении нелегальных рент.

Ответы респондентов на вопрос о том, как они оценивают полезность бизнес-ассоциаций (в социальных порядках открытого и ограниченного доступа соответственно):

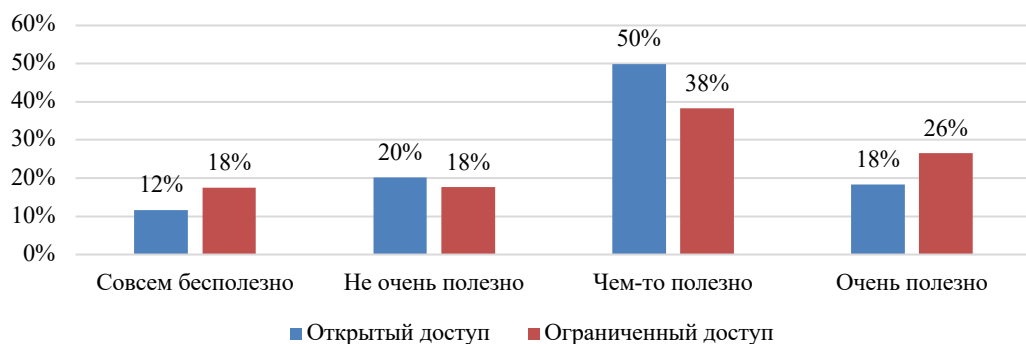
– для получения информации о новых регуляторных инициативах государства

– для аккредитации стандартов качества продукции

– для получения актуальной информации и контактов на международном уровне

Источник: составлено автором на основе данных BEEPS